

УДК 341
ББК 67.412
Н58

Автор:

Нефедов Б. И., доктор юридических наук, профессор департамента международных отношений Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Рецензенты:

Шумилов В. М., доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой международного права Всероссийской академии внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации;

Энтин М. Л., доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой интеграционного права и прав человека Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации.

Нефедов Б. И.

Н58 Мировой порядок: международно-правовой аспект : монография. — Москва : Проспект, 2024. — 176 с.

ISBN 978-5-392-39592-7

В монографии анализируются проблемы, связанные с определением таких понятий, как мировой порядок и его виды, их базисные нормативные основы, глобальный правопорядок и его особенности, вопросы соотношения понятий глобального правопорядка и глобального мироустройства и др. Указанные проблемы рассматриваются с позиций общей теории права и теории международного права, которые сегодня в значительной степени отличаются от соответствующих представлений, существующих в рамках неправовых дисциплин.

Для студентов, аспирантов и преподавателей юридических вузов, научных и практических работников в области международного права и международных отношений, а также для всех, кто интересуется проблемами, относящимися к мировому порядку.

УДК 341
ББК 67.412

Научное издание

Нефедов Борис Иванович

МИРОВОЙ ПОРЯДОК

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Монография

Подписано в печать 21.02.2024. Формат 60×90 ¹/₁₆.
Печать цифровая. Печ. л. 11,0. Тираж 1000 (1-й завод 100) экз.

ООО «Проспект»

111020, г. Москва, ул. Боровая, д. 7, стр. 4.

ISBN 978-5-392-39592-7

© Нефедов Б. И., 2024
© ООО «Проспект», 2024

ОТ АВТОРА

Значительные изменения в системе межгосударственных отношений, имевшие место в последние десятилетия, вызвали к жизни оживленную дискуссию по проблемам современного мирового порядка и будущего мироустройства. Однако в доктрине и международной политической практике единого представления о том, что же представляют собой эти, а также тесно связанные с ними явления, не сложилось. И дело не только в многоплановости указанных понятий. Ситуация усугубляется тем обстоятельством, что исследованиями таких проблем занимались (и занимаются), не только юристы-международники, но и многочисленные специалисты в области политологии, дипломатии, экономики, социологии, политической философии и др., которые в своем большинстве оказались просто недостаточно осведомлены о соответствующих положениях, существующих в общей теории права и теории международного права. Поэтому одной из целей написания настоящей монографии была хотя бы частичная коррекция сложившейся ситуации.

Конечно же, речь идет исключительно об информационной составляющей, и задачей исследования не являлось навязывание представителям других научных направлений тех или иных, в целом устойчивых в юриспруденции представлений о сущности и содержании указанных понятий. Другое дело, что их не следует игнорировать.

Глава 1

МИРОВОЙ ПОРЯДОК И ЕГО ВИДЫ

Обладание ясными общими понятиями есть необходимый элемент всякого знания и непрменный фактор всякого научного прогресса¹.

В силу своей многогранности мировой (международный) порядок привлекал внимание исследователей многочисленных научных направлений на самых разных исторических этапах развития человечества, но и сегодня связанные с этими понятиями теоретические и практические вопросы продолжают оставаться «центральной проблемой международных отношений»², а следовательно, и предметом многочисленных исследований ученых и политических деятелей. «Тем не менее до настоящего времени какого-либо однозначного, более-менее общепризнанного определения мирового порядка ни в доктрине, ни в международной политической практике так и не сформировалось»³, и большинство авторов, которые используют этот термин, избегают его определения.

Думается, что в числе основных причин сложившейся ситуации можно выделить следующие.

Прежде всего, исследователи мирового (международного) порядка никак не могут решить, что же представляет собой основной определяющий признак этого понятия?

Так, некоторые из них склонны сводить мировой порядок к **совокупности международных (межгосударственных) отношений**⁴. По мне-

¹ Катков В.Д. К анализу основных понятий юриспруденции. Харьков, 1903. С. 50.

² Ikenberry J. After Victory. Institutions, Strategic Restraint, and the Rebuilding of Order after Major Wars. New Jersey, Princeton, 2001. P. 22.

³ Нефедов Б.И. Понятие мирового порядка: теории и реальность // Сравнительная политика. 2021. Т. 12. № 3. С. 24.

⁴ В праве все международные отношения делятся на две большие группы: международные межгосударственные отношения (сюда включаются отношения между любыми субъектами международного права) и международные немежгосударственные отношения (когда общественные отношения имеют иностранный элемент, но хотя бы одним их участником является физическое или юридическое лицо).

нию А. А. Галкина, например, «миропорядок — это, прежде всего, совокупность взаимоотношений суверенных государств»¹.

Впрочем, не все разделяют мнение о том, что применительно к мировому порядку следует ориентироваться именно на международные межгосударственные отношения, поскольку полагают, что в соответствующих случаях нужно, наоборот, брать за основу международные *немежгосударственные* отношения². Так, по мнению К. А. Ефремовой, «термином „мировой порядок“, как правило, обозначается конвенциональная система мирового устройства, определяющая принципиальный характер взаимодействия между государствами и негосударственными акторами»³. Однако такой подход следует рассматривать как исключение.

Но обычно простой совокупностью международных межгосударственных отношений дело не ограничивается. Например, А. Д. Богатуров уже понимает под мировым порядком не совокупность, а систему отношений, которая складывается «между всеми странами мира»⁴. В то же время Л. Е. Гринин рассматривает мировой (международный) порядок не только как систему международных отношений, но и включает в него и представления о том, на каких принципах эти отношения должны выстраиваться⁵. П. А. Цыганков идет еще дальше и предлагает рассматривать международный порядок как некое «устройство международных (прежде всего межгосударственных) отношений, которое призвано обеспечить основные потребности государств и других институтов, создавать и поддерживать условия их существования, безопасности и развития»⁶. А вот Ю. П. Давыдов говорит не об устройстве международных отношений, а о состоянии «системы международных отношений», причем «соответствующим образом запрограммированное на ее безопасность, стабильность и развитие и регулируемое на основе критериев, отвечающих нынешним потребностям прежде всего самых влиятельных субъектов данного мирового сообщества»⁷.

¹ Галкин А. А. Размышления о политике и политической науке. М., 2004. С. 238.

² В доктрине их также называют трансграничными отношениями, транснациональными отношениями, отношениями субъектов национального права с иностранным элементом и др.

³ Ефремова К. А. Формирование «нового мирового порядка»: теоретические интерпретации и практическая реализация // Сравнительный анализ концепций и институтов. 2016. № 2 (23). С. 5.

⁴ Богатуров А. Д. Современный международный порядок // Международные процессы. 2003. Т. 1. № 1. С. 6.

⁵ Гринин Л. Е. Мировой порядок в прошлом, настоящем и будущем // История и современность. 2016. № 1 (23). С. 24.

⁶ Цыганков П. А. Теория международных отношений. М., 2003. С. 472.

⁷ Давыдов Ю. П. Норма против силы: проблема мирорегулирования. М., 2002. С. 39.

Аналогичного рода предположения имеют место и при попытках определения не только мирового порядка, но и мирового (международного) правопорядка¹.

Например, Н. А. Ушаков и М. Л. Энтин полагают, что международный правопорядок есть не что иное, как «совокупность правоотношений, которые складываются в соответствии с предписаниями основных общепризнанных его принципов — норм, имеющих императивный характер общеобязательного права (*jus cogens*)»². Близко к указанной формулировке и определение международного правопорядка, даваемое В. Н. Евинтовым: он считает, что «международный правопорядок есть совокупность отношений, основанных на нормах права»³, ядром которых «являются порождаемые основными принципами международного права общие правоотношения между субъектами сообщества государств по поводу защиты общих интересов и сохранения ценностей, разделяемых всеми»⁴.

Приведение соответствующих примеров можно было бы продолжить, тем более что в отечественной (в том числе советской) доктрине международного права «концепция международного правопорядка как единой, логически и иерархически выстроенной системы правоотношений» получила значительное распространение⁵.

По нашему глубокому убеждению ни мировой порядок, ни мировой (международный) правопорядок не следует олицетворять ни непосредственно с общественными отношениями (правоотношениями), ни с их «устройством» или «состоянием их системы» и прежде всего в силу излишне обобщенного характера подобных формулировок. Так, любые правовые понятия или установки в конечном счете находят свое выражение в том или ином поведении субъектов права, т. е. все в тех же общественных отношениях, и этот непреложный факт никак не помогает уяснить содержание, фундаментальные признаки, существенные свойства, концепт (смысл), которые тот или иной термин выражает, его связи и (правовую) природу.

Кроме того, при подобном подходе неизбежно возникает несколько вопросов, на которые нельзя ответить однозначно. Например, в чем же тогда разница между правопорядком (как системой

¹ Общественное отношение, урегулированное нормами права, есть правоотношение. Отсюда — правопорядок.

² *Международный порядок: политико-правовые аспекты*. М., 1986. С. 83.

³ *Евинтов В. И. Международное сообщество и правопорядок: анализ современных концепций*. Киев, 1990. С. 71.

⁴ Там же.

⁵ *Смбатян А. С. Эволюция международного правопорядка: универсализация или фрагментация? // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2013. № 6. С. 50.*

общественных отношений, урегулированных правом) и правоотношениями (которые также представляют собой систему общественных отношений, урегулированных правом)? Речь идет все-таки о системе общественных отношений или о их совокупности? Наконец, если правопорядок есть исключительно совокупность (система) общественных отношений, урегулированных нормами права, то как быть с такой объективно существующей реальностью, как правонарушение? Ведь право правонарушения не регулирует!

Сознательно или на подсознательном уровне правопорядок часто ассоциируется у различных исследователей исключительно с идеализированной ситуацией, когда всеми субъектами права требования всех правовых норм неукоснительно соблюдаются. Но правопорядок вовсе не является таким непогрешимым явлением, поскольку в реальной жизни имеет место и злоупотребление правом, и неисполнение обязанностей, и прямое нарушение требований правовых норм (как в форме умысла, так и по неосторожности), т. е. противоправное поведение. Но если тот же правопорядок — это совокупность только правоотношений, то получается, что должны существовать и «противоправные правоотношения», но таких (по определению) быть не может¹. Нарушение норм права влечет появление правоотношений, связанных с привлечением лица к юридической ответственности, но они не являются противоправными.

Означает ли, что правопорядок есть исключительно некая совокупность общественных отношений, урегулированных правовыми нормами? На этот вопрос следует ответить отрицательно. Если бы это было так, то, например, уже само установление запрета для граждан и юридических лиц выбрасывать мусор в неположенных для этого местах, а также обязанности собственника недвижимости (или управляющей компании) поддерживать чистоту на улицах и во дворах, должно означать установление соответствующего правопорядка. Почему же тогда граждане, видя на тех же улицах и во дворах много мусора, возмущаются тем, что порядок отсутствует, что «нет порядка»? Так, может быть, порядок все-таки состоит не в самом запрете или установлении тех или иных правил поведения, а в степени их выполнения?

Этот подход является справедливым не только на бытовом уровне.

И это в полной мере относится к определению понятия порядка (правопорядка) не только, как в нашем примере, для национального уровня. Скажем, существуют какие-то правила поведения, установленные международно-правовыми нормами для международных

¹ Хотя есть авторы, которые так не считают. См., например: *Вопленко Н. Н.* Правовые отношения: понятие и классификация // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: юриспруденция. 2003. № 6. С. 88.

межгосударственных отношений, но поведение отдельных субъектов этих отношений им не соответствует. Как исполнение требований таких норм, так и правонарушения проявляются именно в общественных отношениях. При этом правопорядок только олицетворяет соотношение тех и других отношений между собой, отвечая на вопрос о том, насколько исполнение требований данных международно-правовых норм соответствует их реальному воплощению. И здесь международно-правовые нормы являются только базовыми нормативными основами существующего в действительности правопорядка.

Последнее обстоятельство вызвало к жизни появление еще одного подхода к основному определяющему признаку понятия мирового порядка и его разновидностей. Он заключается в том, что довольно часто мировой (международный) порядок (правопорядок) рассматривается в доктрине (с неизбежными в таких случаях вариациями) **как совокупность или система социальных (или только юридических) норм и принципов, регулирующих международные отношения.**

Так, Н. М. Сирота считает, что «мировой порядок можно определить как совокупность принципов, норм и институтов, регулирующих поведение акторов мировой политики (прежде всего государств), обеспечивающих их основные потребности в безопасном существовании и реализации своих интересов, позволяющих поддерживать стабильность международной системы»¹. С ним практически полностью солидарен Э. Я. Баталов, по мнению которого мировой порядок представляет собой «принципы, нормы и институты, регулирующие поведение международных акторов» (причем к акторам он относит не только субъектов международного права)². А Белов также считает, что мировой порядок есть «нормы, договоры и институты, определяющие, как страны взаимодействуют друг с другом и как люди взаимодействуют с миром»³.

Иногда совокупность юридических норм, воспринимаемая как мировой порядок, может иметь трудно объяснимые ограничения.

¹ *Сирота Н. М.* Понятие «мировой порядок» в современном теоретическом дискурсе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 3 (29): в 2-х ч. Ч. II. С. 180. См. также: *Сирота Н. М., Мохоров Г. А.* Мировой порядок: генезис понятия и современные реалии // Клио. 2022. № 8 (188). С. 160; *Сирота Н. М., Мохоров Г. А., Хомелева Р. А.* Категория «мировой порядок»: опыт теоретического осмысления // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2022. № 1 (35). С. 60.

² *Баталов Э. Я.* Мировое развитие и мировой порядок. М., 2005. С. 5.

³ *Белов А.* После пандемии наступит новый мировой порядок. 4 мая 2020 // REGNUM. URL: <https://vk.com/@regnum-preview-318567415-2108952675> (дата обращения: 24.07.2023).

Так, по мнению Ш. Ш. Шахалилова, «мировой порядок есть совокупность правил поведения государств на международной арене, устанавливаемых победителями с целью защиты национальных интересов и недопущения новых угроз своей безопасности»¹.

Встречается и определение понятия правопорядка «как „нормы“ правовой жизни», согласно которой он «представляет собой интегративное проявление порядка в системе юридических норм, выраженных в различных источниках права и разделенных на отрасли и институты»². Полагаем, что в подобных концепциях речь идет не о порядке в рамках общественных отношений, а о «порядке» в системе юридических норм.

Среди зарубежных ученых такой подход также имеет своих сторонников. Так, П. Вайль полагает, что именно «международное право олицетворяет международный публичный порядок»³, а Д. Айкенберри ключевым признаком мирового (международного) порядка считает «наличие общепризнанных правил и принципов, которыми субъекты международных отношений руководствуются в отношениях друг с другом»⁴. В то же время, по мнению Т. Франка, основу мирового порядка составляет законность, под которой он понимает (опять же) «совокупность правил, созданных в ходе общепринятых юридических процедур»⁵. В принципе, сюда же можно отнести и целую группу американских авторов (М. Мазарр, М. Прайб, А. Радин и А. С. Севаллос), которые полагают, что международный «порядок — это устойчивая, структурированная модель взаимоотношений между государствами, которая включает в себя определенную комбинацию ее составных частей, в том числе возникающие нормы, нормотворческие институты и международные политические организации или режимы (помимо прочего)»⁶.

Немного забегаая вперед, отметим, что считаем допустимым согласиться с тем, что «мировой (международный) правопорядок *основывается* на международно-правовых принципах и нормах, поскольку

¹ Шахалилов Ш. Ш. Мировой порядок: проблемы трансформации // Международная жизнь. 2016. № 9. С. 111.

² Общее учение о правовом порядке. Восхождение правопорядка: монография / отв. ред. Н. Н. Черногор. М., 2019. С. 15.

³ Weil P. Towards Relative Normativity in International Law? // American Journal of International Law. 1983. Т. 77 AJIL (1983). P. 413–442.

⁴ Ikenberry J. After Victory. Institutions, Strategic Restraint, and the Rebuilding of Order after Major Wars. New Jersey, Princeton. 2001. С. 22–23.

⁵ Franck T. M. The Power of Legitimacy Among Nations. New York: Oxford University Press, 1990. С. 190.

⁶ Mazarr M. J., Priebe M., Radin A., Cevallos A. S. Understanding the current international order. A Rand Project to explore US Strategy in a Changing World. Santa Monica, 2016. P. 7.

он является фактическим результатом выполнения их требований и отражает степень их осуществления, но он точно не может отождествляться с самими международно-правовыми нормами или являться совокупностью таких норм»¹.

Полагаем, что истина (как это часто бывает) лежит где-то посередине между этими двумя крайностями — определением мирового (международного) порядка (правопорядка) как совокупности международных отношений, урегулированных теми или иными нормами международной нормативной системы (включая нормы международного права) и как совокупности регулирующих такие отношения норм (в том числе международно-правовых норм). По нашему мнению, такие порядки представляют собой **фактический результат** реализации требований соответствующих норм международной нормативной системы в рамках урегулирования ими тех или иных международных общественных отношений. При этом сами эти нормы являются только базовыми нормативными основами соответствующего порядка или правопорядка².

Еще в одну группу исследователей этой проблематики мы включили тех авторов, которые по различным причинам не вписались в нашу классификацию. Их довольно много, но приведем здесь только несколько соответствующих примеров. Так, по мнению Х. Булла, «под международным (мировым) порядком понимается характер (состояние) или направление внешней активности, обеспечивающей незыблемость тех целей сообщества государств, которые являются для него, с одной стороны, элементарно необходимыми, с другой — жизненно важными, с третьей — общими для всех»³. Думается, что это определение известнейшего зарубежного ученого, мягко говоря, само нуждается в значительных разъяснениях.

В качестве другого примера приведем мнение К. С. Гаджиева, который трактует понятие «мировой порядок» в двух форматах: в широком понимании оно рассматривается им как «мировое общество в его тотальности, включая всех без исключения акторов», а в узком смысле — как «система взаимоотношений наиболее активных акторов мирового сообщества, основанная на определенном комплексе неофициальных и официальных правил и норм поведения, закрепленных в международном праве, а также созданных на их

¹ Нефедов Б. И. Понятие мирового порядка: теории и реальность // Сравнительная политика. 2021. Т. 12. № 3. С. 26.

² Вообще понятие «совокупность норм» обычно относится к определению элементов структуры права: его отраслей, институтов и др.

³ Bull H. The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics. 3rd ed. New Jersey, 2002. P. 16.

базе институтов, организаций, союзов и т. д.»¹. На наш взгляд, здесь в первом случае имеет место частичная подмена понятия мирового порядка другим, а именно понятием мировой (политической) системы, а во втором — не ясна природа этого самого комплекса «неофициальных и официальных правил и норм поведения, закрепленных в международном праве». По крайней мере, существование «неофициальных международно-правовых норм до К. С. Гаджиева еще никто не фиксировал»².

Впрочем, К. С. Гаджиев в своем прямом отождествлении мирового порядка с мировой (политической) системой или ее состоянием не одинок. Например, М. М. Лебедева полагает, что «в простейшем выражении „миропорядок“ есть относительно устойчивое и достаточно стабильное, хоть и ограниченное в историческом времени состояние международной системы, характеризующееся господством признаваемых большинством акторов»³, а Р. А. Фальк так вообще утверждает, что мировой порядок и «есть трансформированная мировая политическая система»⁴. Эти понятия действительно в чем-то взаимно корреспондируют друг другу (мировой порядок тесно связан с урегулированием международных отношений и уровнем выполнения их субъектами соответствующих нормативных предписаний, а мировая политическая система представляет собой совокупность акторов, которые и являются такими субъектами), но это вовсе не говорит об их идентичности⁵.

Еще одна группа авторов пытается определить мировой порядок (правопорядок) через **различные международные многосторонние политические, финансовые и др. институты, а также факторы, оказывающие влияние на состояние мирового правопорядка**.

Так, А. Ворд полагает, что мировой порядок «в самом общем смысле относится к механизмам, созданным для обеспечения совместных усилий в решении геополитических, экономических и дру-

¹ Гаджиев К. С. Геополитические горизонты России: контуры нового миропо-
рядка. М., 2007. С. 12.

² Нефедов Б. И. Понятие мирового порядка: теории и реальность // Сравнительная политика. 2021. Т. 12. № 3. С. 26.

³ Лебедева М. М. Новый мировой порядок: параметры и возможные контуры // Полис. Политические исследования. 2020. № 4. С. 26. В другой работе она вообще фактически рассматривает эти понятия как взаимозаменяемые. См.: Лебедева М. М. Политическая система мира: проявления «внесистемности», или новые акторы — старые правила // «Приватизация» мировой политики: локальные действия — глобальные результаты. М., 2008. С. 53–66.

⁴ Falk R. A. An Approach to the World Order Studies and the World System. N. Y., 1982. P. 2.

⁵ См. подробнее: Цыганков П. А. Теория международных отношений: учеб. пособие. М., 2005. С. 473; Международный порядок: политико-правовые аспекты / под ред. Г. Х. Шахназарова. М., 1986. С. 7.

гих глобальных проблем, а также для арбитражного урегулирования споров»¹, что он «воплощается в различных многосторонних институтах, начиная с Организации Объединенных Наций...»² В то же время авторы «Понимания нынешнего международного порядка» считают, что он «вырастает из широкого характера международной системы»³ и представляет собой «сложившиеся и в определенной степени институционализированные в качестве институтов и практик модели отношений»⁴ и т. д.

Действительно, на состояние мирового правопорядка воздействует множество факторов, природа которых отличается крайним разнообразием. Прежде всего, к ним следует отнести иерархию государств в зависимости от их роли в международной политической и/или экономической системе, существующие принципы межгосударственных взаимоотношений, признанные механизмы реализации права и др. К их числу относится и деятельность международных многосторонних институтов (универсальных международных неправительственных организаций, военных союзов, интеграционных объединений и др.), которые часто, как и государства, выступают в роли творцов, исполнителей, а иногда и гарантов исполнения международно-правовых норм. В одних случаях эти факторы могут служить охране и укреплению мирового правопорядка (скажем, через обеспечение исполнения международно-правовых установок), в других, наоборот, отрицательно сказываться на его состоянии. В любом случае между ними существует тесная взаимосвязь⁵. Именно поэтому отдельные авторы и включают эти элементы механизма поддержания правопорядка и/или компоненты влияния на его состояние и даже участников соответствующих «международных отношений в качестве составных частей структуры самого правопорядка»⁶. Но элементы такого механизма или факторы влияния на состояние правопорядка — это не сам правопорядок.

Ну конечно же, есть мнения и совсем одиозные. Так, К. Ясперс, например, рассматривал мировой порядок как «принятое всеми устройство, возникшее вследствие отказа каждого от абсолютно-

¹ Ward A. «Adapt or Die», Ideas for modernizing the rules-based international order // Chatham House Expert Perspectives. 2019. June.

² Ibid.

³ Mazarr M. J., Priebe M., Radin A., Cevallos A. S. Understanding the current international order // A Rand Project to explore US Strategy in a Changing World. Santa Monica, 2016. P. 7.

⁴ Ibid.

⁵ См.: Нефедов Б. И. Понятие «мирового порядка»: теории и реальность // Сравнительная политика. 2021. Т. 12. № 3. С. 27.

⁶ Это проявляется и применительно к правопорядку на национальном уровне. См.: Морозова Л. А. Теория государства и права: учебник. М., 2019. С. 421–424.

го суверенитета», как общечеловеческие ценности и юридические нормы и, наконец, как «правовое устройство мира посредством политической формы и связывающего всех этноса»¹. Позволю себе это определение не комментировать.

Второй причиной отсутствия единого (хотя бы в самых общих чертах) определения мирового (международного) порядка (правопорядка) мы считаем различия во взглядах на него представителей разных научных школ, в рамках которых основной акцент ими делается не столько на уяснении сущности самого понятия, сколько на исполняемой им роли в конкретной области научного исследования или соответствующих областях правового регулирования².

Большинство таких школ сосредоточены в науке о теории международных отношений. Среди них можно выделить так называемых реалистов, которые (с неизбежными в таких случаях незначительными отклонениями от общей позиции) считают, что «международную политику ведут суверенные государства, взаимно уравнивающие мощь друг друга, а мировой порядок есть следствие стабильного распределения силы между крупнейшими государствами»³. Такой подход оспаривают представители английской школы: они (с той же оговоркой) сравнивают мировой порядок с рынком, где «действуют законы конкуренции, которые все и упорядочивают»⁴. Наконец, третья группа авторов в ходе рассмотрения теоретических основ и тенденций мировой политики приходит к выводу о том, что мировой порядок заключается в формировании среди государств центров силы, ищет сущность этого понятия в биполярности, полицентричности или моноцентричности мира, в многосторонности интеграционных образований и др.⁵. Полагаем, что в данном случае речь идет все о тех же факторах, которые, «действуя во взаимосвязи, могут способствовать укреплению мирового порядка или, наоборот, негативно влиять

¹ Ясперс К. Истоки истории и ее цель. М., 1991. Вып. 2. С. 89, 91, 94.

² См.: Нефедов Б. И. Понятие мирового порядка: теории и реальность // Сравнительная политика. 2021. Т. 12. № 3. С. 27.

³ Нье J. S. What new world order? // Foreign Affairs. 1992. Vol. 71. № 84. P. 83–96.

⁴ Булл Х. Анархическое общество: исследование проблемы порядка в мировой политике. Антология мировой политической мысли: в 5 т. Т. II: Зарубежная политическая мысль XX века. М., 1997. С. 801–806.

⁵ Васконселос А. де. Многополярность, становящаяся «многосторонней» // Геополитика. 2011. Вып. XII. С. 52–73; Громыко А. А. Изменяющаяся геометрия полицентричности // Сравнительная политика. 2012. Т. 3. № 2 (8). С. 59–63; Стрешнева М. В. Приверженность Евросоюзу принципу многосторонности в условиях трансформации мирового порядка // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2016. Т. 8. № 2. С. 3–30.

на его состояние»¹, но не способны представлять собой сам такой порядок.

Кроме политологии, свои представления о мировом порядке имеют в экономических дисциплинах (мировой порядок приравнивается к глобальной капиталистической экономике²), социологии³, политической философии⁴, регионоведении⁵, исторической науке и т. д. Правда, есть группа авторов, которая «поднялась» над узкоспециальным видением мирового порядка и утверждает, что современный международный порядок не является единым и включает в себя несколько самостоятельных и, что важно, «равноправных» мировых порядков (правопорядков), в том числе политический, экономический, информационный, правовой, экологический и др. Их набор, как правило, предопределен научными интересами тех или иных авторов⁶.

При этом довольно часто упоминаются в качестве составных частей мирового порядка (совместно или по отдельности) еще три его составных элемента: универсальная система безопасности, созданная по Уставу ООН, затем — так называемая западная система (куда входят «развитые рыночные демократии» Северной Америки, Европы и Азиатско-Тихоокеанского региона, объединенные как в рамках НАТО, ЕС, G7, ОЭСР и др., так и на основе двусторонних соглашений), а также универсальная экономическая система (в качестве ее «ключевых институтов выступают Международный валютный фонд, Всемирный банк и Всемирная торговая организация»⁷, которые «динамично сосуществуют с договоренностями и отношениями, установленными крупными державами»⁸). Здравое зерно

¹ *Сирота Н. М., Мохоров Г. А.* Мировой порядок: генезис понятия и современные реалии // Клио. 2022. № 8 (188). С. 158.

² *Cox R.* Social forces, states, and world orders: Beyond international relations theory // Millennium — Journal of International Studies. 1981. Vol. 10. № 2. P. 126–155.

³ См.: *Цыганков П.* Политическая социология международных отношений: учебное пособие. М., 1994; *Соколова С. Ю.* Социология международных отношений: лекции. Владимир: Изд-во Владим. гос. ун-та, 2006. С. 65–68.

⁴ *Баталов Э. Я.* Мировое развитие и мировой порядок. М., 2005.

⁵ *Тело М.* Регионализм в сложные времена. Конкурентные и постлиберальные тенденции в Европе, Азии, Африке и в Северной и Южной Америке. Лондон; Нью-Йорк: Раутледж, 2017; *Лагутина М. Л.* Глобальный регион как элемент мировой политической системы XXI века // Сравнительная политика. 2015. № 2 (19). С. 16–21.

⁶ См., например: *Конина Н. Ю.* Черты современной геоэкономики // Международные процессы. 2018. № 2. С. 186.

⁷ *Chalmers M.* Which Rules? Why There is No Single «Rules-Based International System» / Royal United Service Institute for Defence and Security Studies // Occasional Paper. 2019. April. P. 8.

⁸ *Ward A.* «Adapt or Die», Ideas for modernizing the rules-based international order // Chatham House Expert Perspectives. 2019. June.

в этих рассуждениях есть, но полагаем, что во всех этих случаях мы имеем дело не с самостоятельными и равными правопорядками, а с естественным делением (в целом единого) мирового порядка (правопорядка) или его разновидности на составные части, что может быть обусловлено, например, необходимостью определения его состояния в рамках тех или иных территорий, в той или иной сфере регулирования общественных отношений или в тот или иной временной период (по отдельности или в их сочетании). Например, в зависимости от пространственной сферы регулирования международных общественных отношений «можно выделить следующие типы мирового порядка: глобальный; региональный; субрегиональный; международно-ситуационный; групповой; двусторонний. Каждый из них отличается от других степенью зрелости и механизмами поддержания»¹.

Наконец, **третьей причиной**, препятствующей формированию какого-либо в целом единого определения понятия мирового порядка, явилось то, что в научных исследованиях никак «не могут определиться с соотношением понятий международного порядка и мирового порядка»², как и их производных в виде международного правопорядка и мирового правопорядка. Так, одни авторы полагают, что между этими схожими понятиями имеется разница в сфере распространения: если такой сферой является весь мир, то в этом случае следует говорить о мировом порядке, если это отдельный регион, то тогда необходимо вести речь о международном порядке³, и потому «если международный порядок как более или менее оптимальное устройство международных отношений, отражающее возможности общественных условий, существовал практически на всех этапах истории межгосударственных отношений, то этого нельзя сказать

¹ Панченко М. Ю. Международный порядок: сущность и механизмы // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. 2008. № 9. С. 70.

² Лебедева М. М. Политическая система мира: проявления «внесистемности», или новые акторы — старые правила // «Приватизация» мировой политики: локальные действия — глобальные результаты. М., 2008. С. 53–66; Bull H. The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics. L., 1985. P. 14.

³ Например, Г. Киссинджер по этому поводу пишет, что «мировой порядок подразумевает состояние конкретного региона или цивилизации, в рамках которого действует комплекс справедливых договоренностей и существует распределение власти, которое считается приложимым к миру в целом. Международный порядок есть практическое применение указанной системы взглядов к значительной части земного шара, причем территория охвата должна быть достаточно большой, чтобы повлиять на глобальный баланс сил. Наконец, региональный порядок основывается на тех же самых принципах, применяемых в определенной географической зоне». См.: Киссинджер Г. Мировой порядок. URL: <https://www.litres.ru/book/genri-kissindzher/mirovoyu-poryadok-10342021/chitat-onlayn/?ysclid=1rxluev1th143318063> (дата обращения: 25.07.2023).

о мировом порядке»¹. С такой позицией, на наш взгляд, в принципе следует согласиться, хотя следует признать, что существует и прямо противоположный взгляд на соотношение этих понятий².

Другие же считают, что разница между этими понятиями заключается в объеме охватываемых типов международных отношений: международный порядок относится исключительно к состоянию урегулирования *межгосударственных* отношений и является ядром мирового порядка³, а мировой порядок включает в себя урегулирование *всех* международных общественных отношений с участием не только государств, но и иных «акторов в выработке и соблюдении правил и норм взаимодействия, принятии решений, касающихся функционирования глобальной международной системы...»⁴. Иными словами, несколько нарушая последовательность изложения, отметим, что они фактически соотносятся между собой как мировой правопорядок и мировой общественный порядок⁵. Этот подход представляется нам весьма спорным. Поскольку речь идет «о порядках, возникающих как результат урегулирования соответствующих отношений разными по типу нормами международной нормативной системы, то и определяющим для них элементом является не столько характер субъектов этих отношений, сколько природа регулирующих их социальных норм, носящих, в частности, или только правовой, или, в совокупности, как правовой, так и неправовой характер»⁶.

Неопределенности в этот вопрос только добавили, с одной стороны, пояснения Х. Булла, согласно которым мировой порядок состоит из отношений между людьми и их группировками⁷, с другой — уточ-

¹ Романова Ю. В. Национально-государственный суверенитет и международный порядок // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 15 (153). Право. Вып. 19. С. 48. См. также: Цыганков П. А. Теория международных отношений. М., 2002. С. 472.

² Например, А. Д. Богатуров полагает, что мировой порядок «в современном мире не имеет всеобщего характера, по охвату он уже, чем порядок международный». См.: Богатуров А. Д. Современный международный порядок // Международные процессы. 2003. Т. 1. № 1. С. 7.

³ По Х. Булле, мировой порядок по сравнению с международным порядком «шире», «фундаментальнее» и «исконнее». См.: Bull H. The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics. L., 1985. P. 14.

⁴ Унтилова И. Л. Концепт «Новый мировой порядок» в современной политологии // Terra Linguistica. 2012. № 148. С. 117.

⁵ См., например: Hoffman S. Primacy of World Order: American Foreign Policy since the Cold War. N. Y., 1980; Ikenberry J. After Victory. Institutions, Strategic Restraint, and the Rebuilding of Order after Major Wars. New Jersey, 2001.

⁶ Нефедов Б. И. Понятие мирового порядка: теории и реальность // Сравнительная политика. 2021. Т. 12. № 3. С. 30.

⁷ Bull H. The anarchical society: A study of order in world politics. N. Y.: Columbia University Press, 1977. P. 20–22.

нения А. Д. Богатурова, который (в дополнение к выше указанной позиции) полагает, что понятие «международный порядок складывается «между всеми странами мира, совокупность которых условно именуется международным сообществом», а «мировой порядок» означает отношения внутри группы стран «либеральной демократии»¹.

Наконец, много проблем с выработкой некоего общего понятия мирового порядка возникает в силу несоблюдения при формулировании дефиниций искомым понятиям элементарных требований логики. Так, общеизвестно, что следует избегать формулировок с использованием однокоренных слов с определяемым понятием. Тем не менее А. Ф. Черданцева, например, пишет о том, что правопорядок есть «...порядок общественных отношений, складывающихся в результате соблюдения и исполнения законов и основанных на них других юридических актов»². Именно через термин «порядок» определяют международный правопорядок А. П. Мовчан³, Н. Е. Тюрина⁴, В. А. Василенко⁵ и некоторые другие авторы в ранее уже приводимых примерах.

К логическим требованиям относится и необходимость отражения в дефиниции понятия только его основных признаков (или основных составляющих его содержания), т. е. в формулировке понятия должно указываться лишь то, что необходимо и достаточно для установления смысла определяемого термина. По справедливому выражению А. А. Волкова, «определить — значит указать существенные черты определяемого предмета»⁶. И только уже в дальнейшей работе, «на основании этих определений, как некоего стержня», доводить «аргументацию до ее логического завершения»⁷. Иными словами, все остальные свойства, отличия, характерные черты и взаимосвязи определяемого явления, во избежание многочисленных, как правило, размытых и в то же время тяжеловесных «архитектурных излишеств», должны быть вынесены «за скобки», т. е. за пределы соответствующей дефиниции. Излишняя информация в формули-

¹ См.: *Богатуров А. Д.* Современный международный порядок // *Международные процессы.* 2003. Т. 1. № 1. С. 6.

² *Черданцев А. Ф.* Теория государства и права. М., 1999. С. 3.

³ *Мовчан А. П.* Вклад ООН в укрепление международного правопорядка (к 40-летию ООН) // *Правоведение.* 1985. № 6. С. 25.

⁴ *Тюрина Н. Е.* Международный правопорядок (современные проекты совершенствования и преобразования). Казань, 1991. С. 23.

⁵ См.: *Василенко В. А.* Стратегия международного обеспечения миропорядка // *Вестн. Киев. ун-та: Международные отношения и международное право.* 1984. Вып. 18. С. 4.

⁶ *Волков А. А.* Теория риторической аргументации. М., 2009. С. 282.

⁷ *Ирошников Д. В.* Определение понятий в правовой аргументации // *Юридическая техника.* 2013. № 7 (ч. 1). С. 133–136.

ровке понятия очень часто не столько разъясняет суть определяемого термина, сколько затушевывает высказываемую точку зрения.

Возьмем для примера приводимое ранее определение мирового порядка как «совокупность принципов, норм и институтов, регулирующих поведение акторов мировой политики (прежде всего государств), обеспечивающих их основные потребности в безопасном существовании и реализации своих интересов, позволяющих поддерживать стабильность международной системы»¹. Если все перечисленное есть обязательные признаки мирового порядка, то будет ли он вообще иметь место, если, например, некая «совокупность принципов, норм и институтов» окажется не способной обеспечивать основные потребности акторов мировой политики или их значительной части? Как быть, если интересы всех указанных акторов, на самом деле никогда полностью не совпадают? Что именно следует понимать под международной системой и нарушением ее стабильности (все мировые системы всегда находятся в постоянной динамике), и каковы критерии нарушения этой самой стабильности?

Или другой пример. По мнению В. В. Борисова, правопорядок — «это объективно обусловленное состояние, свойство социальной жизни, которое характеризуется внутренней согласованностью и урегулированностью системы правовых отношений и связей, основанных на реализации демократических, гуманистических принципов и нормативных основ права и законности; прав, свобод и обязанностей субъектов; правовая форма организации общественной жизни, ее состояние»². Здесь осталось только задать вопрос: так что же такое правопорядок?

Отметим, что наличием архитектурных излишеств страдают и многие другие приводимые ранее определения мирового порядка (правопорядка).

Теперь зададимся вопросом: если на международном уровне разрешения проблемы формулирования понятия мирового порядка (правопорядка) найти не удастся, то, может быть, здесь следует обратиться к аналогичным определениям, существующим **на национальном уровне**, ведь в общих подходах к установлению правовой природы этого феномена не должно быть принципиальных различий?

На первый взгляд этот вектор исследования откровенно разочаровывает, т. к. единства точек зрения на искомые понятия нет и здесь. И все-таки «жемчужное зерно» оказалось возможным обнаружить

¹ *Сирота Н. М., Мохоров Г. А.* Мировой порядок: генезис понятия и современные реалии // Клио. 2022. № 8 (188). С. 160.

² *Борисов В. В.* Правопорядок советского общества и пути его укрепления // Вопросы теории государства и права. Саратов, 1971. С. 52.

именно здесь, стоило лишь обратиться к соответствующим широко известным и общепринятым выводам, сделанным в рамках отечественной доктрины общей теории права (как наиболее разработанной по этим вопросам), причем как советского, так и современного периодов.

В ней можно выделить четыре основных подхода к пониманию правопорядка, с аналогом большинства которых мы уже встречались:

- правопорядок есть совокупность правовых норм (как варианты: является синонимом права или соответствующей национальной правовой системы)¹;
- правопорядком признается реализация норм права, так сказать, право в действии. При этом обычно основанием правопорядка считается правовая норма, а содержанием — само поведение субъекта права²;
- правопорядок рассматривается как система³ или совокупность⁴, но уже не правовых норм, а общественных отношений, урегулированных правом;
- правопорядок есть фактический результат практического осуществления требований норм права⁵, это состояние⁶, ре-

¹ См. подробнее: Общее учение о правовом порядке. Восхождение правопорядка: монография / отв. ред. Н. Н. Черногор. М., 2019. С. 239, 243–244, 316, 317.

² См.: *Явич Л. С.* Социалистический правопорядок. Л., 1972. С. 8, 16, 17, 23; *Сыдорук И. И.* Государственно-правовое обеспечение правопорядка в Российской Федерации: теоретико-прикладные проблемы: монография. М., 2003. С. 32; *Честнов И. Л.* Постклассическая теория права: монография. СПб., 2012. С. 476.

³ Так, С. Н. Кожевников определяет правопорядок как «систему общественных отношений, основанных на нормах права, требованиях законности». См.: *Кожевников С. Н.* Общая теория права: курс лекций. 2-е изд., перераб. и доп. Нижний Новгород, 2010. С. 207. См. также: *Сырых В. М.* Теория государства и права. М., 1998. С. 310; *Тимошенко И. В.* Теория государства и права. Ростов н/Д., 2002. С. 484.

⁴ *Скакун О. Ф.* Теория государства и права: учебник. Харьков, 2000. С. 493. *Стручков Н. А.* Советская исправительно-трудовая политика и ее роль в борьбе с преступностью. Саратов, 1970. С. 22. По мнению В. М. Артемова, правовой порядок представляет собой устойчивую совокупность общественных отношений и социальной деятельности. См.: *Артемов В. М.* Правопорядок в современном российском обществе: концептуальные обоснования и инновации. М., 1998. С. 36.

⁵ *Быстрянец С. Б.* К вопросу о соотношении социальных и правовых норм // Ученые записки Санкт-Петербургского филиала российской таможенной академии. 2015. № 4 (56). С. 131.

⁶ *Лукин А. Д.* Правопорядок как момент общественных отношений // Законность и правопорядок: взгляд сквозь века: сб. статей. М.: Университет прокуратуры Рос. Федерации, 2021. С. 46; *Матузов Н. И., Малько А. В.* Теория государства и права: учебник. 5-е изд. М., 2017. С. 421; *Радько Т. Н.* Теория государства и права. 2-е изд. М., 2010. С. 667.

зультат урегулированности общественных отношений нормами права¹ конкретной правовой системы — как международной, так и национальной².

Впрочем, есть авторы, которые рассматривают правопорядок и как состояние правового урегулирования общественных отношений, и как его процесс, и как результат³, и как совокупность всех этих трех качеств⁴.

Ну и конечно же, существуют доктринальные позиции, которые не вписываются в нашу классификацию. Это, например, мнение о том, что правопорядок — это система применения государственной власти одной частью общества для осуществления принуждения в отношении другой его части⁵. Конечно же, для защиты правопорядка действительно может применяться принуждение, но оно не является его сущностью.

Не вписываются в приведенную классификацию и те дефиниции, формулировки которых сами нуждаются в толковании. Например, в очень интересной (с познавательной точки зрения) книге Р. Кирка «Корни американского порядка» правопорядок определяется как «системное и гармоничное образование, которое предполагает выполнение определенных обязанностей и обладание определенными правами»⁶. Ну что сказать? Общеизвестно, что нет ничего более неопределенного, чем содержание термина «определенное».

Коротко остановимся на доктринальных направлениях, приведенным в классификации:

1. В части определения правопорядка как совокупности правовых норм отметим только, что подобные правовые общности обычно дают нам понимание права в целом, его отраслей и институтов, иных элементов его структуры, но правопорядок к ним никак отнесен быть не может. А в части рассмотрения правопорядка в качестве правовой

¹ *Алексеев С. С.* Общая теория социалистического права: Введение. Сущность социалистического права: курс лекций. Вып. 1. Свердловск. 1963. С. 187; *Васильев А. М.* Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М., 1976. С. 181; Общее учение о правовом порядке. Восхождение правопорядка: монография / отв. ред. Н. Н. Черногор. М., 2019. С. 264, 336.

² *Шмаков Р. В.* Теоретико-правовые аспекты соотношения международного правопорядка и наднационального права // Современное право. 2013. № 12. С. 142.

³ См.: *Борисов В. В.* О связи правопорядка и правовых отношений // Вопросы теории государства и права. Актуальные проблемы теории социалистического государства и права: Межвузовский научный сборник. Саратов. 1983. С. 37, 40.

⁴ *Тюрин Н. Е.* Международный правопорядок (современные проекты совершенствования преобразования). Казань, 1991. С. 10.

⁵ *Chambliss W. J., Seidman R. B.* Law, order and power. Massachusetts. 1982. P. 77; См. об этом также: Общее учение о правовом порядке. Восхождение правопорядка: монография / отв. ред. Н. Н. Черногор. М., 2019. С. 267.

⁶ *Kirk R.* The roots of american order. La Salle III: Open Court, 1974. P. 5.

системы подчеркнем лишь то, что в юридической доктрине к числу ее элементов обычно относят многочисленные структурные элементы: «право, правотворчество, правоприменительную деятельность компетентных органов, индивидуальные правовые предписания, правоотношения, совокупность правовых актов-документов, в том числе нормативных, интерпретационных, индивидуальных, а также юридические нормы, правоположения юридической практики и индивидуальные предписания»¹ (большая часть которых и так имеет довольно отдаленное отношение к правопорядку²), но и, в числе прочего к правовой системе относят и сам правопорядок³ (вместе с законностью). Отсюда рассмотрение в качестве синонимов понятий национальной правовой системы и правопорядка, на наш взгляд, просто невозможно.

2. Правопорядок не тождественен и реализации норм права, хотя как правовые явления они, конечно же, тесно связаны. Дело в том, что реализация норм права — это воплощение правовых предписаний в поведении субъектов права. В ходе различных форм этой реализации (соблюдения, использования, исполнения и применения) вполне оправданно говорить, например, о правомерном или неправомерном поведении того или иного субъекта права, но при этом сами эти формы вовсе не обозначают ни того, ни другого поведения. Это только инструменты претворения требований правовых норм в жизнь⁴. Правопорядок, скорее, — *результат* реализации требований правовых норм.

3. Что касается определения правопорядка как системы или совокупности общественных отношений (правоотношений), в дополнение к ранее приведенным аргументам отметим, что нельзя не отнести эту позицию к неистребимому (и до конца непонятному) стремлению части отечественных ученых устанавливать содержание чуть ли не всех правовых явлений через общественные отношения. Правопорядок не следует отождествлять с правоотношениями, поскольку само их существование недостаточно для наличия правопорядка, поскольку не гарантирует неукоснительного соблюдения установленных соответствующими нормами права правил поведения, а значит,

¹ Алексеев С. С. Право и правовая система // Правоведение. 1980. № 1. С. 29.

² Более подробно существующие подходы к элементам правовой системы см.: Байтин М. И. Сущность права. (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). 2-е изд. М., 2005. С. 183–188.

³ См., например: Скаун О. Ф. Теория государства и права: учебник. Харьков, 2000. С. 260; Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. М., 2001. С. 127.

⁴ Так, кухонным ножом можно как резать хлеб, так и убить человека, и это вовсе не означает, что нож — это плохо или хорошо, поскольку он только орудие в руках человека и не является причиной или следствием того или иного его использования.

не отражает того или иного качественного состояния эффективности правового урегулирования общественных отношений, т. е. именно того, что и является главным существенным признаком правопорядка¹.

Трудно согласиться и с тем, что правопорядок есть состояние урегулированности (упорядоченности) общественных отношений нормами права. Дело не в том, урегулированы или не урегулированы те или иные отношения правом, а в том, соблюдаются или не соблюдаются соответствующие требования правовых норм субъектами права.

А вот четвертое доктринальное направление определения понятия правопорядка (обозначение его как состояния, фактического результата практического осуществления требований правовых норм) заслуживает особого внимания. Посмотрим на обычно приводимые определения правопорядка этой группы авторов. Так, по словам С. С. Алексеева, правопорядок есть «результат законности, характеризующий степень осуществления ее требований»². А. М. Васильев уточняет эту позицию и утверждает, что правопорядок «проявляется... как общий юридический критерий эффективности правового регулирования, ибо его результаты выявляются при сопоставлении нормативных требований с общим состоянием правопорядка»³. Р. А. Ромашов полагает, что правопорядок — это фактическое состояние правовой жизни общества⁴, а Б. А. Спасенников считает, что это результат, итог осуществления норм права (законов) при режиме законности⁵. Как «состояние фактической упорядоченности общественных отношений, выражающее реальное практическое осуществление требований социалистической законности», квалифицируют правопорядок И. С. Самощенко⁶, Ю. А. Соколов⁷, Н. А. Стручков⁸ и др. В то же время С. Б. Быстрянец констатирует, что правопорядок

¹ Понятие состояния есть качественная характеристика чего-либо, а понятия совокупности или системы в значительной степени характеристики количественные.

² Алексеев С. С. Общая теория социалистического права. Свердловск, 1963. С. 219.

³ Васильев А. М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М., 1976. С. 179–180.

⁴ Ромашов Р. А., Салников В. П., Оль П. А. Основы теории государства и права: учебник. СПб., 2002. С. 148.

⁵ Спасенников Б. А. Теория государства и права: курс лекций. М., 2013.

⁶ Самощенко И. С. Понятие правонарушения по советскому законодательству. М., 1963. С. 47.

⁷ Соколов Ю. А. Участие трудящихся в охране советского общественного порядка. М., 1962. С. 12.

⁸ Стручков Н. А. Советская исправительно-трудова́я политика и ее роль в борьбе с преступностью. Саратов, 1970. С. 22.

док есть «состояние фактической упорядоченности общественных отношений, наступившее в результате практического осуществления требований права и режима законности»¹, а В. С. Нерсесянц исходит из того, что «под реальным правопорядком... имеется в виду фактически соблюдаемый и реально функционирующий абстрактно-должный правопорядок»².

Почему же мы выделяем именно такой подход к определению понятия правопорядка?

Здесь важно учитывать одно принципиальное обстоятельство: любая верная научная теория должна, подобно ключу, не только входить в замочную скважину проблемы, но и поворачиваться в ней, т. е. соответствовать уже имеющимся решениям иных вопросов, тесно связанных с предметом исследования. Думается, что в нашем случае представление о правопорядке и его юридической сущности должно четко вписываться в триаду таких взаимно коррелирующих между собой понятий, как **право, законность и правопорядок**. Рассмотрим указанную взаимосвязь.

Национальное право обычно определяется в общей теории права (с неизбежными в таких случаях непринципиальными редакционными отличиями) как система общеобязательных, формально определенных, установленных и/или гарантированных государством правил поведения, выступающих в качестве регуляторов общественных отношений. По крайней мере, при всех неизбежных в таких случаях научных разногласиях все авторы согласны с тем, что эти правила поведения в той или иной степени всегда связаны с государством, поскольку обеспечиваются с его стороны той или иной формой принуждения³.

Законность традиционно определяется как требование строгого и неуклонного осуществления предписаний, действующих в пределах юрисдикции государства правовых норм всеми субъектами права⁴. Хотя сегодня она рассматривается и как принцип государственно-правовой жизни, и как метод государственного руководства

¹ Быстрянец С. Б. К вопросу о соотношении социальных и правовых норм // Ученые записки Санкт-Петербургского филиала российской таможенной академии. 2015. № 4 (56). С. 131.

² Нерсесянц В. С. Общая теория права и государства. М., 2019. С. 534.

³ В рамках юрисдикции государства и с его санкции могут действовать не только нормы собственного национального права, но и нормы иностранного права, а также самоисполнимые нормы международных договоров, юридическая обязательность которых также обеспечивается данным государством.

⁴ Камаров С. А. Общая теория государства и права: учебник для бакалавриата и магистратуры. 9-е изд., М., 2018. С. 150–151; Чертова Н. А., Ершова И. В. Теория государства и права: учебное пособие / Сев. (Арктич.) федер. ун-т. Архангельск, 2021. С. 65.

обществом, и как режим жизни общества¹, практически все авторы сходятся на том, что законность по своей правовой сущности — это требование неукоснительного соблюдения правил, установленных правовыми нормами².

Но мало установить юридически обязательные правила поведения людей в обществе и потребовать их исполнения, надо еще, чтобы они соблюдались. Так вот **правопорядок** как раз и является показателем (результатом, критерием) того, насколько строго и неуклонно осуществляется субъектами права выполнение предписаний и иных правил поведения, установленных правовыми нормами³. Иными словами, правопорядок есть качественная характеристика и оценка фактического состояния соблюдения норм права в данном обществе.

Чтобы избежать очередной терминологической путаницы, сформулируем соотношение этих понятий предельно просто: **право устанавливает** юридически обязательные правила поведения, **законность требует** их неукоснительного выполнения, а **правопорядок указывает** на то, в какой мере это требование законности реально выполняется⁴.

¹ Следует при этом согласиться с А. Б. Венгеровым в том, что «нельзя отождествлять законность ни с деятельностью людей, ни с их правомерными поступками, ни с их отношениями, развивающимися на основании законов». *Венгеров А. Б.* Теория государства и права: учебник. М., 2014. С. 233.

² По этому вопросу следует особо отметить серию работ советских ученых-юристов, таких как: *Александров Н. Г.* Законность и правопорядок в социалистическом обществе // Советское государство и право. 1955. № 5. С. 3–16; *Строгович М. С.* Социалистическая законность, правопорядок и применение советского права. М., 1966; *Гранин А. Ф.* Социалистическая законность и правопорядок: теоретические вопросы охраны правопорядка и укрепления социалистической законности в деятельности органов внутренних дел. Киев, 1970; *Мураметс О. Ф., Шамба Т. М.* Правопорядок в развитом социалистическом обществе. М., 1979; *Блинов В. М.* Законность и правопорядок в советском обществе. М., 1971. Из более современных трудов: Законность: теория и практика: монография / М. С. Андрианов, С. А. Боголюбов, Н. Д. Бут и др.; отв. ред. Ю. А. Тихомиров, Н. В. Субанова. 3-е изд. М., 2017.

³ Случается, что на бытовом уровне люди в своих оценках состояния порядка (правопорядка) доходят до крайностей: если установленные правила поведения соблюдаются, значит, в обществе существует порядок, но если по тем или иным причинам требования социальных норм не соблюдаются, то говорят о том, что «нет порядка». На самом деле если соответствующие социальные нормы являются действующими, то, как уже отмечалось, следует говорить о том или ином состоянии порядка (общественного порядка или правопорядка), но не о его отсутствии.

⁴ Одной из проблем правопорядка является выбор тех критериев, с помощью которых с достаточной достоверностью можно было бы определять уровень соблюдения требований правовых норм. Как правило, в доктрине к ним относят общественное мнение (устанавливаемое с помощью социологических опросов), позиции экспертов, отчеты правоохранительных органов, результаты официальных проверок их деятельности и др. См., например: *Андрианов М. С.* Общественное мнение о состоянии законности в Российской Федерации: основные тренды и вызовы современности // Законность в Российской Федерации: вызовы эпохи М., 2016. С. 96–103.

Иные концепции определения правопорядка (как совокупности правовых норм, системы общественных правоотношений, реализации норм права и др.) в указанное соотношение понятий «право — законность — правопорядок» просто не вписываются.

Таким образом, **правопорядок на национальном уровне** есть фактическое состояние выполнения требований всех правовых норм, легитимно допущенных государством к регулированию общественных отношений в рамках его юрисдикции.

На международном уровне Р. А. Мюллерсон, например, определяет международный правопорядок как «такое состояние международной системы, которое характеризуется достаточно высокой степенью соответствия фактического состояния международных отношений требованиям принципов и норм международного права»¹. Правда, по поводу этого его определения В. Н. Евинтов высказался в том духе, что в таких случаях речь идет о «реальном состоянии международной законности»². С этой поправкой трудно согласиться, поскольку «состояния» у законности, как у требования (принципа, метода), не бывает. Но о нем допустимо говорить применительно к правопорядку, в рамках которого этот критерий выступает в качестве показателя (уровня) фактического выполнения предписаний соответствующих норм права. Кроме того, сама применимость термина «законность» (как и «законодательство») к сфере международно-правового регулирования вызывает серьезные сомнения, поскольку в числе источников международного права нет нормативных правовых актов, к которым, как известно, относятся и законы. И если на национальном уровне допустимо говорить о том, что правопорядок есть фактический показатель «практического осуществления требований права и режима законности»³, то буквальный перенос такого определения на международный уровень вряд ли возможен.

Думается, что **мировой (международный) правопорядок** представляет собой (в его юридическом понимании) не что иное, как фактическое состояние выполнения требований международно-правовых норм.

Но такое определение будет неполным без конкретизации видов мирового порядка, которые находятся в неразрывной связи с видами социальных норм, регулирующих соответствующие общественные

¹ Мюллерсон Р. А. Рецензия на книгу «Мировой океан и международное право: основы современного правопорядка в Мировом океане» // Современное государство и право. 1988. № 6. С. 147.

² Евинтов В. И. Международное сообщество и правопорядок: (анализ современных концепций). Киев, 1990. С. 70.

³ Быстрянец С. Б. К вопросу о соотношении социальных и правовых норм // Ученые записки Санкт-Петербургского филиала российской таможенной академии. 2015. № 4 (56). С. 131.

отношения. И тут мы вновь вынуждены обратиться к широко известным в юриспруденции выводам общей теории права, полученным в результате исследований понятий порядка и правопорядка на национальном уровне правового регулирования, как к более детальным и глубоко проработанным.

Виды социальных норм и виды порядка (правопорядка) на национальном уровне

Начнем с того, что все созданные людьми *правила* можно условно разделить на две группы.

Первую группу составляют так называемые технические нормы, т. е. «правила взаимодействия людей с природными ресурсами, техникой, орудиями труда и т. п. К ним также обычно относят правила выполнения определенных строительных работ, агротехнические нормы, технические стандарты и т. п.»¹. Понятно, что в нашем случае речь идет не о них.

Вторая группа состоит из так называемых социальных норм, целью которых является урегулирование отношений с участием людей (физических лиц и различных формируемых ими коллективов) путем установления для них тех или иных общих правил поведения, образцов того, как они должны вести себя в обществе². Такие нормы регулируют волевые отношения, т. е. те из них, что находятся под контролем сознания и воли участвующих в них субъектов и допускают возможность выбора ими своего поведения. При этом, естественно, само такое поведение должно поддаваться человеческому контролю и регулированию.

Социальные нормы многочисленны и разнообразны. На национальном уровне к ним относятся нормы морали и нравственности, обычаи и обыкновения, религиозные каноны, установки политических партий и общественных организаций, традиции и ритуалы, корпоративные нормы, правила этикета, так называемые «нормы малых групп» (таких, например, как семья, дружеская компания, спортивная команда) и т. д. Основой всей системы нормативного урегулирования общественных отношений и ее важнейшей частью, ядром и объединяющим скелетом, не позволяющим этой системе рассыпаться и формировать некое общее единство. В силу указан-

¹ Нефедов Б. И. Понятие «правила» в доктрине «международного порядка, основанного на правилах» // Россия и современный мир. 2021. № 3. С. 6–21. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-pravila-v-doktrine-mezhdunarodnogo-poryadka-osnovannogo-na-pravilah/viewer> (дата обращения: 17.02.2024).

² См.: Марченко М. Н. Теория государства и права. М., 2016. С. 450–452; Общая теория государства и права / под ред. С. Ю. Наумова, А. С. Мордовца, Т. В. Касаевой. Саратов, 2018. С. 102–105.

ной функции каждое государство устанавливает верховенство норм своего права над любыми другими социальными нормами.

И еще одна важная для нас деталь. Правовые нормы национального права, регулирующие наиболее важные общественные отношения (основы конституционного строя, систему государственных органов, принципы взаимоотношений государства, общества и личности, базовые позиции формирования политической, правовой и экономической систем, фундаментальные меры обеспечения и защиты правопорядка в стране, установление гарантий реализации указанных положений и др.), находят свое закрепление в Конституции (Основном законе) государства, т. е. в особом нормативном правовом акте, имеющем высшую юридическую силу. Поэтому среди национальных правовых норм *конституционные* нормы выделяются особо.

С точки зрения общей теории права, каждый из национальных порядков (правопорядков) представляет собой фактический результат реализации требований совокупности тех или иных социальных норм, что и предопределяет существование их **трех разновидностей**.

Так, порядок, отражающий результаты выполнения в обществе требований *всех* социальных норм, т. е. являющийся результатом фактической реализации требований не только правовых норм, но и обычаев, традиций, корпоративных, религиозных норм, (господствующих в обществе) норм морали и др., получил в общей теории права название *общественного порядка*¹, а результат фактической реализации исключительно требований правовых норм — *правопорядка*².

Правда, в отечественной науке была высказана и иная точка зрения. Например, А. В. Поляков считает, что существуют государственный и социальный правопорядки. При этом первый из них «возникает на основе реализуемых норм государственного права», а второй — «на основе норм внегосударственного социального права»³. Указанный «социальный порядок» сторонники этой концепции также называют гражданским

¹ См. подробнее: *Борисов В. В.* Соотношение общественного и правового порядка // Вопросы теории государства и права. Межвузовский научный сборник. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1976. Вып. 4. С. 50–68; *Шефрукова С. Т.* Категории «общественный порядок» и «правопорядок» в истории отечественной политико-правовой мысли. Майкоп, 2010. С. 68.

² Близкие подходы встречаются и в других научных дисциплинах. Так, политолог П. А. Цыганков считает, что общественный порядок — «это определенная организация в жизни социума, ее регулирование на основе определенных (например, государственно-правовых) норм и общих (например, национальных, культурных, морально-этических и т. п.) ценностей». *Цыганков П. А.* Политическая социология международных отношений. М., 1994. С. 166–167.

³ *Поляков А. В.* Общая теория права. СПб., 2001. С. 631.

или неофициальным правопорядком¹. Правда, следует иметь в виду, что никакого «внегосударственного социального» и «неофициального» права не существует по определению².

Но вернемся к понятиям «правопорядок» и «общественный порядок». В юриспруденции считается общепринятым признание того факта, что «правопорядок выступает в качестве части общественного порядка (поскольку правовые нормы являются частью социальных норм)»³ и одновременно является его основой. В свою очередь, в рамках правопорядка принято выделять *конституционный правопорядок* «как оценку фактического, реального воплощения конституционно закрепленных принципов и норм в жизни общества»⁴, который формулирует базисные правовые основы для правопорядка в целом.

Кроме того, считается, что поскольку имеет место специфика распространения действия социальных норм (в том числе норм права) во времени, пространстве и по кругу лиц, то является допустимым говорить о состоянии каждого из указанных видов порядка **в тот или иной временной период, в той или иной сфере правового регулирования, на той или иной части государственной территории** и т. д.

Теперь перенесем все эти выводы на сферу регулирования международных общественных отношений и рассмотрим **виды порядков (правопорядков), существующих на этом уровне**.

Прежде всего, напомним о том, что международные отношения (в отличие от внутригосударственных) бывают двух типов: международные межгосударственные отношения (участниками которых с долей условности считаются все субъекты международного права)⁵,

¹ См., например: *Казakov В. Н.* Правовой порядок в юридической теории и практике: автореферат дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. Мос. ун-т МВД России. М., 2003.

² В то же время авторы коллективной монографии «Правопорядок: организационно-правовое обеспечение в Российской Федерации: теоретическое административно-правовое исследование» выделяют «естественный и искусственный» виды правопорядка. См.: *Аврутин Ю. Е., Кикоть В. Я., Сыдорук И. И.* Правопорядок: организационно-правовое обеспечение в Российской Федерации. Теоретическое административно-правовое исследование: монография. М., 2003. С. 55. Но мы в рамках настоящего исследования будем придерживаться общепринятых в общей теории права подходов к наименованию и содержанию правопорядков.

³ См.: *Теория государства и права: учебник для вузов / под ред. В. К. Бабаева.* 4-е изд. М., 2019. С. 533–537; *Общая теория государства и права: учебник / под ред. С. Ю. Наумова, А. С. Мордовца, Т. В. Касаевой.* Саратов, 2018. С. 202–204.

⁴ См.: *Голубева Л. А.* Конституционная законность и конституционный правопорядок: содержание терминов // *Теория и практика современной юридической науки: сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции.* Самара, 2015. № 2. С. 31.

⁵ К субъектам международного права относятся государства, нации, борющиеся за самоопределение, международные межправительственные организации и государственно-подобные образования.

и международные немеждоударственные отношения¹, которые обладают иностранным элементом, но хотя бы одним из их участников является субъект национального права². Различны и методы их правового регулирования³.

Международные общественные отношения (в целом) крайне многообразны⁴, но все они регулируются различными видами социальных норм, всю совокупность которых (в силу их специфики) принято называть *международной нормативной системой*. В нее входят нормы международной морали и международной вежливости, международные традиции и обыкновения, нормы международных межправительственных организаций рекомендательного характера (как и иные нормы так называемого мягкого права), международные договоренности, имеющие не нормативный, а индивидуальной характер⁵, «религиозные нормы, нормы международных межправительственных актов, не являющихся международными договорами»⁶ и др.

При этом центральной частью международной нормативной системы, ее ядром и базисом (а налогично ситуации на национальном уровне) являются нормы международного права, которые так же обладают верховенством над всеми другими видами норм, принимающих участие в регулировании международных отношений, ибо «*pacta sunt servanda*», т. е. «договоры должны соблюдаться». В отличие от иных норм международной нормативной системы международно-правовые нормы являются формально-определенными, в конечном счете они всегда исходят от государств (хотя в них закрепляется

¹ По сложившейся практике сегодня их принято называть трансграничными отношениями

² Трансграничные отношения могут быть не только частными, но и частно-публичными (к таковому относятся, например, взаимоотношения в рамках международного государственно-частного партнерства).

³ См. подробнее: *Нефедов Б. И.* Катехизис аспиранта кафедры международного права: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2022. С. 15–18.

⁴ Среди них можно выделить отношения политические, экономические, социальные, правовые, дипломатические, военные, гуманитарные, идеологические, культурные и др.

⁵ См.: *Тункин Г. И.* Теория Международного права. М., 1970. С. 76–81.

⁶ Такие международные акты «составляются, как правило, в форме деклараций, меморандумов, совместных заявлений, планов и программ сотрудничества». Они «не должны содержать юридически обязывающих положений», хотя в них допускаются ссылки на обязательства, принятые сторонами по международным договорам, а в их исполнение «могут издаваться соответствующие нормативные и иные правовые акты». См.: Постановление Правительства РФ от 7 февраля 2003 г. № 79 «Об утверждении Положения о подготовке и подписании международных межправительственных актов, не являющихся международными договорами Российской Федерации» // URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/international_contracts/1717280/ (дата обращения: 25.07.2023).

не индивидуальная, а согласованная ими общая воля), а их предписания (так же, как и норм права на национальном уровне) обладают юридически обязательным характером.

Среди международно-правовых норм выделяют нормы *общего международного права*. Их характерным качественным признаком является то, что они обязательны для всех государств и других субъектов международных межгосударственных отношений независимо от того участвуют ли они в международном договоре, в котором эти нормы закреплены, или нет. Для одних таких субъектов правила, закрепленные в таких нормах, будут обязательны как для участников соответствующего международного договора, а для других — как общепризнанный международно-правовой обычай, имеющий такую же обязательность, что и соответствующая договорная норма.

Что же это за нормы? К ним, согласно ст. 53 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года¹, относятся нормы *jus cogens*². Каждая такая норма «принимается и признается международным сообществом государств в целом как норма, отклонение от которой недопустимо, и которая может быть изменена только последующей нормой общего международного права, носящей такой же характер»³. К числу таких норм относятся, например, основные принципы международного права, отраслевые принципы международного права, положения, закрепленные в Уставе ООН и др.⁴.

Поскольку в международную нормативную систему входят разные социальные нормы и их роль в ней не одинакова, то также, как и на национальном уровне, свое реальное воплощение мировой (международный) порядок получает исключительно в одной из трех своих самостоятельных ипостасей:

- в том случае, когда речь идет о мировом (международном) порядке, отражающем фактическое состояние выполнения требований *всех видов* норм международной нормативной системы, следует говорить о мировом (или международном)

¹ Венская конвенция о праве международных договоров 1969 г // Ведомости Верховного Совета СССР. 1986. № 37. Ст. 772.

² Содержание императивных норм *jus cogens* включают в себя обязательства *erga omnes*, т. е. обязательства в отношении всего международного сообщества государств.

³ Венская конвенция о праве международных договоров 1969 г // Ведомости Верховного Совета СССР. 1986. № 37. Ст. 772.

⁴ Мы привели здесь формулировку определения норм *jus cogens*, данную в Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года, но это не значит, что в качестве таких норм могут выступать только договорные нормы. Это могут быть и нормы обычного международного права, и общие принципы права, о которых говорится в ст. 38 Статута Международного Суда ООН. См. об этом подробнее: International Law Commission: Annual Report of the International Law Commission Seventy-first session (29 April — 7 June and 8 July — 9 August 2019). P. 142–143 // URL: https://legal.un.org/ilc/re-ports/2019/english/a_74_10_ad-vance.pdf (дата обращения: 25.07.2023).

общественном (публичном) порядке, схожем с понятием общественного порядка, существующего в рамках отдельных государств¹;

- когда мы говорим о мировом или международном порядке, который отражает фактическое состояние выполнения требований не всех социальных норм, регулирующих международные отношения, а только норм международного права, то следует использовать термины «мировой правопорядок» или «международный правопорядок»², имеющие много общего с термином «правапорядок», применяемом на национальном уровне³;
- наконец, в том случае, когда речь идет о мировом (международном) порядке, который отражает фактическое состояние выполнения требований базовых фундаментальных международно-правовых норм общего международного права, направленных на установление основ урегулирования международных (прежде всего межгосударственных) общественных отношений⁴, следует вести речь о *глобальном правопорядке*, т. е. использовать термин, схожий по своему статусу и содержанию с понятием «конституционный правопорядок», применяемый в рамках правовых систем отдельных государств.

¹ В урегулировании трансграничных отношений могут принимать участие и социальные (в том числе правовые) нормы иностранных государств, но результат их реализации до настоящего времени рассматривается как часть соответствующих национальных порядков и правопорядков.

² См.: Мовчан А. П. Международный правопорядок. М., 1996. С. 16; Громыко А. А. Мировой порядок или правопорядок // Международная жизнь. 2012. № 3. С. 18–32.

³ С точки зрения М. И. Лазарева, «в международном праве правопорядок — это не часть общественного порядка, а весь общественный порядок, так как весь общественный порядок, а не часть его, должен соответствовать международному праву, его основным принципам, Уставу ООН и конкретизирующим их принципам и нормам. Все, что не соответствует праву, — это уже не общественный порядок» (См.: Лазарев М. И. Теоретические вопросы современного международного морского права. М., 1983. С. 123). С такой позицией вряд ли можно согласиться. И дело не только в том, что нужно различать правовое (т. е. юридически обязательное) и неправовое регулирование общественных отношений как на национальном, так и на международном уровне, но и в том, что не все международные отношения регулируются (возможно урегулировать) международным правом. К подобным ситуациям следует отнести установление однополярности или многополярности в мире, формирование сфер влияния, обязательность вступления в международные межправительственные или иные организации и др.

⁴ Такие нормы общего международного права (соответствующего историческому периоду) закрепляют, в частности, основные принципы международного права, международную правосубъектность, источники международного права, легитимные способы разрешения международных споров и международный институциональный механизм поддержания и обеспечения установленного мира и существующего глобального правопорядка.

Проблема заключается в том, что каких-либо *самостоятельных* общепризнанных понятий, аналогичных по своим признакам и содержанию указанным видам мирового или международного порядка, в других (как отечественных, так и зарубежных) гуманитарных науках не сложилось и до настоящего времени в них применяется только какой-то один общий термин («мировой или международный порядок»), каждый из которых, повторимся, способен сам по себе существовать исключительно в качестве правовой фикции, поскольку и тот и другой каждый раз может проявляться только в виде одного из трех указанных выше порядков. Эта ситуация никак не могла не привести в этот вопрос ужасной путаницы, смешения правовых и неправовых методов регулирования, субъектов межгосударственных и не межгосударственных отношений, различного понимания участниками дискуссий реального содержания фундаментальных понятий и др. Более того, полагаем, что именно это обстоятельство прежде всего и привело к возникновению доктрины «rules-based international order», т. е. «международного порядка, основанного на правилах», о которой речь пойдет в следующей главе.

Сформулируем заключительные выводы

1. При исследовании вопросов мирового (международного) порядка (правопорядка) в рамках неюридических дисциплин не следует игнорировать устоявшиеся в юриспруденции аксиомы общей теории права и теории международного права, касающихся, в частности, вопросов содержания таких понятий, как «общественный порядок», «правопорядок», «конституционный правопорядок», «мировой общественный порядок», «мировой (международный) правопорядок» и «глобальный правопорядок», а также понятия социальных норм и международной нормативной системы.

2. В рамках широко распространенной на национальном уровне правового регулирования триады «право — законность — правопорядок» право *устанавливает правила поведения* (гарантируемые государством), законность *требует их неукоснительного выполнения*, а правопорядок указывает на то, *в какой мере это требование законности реально выполняется*. На международном уровне юридически обязательные *правила поведения устанавливаются* международным правом, один из основных принципов международного права *pacata sunt servanda* (договоры должны соблюдаться) *требует их неукоснительного выполнения*, а мировой правопорядок и глобальный правопорядок указывают на то, *в какой мере это требование реально выполняется* в отношении их базисных международно-правовых норм.

3. В настоящее время как в современной науке, так и в международной политической практике отсутствует единое понимание того,

что же представляет собой мировой (международный) порядок (правопорядок). Такая ситуация объясняется, во-первых, отсутствием согласия между исследователями по основному определяющему признаку этого понятия; во-вторых, различием во взглядах на природу данного феномена со стороны представителей разных научных школ, где основной акцент делается не столько на уяснении сущности самого понятия, сколько на выполняемой им роли в процессах правового урегулирования тех или иных общественных отношений; в-третьих, наличием разных подходов к определению понятий «международный порядок» и «мировой порядок»; в-четвертых, постоянным применением в отечественной и зарубежной доктрине только общего термина «мировой (или международный) порядок», в то время как на самом деле он может существовать только в одном из трех своих видов, не предполагающих их идентичности между собой.

4. Мировой (международный) правопорядок — это не международные общественные отношения и не те или иные нормы права, которые их регулируют. Его не следует смешивать и с многочисленными факторами, влияющими на реализацию требований норм международного права. Он представляет собой не что иное, как фактическое состояние выполнения требований совокупности тех или иных норм международной нормативной системы, регулирующих международные межгосударственные и немежгосударственные общественные отношения.

5. Сам по себе термин «мировой порядок» является не чем иным, как обобщающим понятием без конкретного содержания (юридической фикцией), поскольку каждый раз может проявляться только в каком-то одном из трех своих видах:

- в виде **мирового общественного порядка**, который складывается в результате реализации всех видов норм международной нормативной системы и отражает фактическое состояние выполнения их требований;
- в виде **мирового правопорядка**, который складывается в результате реализации норм международного права и является показателем фактического состояния выполнения требований исключительно международно-правовых норм;
- в виде **глобального правопорядка**, который складывается в результате реализации фундаментальных, базовых для данного исторического периода норм *jus cogens* общего международного права, направленных на установление основ правового регулирования наиболее важных международных межгосударственных общественных отношений и является показателем фактического состояния выполнения их требований.

Все указанное в полной мере относится и к понятию видов международного порядка.

Глава 2

ДОКТРИНЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПОРЯДКА, ОСНОВАННОГО НА ПРАВИЛАХ, И МЕЖДУНАРОДНОГО ПОРЯДКА, ОСНОВАННОГО НА ПРАВЕ

...No legal system operates, or can operate, in a political vacuum; no political system can provide good government, ensure justice, or preserve freedom except on the basis of respect for law¹.

W. Jenks

Поскольку каждый вид порядка (правопорядка), как на национальном, так и на международном уровне представляет собой не что иное, как фактическое состояние выполнения требований конкретной совокупности социальных норм, регулирующих те или иные разновидности общественных отношений, то и базисные для них нормы неизбежно будут в значительной степени отличаться. С этой точки зрения представляется необходимым рассмотреть в рамках настоящей работы концепцию *rules-based order* (этот фразеологизм обычно переводят как «порядок, основанный на правилах»)²,

¹ Перевод: «...ни одна правовая система не работает и не может работать в политическом вакууме; ни одна политическая система не может предоставить хорошее правительство, обеспечить правосудие или сохранить свободу иначе, как на основе уважения к праву». См.: *Jenks W. The Prospects of International Adjudication. 1964. P. 757.*

² Для обозначения соответствующих понятий в доктрине и аналитиками, и политиками также часто используются такие формулировки, как *rules-based international order* («международный порядок, основанный на правилах»), *rules-based world order* («мировой порядок, основанный на правилах»), *rules-based global order* («глобальный порядок, основанный на правилах»), *rules-based multilateral order* («многосторонний порядок, основанный на правилах»), *rules-based system* («система, основанная на правилах») и др. См., например: *Talmon S. Rules-based order v. international law? // German Practice in International Law. 20 January 2019. URL: <https://gpil.jura.uni-bonn.de/2019/01/rules-based-order-v-international-law/> (дата обращения: 24.07.2023).*

получившей в последние десятилетия (правда, не столько в научной среде, сколько в политической и дипломатической практике) большое распространение. Тем не менее однозначного отношения к ней ни в доктрине, ни в практике не сложилось, и разница во взглядах на ее основы до сих пор колеблется от безусловного одобрения до полного неприятия.

В значительной степени сложившаяся ситуация связана с существованием в отношении указанной концепции ряда заблуждений, которые, как нам представляется, в той или иной мере мешают увидеть ее сущность, в том числе не дают этого сделать и части ее сторонников.

Заблуждение первое: доктрина порядка, основанного на правилах, появилась в 1945 году.

Вопрос о том, когда и почему возникла доктрина rules-based (international) order, является принципиальным для ее понимания.

Термин rules-based order появился в международном политическом лексиконе сравнительно недавно, но в западной доктрине встречаются утверждения о том, что в виде тех или иных явлений этот порядок существовал и раньше, в частности, начиная с 1945 года¹ (в вариациях: «с конца Второй мировой войны»², «после окончания Второй мировой войны»³, «с принятия Устава ООН»⁴ и т. п.), а потому даже стал именоваться отдельными авторами как «величайший подарок величайшего поколения» («the post-war international rules-based order is the greatest gift of the greatest generation»⁵). Впрочем, такие утверждения не всегда привязывались к конкретным датам, и некоторые авторы ограничивались лишь самым общим утверждением того, что еще до формализации указанного понятия уже существо-

¹ Ward A. «Adapt or Die». Ideas for modernizing the rules-based international order // Chatham House Expert Perspectives. Chatham House, June 2019. P. 5.

² Kroenig M., Cimmino J. Global Strategy 2021: An Allied Strategy for China. Scowcroft Center For Strategy and Security, Washington. Atlantic Council, 2020. P. 15.

³ Cleary S. A Rules-based international Order in the Present Era // Conference: Multilateralism and Sustainable Development: Imperial Springs International Forum 2019. Guangzhou, PRC. URL: https://www.researchgate.net/publication/337783522_A_Rules-based_international_Order_in_the_Present_Era (дата обращения: 24.07.2023).

⁴ Groff M., Larik J. Strengthening the Rules-based global order. The Case for an International Rule of Law Package // UN75 Global Governance Innovation Perspectives. September 2020. URL: <https://www.stimson.org/wp-content/uploads/2020/09/GloCo-Issue-Brief-Sept-2020-Rule-of-Law-R3.pdf>. (дата обращения: 24.07.2023).

⁵ См.: Leonnig C. D., Rucker P. You are a bunch of dopes and babies': Inside Trump's stunning tirade against generals // The Washington Post. January 17, 2020. URL: https://www.washingtonpost.com/politics/youre-a-bunch-of-dopes-and-babies-inside-trumps-stunning-tirade-against-generals/2020/01/16/d6dbb8a6-387e-11ea-bb7b-265f4554af6d_story.html (дата обращения: 24.07.2023).

вало нечто, идентифицируемое сегодня как порядок, основанный на правилах¹.

Начнем с формализации.

Нам не удалось установить, кто первым применил в международной практике термин «международный порядок, основанный на правилах», но, как отмечает программа Google Books Ngram Viewer (с ее помощью мы можем узнать о частоте упоминаний заданного термина во всех источниках, опубликованных в интернете), первые упоминания о *rules-based order*, т. е. о «порядке, основанном на правилах» (и на English, и на British English, и на American English) относятся к 1992 году². После этого наблюдалось заметное увеличение частоты использования этого понятия в 2008–2009 годах, в 2011 году в его применении произошел небольшой спад, но с 2015 года показатель его употребления снова резко устремляется вверх, особенно в 2017, 2018, 2019 годах³. Правда, австралийские исследователи утверждают, что количественно применение этого понятия (высшими должностными лицами Австралии) в 2020 году резко снизилось⁴, но это могло быть вызвано и некими внутренними причинами, а также активной критикой порядка, основанного на правилах, в политических и дипломатических кругах.

Таким образом, допустимо утверждать, что появление формулировки *rules-based order* в международном лексиконе фактически совпало с распадом СССР (26 декабря 1991 года), первая вспышка ее активного использования — с мировым кризисом 2008 года (а также с августовским российско-грузинским конфликтом того же года), а начало наиболее активной фазы ее применения — с государственным переворотом на Украине 2014 года и присоединением Крыма к России, а также строительством Китаем искусственных островов в Южно-Китайском море⁵. Полагаем, эти совпадения неслучайны.

¹ См., например: *Tyler M. C. Perspectives on «rules-based international order» / The Interpreter. Global Issues. 31 Jul 2018. URL: <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/perspectives-rules-based-international-order> (дата обращения: 24.07.2023); *Hall I., Heazle M. The Rules-Based order in the Indo-Pacific: Opportunities and Challenges for Australia, India and Japan // Regional Outlook Paper, Griffith University. 2017. №. 50; и др.**

² Программа Google Books Ngram Viewer отслеживает появление терминов в интернете с 1985 года.

³ См.: Google Books Ngram Viewer. URL: https://books.google.com/ngrams/graph?-content=rules-based+order%2Cliberal+international+order&year_start=1985&year_end=2019&corpus=28&smoothing=0 (дата обращения: 25.07.2023).

⁴ См.: *Scott B., Nyst M., Roggeveen S. Australia's security and the Rules-Based Order. Tracking decade of policy evolution // Lowy Institute. URL: <https://interactives.lowyinstitute.org/features/rules-based-order/> (дата обращения: 25.07.2023).*

⁵ См.: *Скотт Б. Генезис, расцвет и амбиции одной из самых обсуждаемых концепций глобальной политики сегодня // Россия в глобальной политике. 24.08.2021. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/poryadok-na-pravilah-chto-eto/?ysclid=l-bp7svqmw99684-9472> (дата обращения: 24.07.2023).*

Нет сомнений в том, что существует прямая зависимость пространства и признания той или иной внешнеполитической доктрины от фактического состояния международных отношений. Вот и возникновение доктрины *rules-based international order* вполне закономерно совпало с окончанием холодной войны. В результате распада СССР США стали единственной сверхдержавой, поскольку им просто некому было противостоять. Моноцентризм, обусловленный исчезновением баланса сил в мировой политике, и фактическое отсутствие равноправных как оппонентов, так и союзников¹ привели Соединенные Штаты к логическому, как им казалось, умозаключению о том, что никакого согласования воли государств для того или иного урегулирования международных межгосударственных отношений больше не требуется. Теперь они уже считали возможным просто диктовать правила поведения в международных отношениях всему мировому сообществу, почувствовали себя способными в одностороннем порядке (в крайнем случае для политического камуфляжа — совместно с ближайшими союзниками) отменять или изменять прежние и вводить новые международно-правовые установки, в том числе нормы *jus cogens*, т. е. правила поведения, обязательные для всех государств, предоставив им (опять же в одностороннем порядке) самый высокий иерархический статус. Но в современных условиях подобные устремления не могли быть озвучены без соответствующей подготовки мирового общественного мнения, т. е. без своего научного (или околонучного) доктринального обоснования. Переход к новым формам регулирования международных отношений вообще (и международных межгосударственных отношений в частности) как раз и должна была оправдать доктрина порядка, основанного на правилах. Именно в этом, да еще в уверенности, что мировой порядок, основанный на международном праве, создаваемом в результате согласования воли государств, утратил свою актуальность и «устойчивость» («a reaction against the perceived loss of traction»²) коренятся истинные причины появления указанной доктрины.

Понятно, что эта доктрина сразу начинает получать одобрение и поддержку со стороны США, а затем и их союзников³, ведь она

¹ См.: *Каламанов В. А.* Формирование новых глобальных «Правил игры»: роль России // Вестник РУДН. Серия «Международные отношения». 2016. № 1. С. 96.

² *Sellars K.* Rules or Law? Kenneth Bailey and the Law of the Sea / Australian Institute of International Affairs. Australian Outlook. 26 jul 2018. URL: <https://www.internationalaffairs.org.au/australianoutlook/rules-or-law-kenneth-bailey-and-the-law-of-the-sea/> (дата обращения: 24.07.2023).

³ Правда, следует согласиться с Л. Е. Грининым в том, что на этом этапе США в отсутствие противника, каким был СССР, «ради борьбы с которым нужно было уважать интересы союзников... начинают рассматривать последних только как вассалов». См.: *Гринин Л. Е.* Глобальные процессы и контуры нового мирового порядка // Философия и общество. 2015. № 3–4 (77). С. 10.

давала им искомое научное обоснование для нарушения международно-правовых норм и принципов их создания, ибо утверждала существование неких правил, трактуемых гораздо шире подобных норм и даже, что и требовалось, рассматриваемых выше их в иерархическом смысле¹. Причем эти правила могли создаваться исключительно узким кругом либеральных (западных) государств и меняться ими по мере необходимости. Вот что (довольно откровенно) говорит об этом заместитель генерального директора Королевского объединенного института оборонных исследований Малкольм Чалмерс: «Для Великобритании и других западных государств проблема не должна заключаться в том, поддерживают ли они “систему, основанную на правилах”. Скорее она заключается в определении того, как системы, основанные на правилах, могут быть использованы для содействия реализации национальных интересов и ценностей, в том числе необходимо ли их развивать или заменять по мере изменения обстоятельств» («Rather, it lies in identifying how rules-based systems can be used to help pursue national interests and values, including whether these need to be developed or replaced as circumstances change»²).

При этом заявления о том, что реализация идеи порядка, основанного на правилах, фактически имела место задолго до ее формализации в 1992 году, были направлены на дополнительную мотивировку легитимности появления этой доктрины. Посмотрите, например, как бывший посол США на Украине У. Тейлор наставляет Майка Помпео, который на тот период был Госсекретарем США: «...Кремль нападает на правила, которыми регулировались отношения между народами со времен Второй мировой войны...»³, чем в контексте пытается установить некую параллель между непонятными «правилами» и тем же Уставом ООН. Мол, отрицая «правила», Кремль покушается на нормы, являющиеся основополагающими для всего мира.

На самом же деле понятие «правил» не имеет ничего общего с теми принципами, на которых зиждется «идеал международного

¹ Неслучайно даже сам термин *rules-based* был тогда же позаимствован из компьютерной сферы, где он применяется для описания системы, параметры и правила которой заданы изначально извне. При этом программные операторы сами не могут устанавливать эти правила, не способны выйти за установленные этими канонами ограничения, а потому вынуждены только принять их и функционировать на их основе.

² *Chalmers M. Which Rules? Why There is No Single «Rules-Based International System»* // Royal United Services Institute for Defence and Security Studies (RUSI). London. Occasional Paper, April 2019.

³ Экс-посол США на Украине Уильям Тейлор объяснил Помпео, что США должны сделать для Украины // Диалог. UA. 29 января 2020.

права»¹. Можно согласиться с Ш. Скоттом, который считает, что таких принципов как минимум шесть. В частности, к ним он относит политическую нейтральность, выражающуюся в равном действии норм международного права в отношении каждого государства; достижение мира с помощью права, что находит свое выражение в возможности применения международно-правовых норм для мирного урегулирования межгосударственных споров; обязательное соблюдение требований международно-правовых норм, когда государства обязаны выполнять принятые на себя международно-правовые обязательства; правовую дихотомию, в силу которой можно объективно провести различие между правомерным и противоправным поведением; первичность права перед политикой, означающая то, что именно право должно диктовать соответствующий выбор политических решений; наконец, принцип универсальности (по Ш. Скотту, «всеобъемлющего охвата») международного права, который означает способность его норм урегулировать любой вопрос, возникающий между государствами².

Стремясь закамуфлировать цель и время появления доктрины порядка, основанного на правилах, ее довольно часто пытаются связать с так называемым либеральным международным порядком (действительно формируемым с 1945 года), под каковым в научном сообществе обычно подразумевают³ поддержание западных либеральных ценностей на основе концепций политической свободы и свободных рынков, дополненных «тесным сотрудничеством правительств и созданием транснационального пространства, в котором люди, товары, капитал и информация могли бы течь в значительной степени беспрепятственно»⁴. Считается, что этот порядок был международным, но никогда не был глобальным, поскольку ни СССР, ни государства социалистического лагеря не являлись его частью. Обычно с его помощью характеризуют те взаимосвязи, которые так называемые либеральные демократические государства (при признании бесспорного лидерства США) создавали в отношениях друг с другом. Однако можно согласиться с тем, что либеральный порядок — это «идеологический концепт, построенный

¹ *Scott Sh. International Law as Ideology: Theorising the Relationship between International Law and International Politics // European Journal of International Law. 1994. Vol. 5. P. 313.*

² См.: *Scott Sh. The Decline of International Law as a Normative Ideal. Victoria University of Wellington Law Review. 2018. Vol. 49 (4). P. 630–631.*

³ Не существует документа, который определял бы основные положения международного либерального порядка.

⁴ *Speck U. The Crisis of Liberal Order // The American Interest. 2016. September 12. URL: <https://www.the-american-interest.com/2016/09/12/the-crisis-of-liberal-order/> (дата обращения: 26.07.2023).*

частично на нарциссизме, частично на стремлении выдать желаемое за действительное... либерального порядка никогда в качестве безусловно победившего или утвердившегося в действительности не существовало — ни на глобальном уровне, ни на уровне отдельных стран и регионов»¹.

Мы говорим здесь о либеральном международном порядке только потому, что в настоящее время его пытаются рассматривать и как предтечу rules-based order, и как его основу², и даже как «сам основанный на правилах международный порядок»³. Причем особую озабоченность не может не вызывать сочетание этих понятий в виде формулировки «либеральный мировой порядок на основе правил», которая, как справедливо отмечает Г. Эллисон, двусмысленностью каждого своего термина «создает скользкую ситуацию, позволяющую применять данную концепцию почти ко всему»⁴.

Термин «порядок, основанный на правилах» появился вовсе не «как скучный синоним либерального мирового порядка»⁵. Утверждение о существовании прямой (в том числе доктринальной) взаимосвязи этих понятий с уже признанной к этому времени (прежде всего в западных научных кругах) концепцией либерального мирового порядка, опять же, было призвано дать дополнительное теоретическое обоснование того, что фактически появление и реализация порядка, основанного на правилах, имела место задолго до 1992 года.

На самом деле доктрины rules-based order и либерального международного порядка — это две совершенно разные концептуальные теории, не совпадающие между собой ни по времени создания, ни по своим целям и задачам. Их объединяет только то, что обе они напря-

¹ Энтин М., Энтина Е. От мирового либерального порядка к нормализации международных отношений // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. № 12. С. 6.

² См.: Hosoya Y. Defending the Liberal International Order: The UK-Japan Partnership in an Uncertain World // Chatham House — International Affairs Think Tank. URL: <https://www.chatham-house.org/2019/05/uk-and-japan/defending-liberal-international-order-uk-japan-partnership-uncertain-world> (дата обращения: 24.07.2023).

³ См.: Ikenberry J. G. The Liberal International Order and its Discontents // Journal of International Studies, 2010. № 3 (38). P. 512; Reyes A. Whose rules-based international order is it anyway. 2019 // Asia Global Online Journal. 22.08.2019; Воронин Е. П. Либеральный порядок, основанный на «правилах», и международное право // Международная жизнь. 2020. № 2. С. 88–95.

⁴ Эллисон Г. Миф о либеральном порядке // Россия в глобальной политике. 2018. Т. 16. № 4. С. 178.

⁵ Скотт Б. Генезис, расцвет и амбиции одной из самых обсуждаемых концепций глобальной политики сегодня // Россия в глобальной политике. 24.08.2021. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/poryadok-na-pravilah-cto-eto/?ysclid=lbp7svqmw996849-472> (дата обращения: 24.07.2023).

мую тесно увязаны с американской мощью, экономикой, валютой, системой альянсов и признанием бесспорности лидерства США¹.

Иногда порядок, основанный на правилах, преподносится его сторонниками как *преемник* порядка, основанного на (международном) праве². Но между этими порядками нет и не может быть никакой преемственности; более того, между ними существует непримиримое противоречие, которое проявляется в принципиально разном подходе к созданию юридически обязательных норм, регулирующих международные (в первую очередь межгосударственные) общественные отношения.

Так, в этом вопросе «международное право содержит целый ряд сдержек и противовесов, встроенных в систему, которых нет в правилах»³. В частности, нормы международного права являются следствием согласования воли заинтересованных государств, а не результатом односторонних волевых решений одного из них (индивидуально или в группе своих сторонников). И только при условии, если бы все государства согласились рассматривать в качестве нормативного идеала набор таких правил, они действительно могли бы быть «составлены тем, кто имеет на это право, и их можно было бы менять так часто, как того пожелает самый могущественный» («...made up by whoever has the power to do so, and they could be changed as frequently as the most powerful wishes»⁴). Иными словами, все государства должны признать, что юридически обязательные для них правила поведения может устанавливать (по своей прихоти) «самое могущественное» из них, т. е. одобрить утрату своего суверенитета, что вряд ли когда-либо будет возможно. Таким образом, между этими двумя видами порядка речь идет не о преемственности, а о попытках принципиальной замены одного из них другим: порядка, основанного на международном праве, на скользкую концепцию (*slippery concept*)⁵ порядка, базирующегося на правилах⁶. И никак иначе.

¹ Изучение взаимосвязей либерального мирового порядка и порядка, основанного на правилах, не является предметом настоящей работы, а разнообразие определений понятия либерального мирового порядка и громадный диапазон философских и политических подходов к его характеристике, по нашему мнению, требуют самостоятельного научного исследования.

² *Scott Sh.* In Defence of the International Law-Based Order / Australian Institute of International Affairs // Australian Outlook. 7 jun 2018.

³ *Ibid.*

⁴ *Ibid.*

⁵ *Tyler M. C.* Perspectives on «rulesbased international order» // The Interpreter. Global Issues. 31 Jul 2018. URL: <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/perspectives-rules-based-international-order> (дата обращения: 24.07.2023).

⁶ См.: *Scott Sh.* In defense of the International Law-Based Order // Australian Institute of International Affairs. June 7, 2018.

Отсюда порядок, основанный на правилах, не может быть ни мировым, ни международным, ни глобальным правопорядком (как не может быть и их частью), поскольку «в сфере международных отношений юридически обязательными из всех норм международной нормативной системы являются исключительно международно-правовые нормы, создаваемые, напомним, в результате согласования волей государств»¹.

К сожалению, указанные цели «порядка, основанного на правилах» остальным государствам стали понятны не сразу, и первоначально эта доктрина даже получает среди них относительно широкое признание. Определенную роль в этом сыграло и то, что любые социальные нормы представляют собой именно *правила* поведения людей в обществе². Так, норма права — это общеобязательное формально определенное *правило* поведения, установленное или санкционированное государством и гарантируемое им. Нормы морали — это *правила* поведения, которые формируются в обществе на основе суждений о добре и зле, справедливости и несправедливости, о чести, совести, долге и т. п. Обычаи — это *правила* поведения, исторически сложившиеся вследствие многократного повторения. Религиозные нормы также представляют собой *правила* поведения, которые устанавливаются в рамках различных вероисповеданий и имеют обязательное значение для людей той или иной веры, и т. д. Аналогичный подход мы найдем и при определении других видов социальных норм, о которых мы уже ранее говорили: традиций и ритуалов, норм общественных организаций и политических партий, правил этикета, взаимных прав и обязанностей, устанавливаемых индивидуальными правовыми актами (например, гражданско-правовым договором), и т. д.

Иными словами, в силу отсутствия в контексте этой доктрины ясного определения содержания термина «правила» его толкование допускало признание под ним, в том числе, норм международного права, которые, как уже отмечалось, тоже являются правилами. Это обстоятельство и отсутствие профессиональных знаний в области юриспруденции часто позволяли толковать понятие «правил» в доктрине «порядка, основанного на правилах» так, как оно понималось тем или иным лицом³.

¹ Вылегжанин А. Н., Нефедов Б. И., Воронин Е. Р., Магомедова О. С., Зотова П. К. Понятие «порядок, основанный на правилах» и международное право // Московский журнал международного права. № 2. С. 57.

² См.: Алексеев С. С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М., 1989. С. 216–217.

³ Тем более что человек вообще часто слышит не то, что ему говорят, а то, что он хотел бы услышать.

Отметим и то, что наличие многочисленных (и довольно благо-склонных) обращений представителей самых разных государств в период еще только появления указанной доктрины к самому понятию международного порядка, базирующегося на правилах, было обусловлено не столько «готовностью подчиниться приказу»¹, сколько тем обстоятельством, что используемые в указанном понятии термины «международный», «порядок» и «правила» (по отдельности давно зарекомендовавшие себя как в доктрине, так и в политической практике в качестве общепринятых понятий) первоначально невольно были восприняты как прогрессивные и не вызвали никаких особых сомнений.

Как бы то ни было, но отсутствие понимания непримиримых противоречий между «порядком, базирующимся на праве» и «порядком, базирующимся на правилах» стали приводить к тому, что оба эти понятия в выступлениях представителей государств и актах отдельных международных межправительственных организаций стали довольно часто рассматриваться не как взаимоисключающие, а как взаимодополняющие и даже как синонимы. Приведем в связи с этим несколько таких примеров. Так, представитель ЮАР, выступая на 64-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, прямо утверждал, что международное право «является важным инструментом на пути к созданию международной системы, основанной на правилах» («is an important tool towards the creation of a rules-based international system»)². Его позицию разделяет представитель Австралии, который в своем выступлении (но уже на 66-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 2011 году) подчеркнул, что: «We are committed to a rules-based international order that respects international law»³, т. е. «Мы привержены международному порядку, основанному на правилах, в соответствии с международным правом». С ними солидарен представитель Пакистана, который на 68-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН сказал буквально следующее: «The Charter, international law and a rule-based international system should underpin a just world order»⁴, т. е. «Устав

¹ Макс Вебер писал: «Готовность подчиниться приказу... всегда в некотором смысле подразумевает веру в законную власть источника, навязывающего ее» («a willingness to submit to an order... always in some sense implies a belief in the legitimate authority of the source imposing it»). См.: *Weber M. The Theory of Social and Economic Organization*. London, 1947. P. 132.

² United Nations A/64/PV.30. General Assembly Sixty-fourth session 30th plenary meeting, 29 October 2009. Report of the International Court of Justice.

³ United Nations A/66/PV.52. General Assembly Sixty-sixth session. 52nd plenary meeting. Question of equitable representation on and increase in the membership of the Security Council and related // URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N11/585/49/PDF/N1158-549.pdf?OpenElement> (дата обращения: 24.07.2023).

⁴ United Nations A/C.6/68/SR.6. General Assembly Sixty-eighth session. Agenda item 85: The rule of law at the national and international levels (continued) (A/68/213).

[ООН], международное право и международная система, основанная на правилах, должны лежать в основе справедливого мирового порядка». И таких примеров можно привести много.

Следует признать, что иногда такое «взаимосочетание» трудно назвать результатом недопонимания, скорее, это стремление спрятаться за спину международного права, поставить оппонентов в ситуацию, когда, отрицая порядок, основанный на правилах, они (якобы) одновременно отвергают и международное право. Так, австралийские авторы исследования «Перспективы глобального порядка, основанного на правилах» прямо пишут: «Многие опасаются, что подъем Китая и возрождение России приведут к заметному снижению уважения к правилам и международному праву»¹. Хотя следует признать и то, что часть авторов из этого государства не извращает ситуацию и прямо утверждает, что Австралия «тяготеет к более аморфному и политизированному языку правил, а не к более формальным и обязывающим нормам права»². Или возьмем Доклад о внешней политике Великобритании 2018 года, где делается упор на том, что, «возможно, самым серьезным из всех изменений является широко распространенное пренебрежение законами, правилами, договорами, обычаями и международными институтами, которые вместе составляют основанный на правилах порядок, построенный между государствами после Второй мировой войны, чтобы мы никогда больше не могли вернуться к варварству двух мировых войн и чтобы относительный мир, которым мы наслаждались, мог быть сохранен»³.

Заблуждение второе: на существовании порядка, основанного на правилах, настаивают только Вашингтон и его союзники, а сама эта концепция с самого начала имела антироссийскую направленность.

Указанный подход не соответствует исторической правде.

Во-первых, первоначально доктрина rules-based (international) order не носила никакого антироссийского подтекста, поскольку США больше не видели в России угроз для своего нового положения, а значит, и для своих новых планов. С распадом СССР они вообще стали рассматривать Российскую Федерацию в экономическом, во-

¹ *Raymond G., Nasu H., Seng Tan S., McLaughlin R. et al.* Prospects for the Rules-Based Global Order // Australian National University. Strategic and Defence Studies Centre, 2017. P. 25.

² *Sellars K.* Rules or Law? Kenneth Bailey and the Law of the Sea // Australian Institute of International Affairs. Australian Outlook. 26 jul 2018.

³ House of Lords — UK foreign policy in a shifting world order // Select Committee on International Relations. URL: <https://publications.parliament.uk/pa/ld201719/ldselect/ldintrel/250/25009.htm> (дата обращения: 26.07.2023).

енном, да и в политических отношениях исключительно как развивающееся государство регионального уровня.

Во-вторых, указанная доктрина как на этапе своего становления, так и на этапе первоначального развития прямо или косвенно, но получила поддержку самых разных государств, в том числе и тех, что трудно отнести к близким союзникам Соединенных Штатов (Ирландия, ЮАР, Индия, Китай, Таиланд, Нигерия, Катар и др.)¹.

Дело в том, что практически бескровный распад огромного государства (бывшего одним из двух центров силового противостояния) и наступивший вслед за этим период разрядки и своеобразной эйфории оказались благодатной почвой для расцвета (особенно среди средних и малых государств мира) политического и юридического популизма, вызвал в них к жизни иллюзии всеобщего торжества мягкой силы (*soft power*), которая, на первый взгляд, могла больше не опираться на силу жесткую². В свою очередь, это дало толчок для распространения идеи о том, что вместо «права силы» пришло время «силы права», что не военная сила, а геэкономика и даже нормы всеобъемлющей международной «естественной морали» (*natural morality*)³ могут и должны определять геополитику, и что наконец стало возможным всем государствам «на равных» договариваться с ведущими державами мира. Все это породило в указанных государствах уверенность в собственной значимости, убежденность в возможности легкого выхода за рамки «статистов» мировой политики, поскольку эффективность их дипломатической работы в новых условиях, как им казалось, никоим образом больше не зависела от существующего у них невысокого экономического и военного потенциала⁴.

И эти обстоятельства ими не скрывались. Например, министр иностранных дел Ирландии в 2004 году высказался по этому поводу следующим образом: «...многостороннее сотрудничество отвечает интересам всех и в первую очередь малых государств, которые,

¹ См., например: United Nations A/C.2/68/SR.21. General Assembly Sixty-eighth session (Macroeconomic policy questions). Summary record of the 21st meeting Held at Headquarters, 24 October 2013.

² При этом под мягкой силой автор этого термина Джозеф С. Най понимал «способность добиваться желаемого на основе добровольного участия союзников, симпатии и привлекательности, а не с помощью принуждения или подачек», а под жесткой силой — «способность к принуждению, обусловленная военной и экономической мощью страны». *Най Дж. С. Мягкая сила и американско-европейские отношения // Свободная мысль. XXI. 2004. № 10. С. 33.*

³ См.: *Koskenniemi M. From Apology to Utopia: The Structure of International Legal Argument. Cambridge, 2006. P. 17.*

⁴ Эта доктрина даже стала одно время своеобразным символом значимости таких государств и их успеха в международных делах.

не имея военной мощи, должны полагаться на создание и поддержку прочной системы, основанной на правилах»¹. Ведь именно в идее существования мирового порядка, основанного на правилах, эти государства увидели то, что им очень хотелось в нем разглядеть, — возможность создания более справедливого (с их точки зрения) мирового порядка, нормативной базой которого как раз и должны были стать некие правила, обязательные для соблюдения всеми государствами под угрозой неизбежности для них самых серьезных издержек. Что об этих правилах стоит только договориться, и они сами по себе, подобно философскому камню, превращающему любые металлы в золото, будут способны изменить мир и превратить даже мрачные политические, экономические, экологические и другие перспективы человечества в сверкающее указанным благородным металлом мироустройство².

Неслучайно термин «международный порядок, основанный на правилах» наиболее активно поддерживался многими государствами мира на рубеже тысячелетий именно «на полях» ООН, особенно в период пребывания Кофи Аннана на посту Генерального секретаря этой организации (1997–2006 годы)³. Да и сам Кофи Аннан довольно часто в своих выступлениях обращался к этому термину⁴ и при этом нередко варьировал слова, употребляя «global» вместо

¹ См.: Report of the Conference on Disarmament: 2004 Session. United Nations. New York, 2005. URL: https://yandex.ru/search/?text=Report+of+the+Conferen-ce+on+Disar-mament%3A+2004+Session&clid=2411725&search_source=dzen_desktop_safe&sc=suggest_V&lr=103817 (дата обращения: 24.07.2023).

² Доктрина мирового порядка, основанного на правилах, действительно на первый взгляд привлекательна, поскольку призывает ограничить игроков на мировой арене с помощью неких единых правил «игры». Плохо то, что при этом часто не осознается, что такими правилами на международном уровне могут быть только нормы международного права.

³ Недаром в ООН особенно часто представители государств говорили о необходимости установления и поддержания универсальной, открытой, недискриминационной и справедливой международной торговой системы, основанной на правилах (см., например: United Nations A/C.2/68/SR.21. General Assembly Sixty-eighth session. Summary record of the 21st meeting Held at Headquarters, 24 October 2013. Macroeconomic policy questions. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/766016> (дата обращения: 24.07.2023)) и призывали активно заниматься разработкой основанного на правилах согласованного подхода к урегулированию суверенной задолженности. См., например, выступление представителя Ганы на 77-м пленарном заседании 64-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН: United Nations A/64/PV.77. General Assembly Sixty-fourth session. 77th plenary meeting. 23 March 2010. High-level Dialogue on Financing for Development. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N10/286/18/-PDF/-N1028618.-pdf?Open-Element> (дата обращения: 24.07.2023).

⁴ См.: Towards a More Harmonious World Order // Kofi Annan Foundation URL: <https://www.kofiannanfoundation.org/speeches/towards-a-more-harmonious-world-order-kofi-annan-at-peking-university/> (дата обращения: 24.07.2023).

«international»¹ или «system» вместо «order»². Закономерно и то, что впоследствии он даже получил признание в качестве «a most staunch supporter of the rule-based international order», т. е. «самого верного сторонника международного порядка, основанного на правилах»³.

Увлечение доктриной rules-based order некоторых официальных представителей государств в свое время приводила даже к тому, что ее реализация начинала рассматриваться ими чуть ли не как панацея от всех бед любого, в том числе стихийного, характера. Приведем в качестве соответствующего примера выступление представителя Филиппин г-на де Вега (De Vega) во Втором Комитете 4 октября 2011 года, в котором он говорил и о том, что расширение прав и возможностей народов есть путь к миру и процветанию, и о том, что серьезные погодные катаклизмы в его стране и продолжающиеся засуха и голод на Африканском Роге являются мрачным свидетельством кризиса продовольственной безопасности, и о том, что остаются серьезные вопросы в осуществлении принципа общей, но дифференцированной ответственности, и о продолжающемся глобальном экономическом и финансовом кризисе и др. При этом в конце своего выступления он заявил: «Все эти проблемы можно преодолеть только тогда, когда международные отношения будут прочно связаны с системой, основанной на правилах»⁴.

Но дьявол, как известно, всегда кроется в деталях, и потому-то главный вопрос — кто устанавливает эти самые правила игры и каков процесс, с помощью которого это происходит — авторами указанной доктрины всегда тщательно затушевывался⁵.

Вначале остановимся на самом термине «правила игры». Скажем, на национальном уровне фраза: «Государство устанавливает правила игры в экономике» вовсе не означает, что в соответствующих ситуациях оно собирается играть с участниками экономических отношений в какие-то игры. Это говорит только о том, что

¹ *Annan K. A. Towards a More Harmonious World Order* // Kofi Annan Foundation. URL: <https://yandex.ru/search/?text=Annan+K.+A.+Towards+a+More+Harmonious+World+Order+%2F%2F+Kofi+Annan+Foundation&lr=103817&clid=2411725> (дата обращения: 24.07.2023).

² *Annan K. A. A Rule-Based System* // Harvard Magazine. July-august. 2004.

³ Kofi Annan dies at 80, gaining wide tributes from UN, European leaders // inform.kz. 19 August 2018. URL: https://en.inform.kz/news/kofi-annan-dies-at-80-gaining-wide-tributes-from-un-european-leaders_a3360479/?ysclid=ls7keypygt95480263 (дата обращения: 24.07.2023).

⁴ United Nations A/C.2/66/SR.4. General Assembly Sixty-sixth session. 17 November 2011. Second Committee. Summary record of the 4th meeting Held at Headquarters, New York, 4 October 2011.

⁵ См.: *Tyler M. C. Perspectives on «rulesbased international order»* // The Interpreter. Global Issues. 31 Jul. 2018. URL: <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/perspectives-rules-based-international-order> (дата обращения: 24.05.2023).

государство не где-нибудь, а в нормах собственного права определяет для участников таких отношений общеобязательные правила их поведения, за нарушение которых вводит юридическую ответственность. К таким правилам можно отнести трудовое, налоговое, таможенное законодательство, официальную кредитную политику, установление льгот и преференций для стимулирования развития тех или иных направлений экономического развития и др. И даже в тех достаточно редких случаях, когда речь идет об установлении государством для лиц, подчиненных его юрисдикции, именно правил игры в буквальном смысле (т. е. стандартов как раз игрового поведения¹), то и тогда они закрепляются опять же в правовых актах, и в силу этого становятся общеобязательными. Приведем здесь для примера такой отечественный нормативно-правовой акт, как «Правила вида спорта „шахматы“», утвержденные приказом Минспорта России от 29 декабря 2020 года № 988². Но будет ли означать принятие этих Правил, что сосед не может сыграть с соседом партию, предоставив ему фору, скажем, убрав с шахматной доски одну из своих фигур? Нет, не будет. Но это свидетельствует о том, что в этом случае эти два человека будут играть в игру, очень похожую на шахматы, но не в них. Поэтому подобные отступления от правил этой игры возможны только на бытовом уровне. На официальных соревнованиях они не допускаются, поскольку в силу верховенства права над любыми другими социальными нормами такие договоренности не имеют примата над правовыми установками под страхом признания результатов соревнования недействительными.

Зададимся риторическим вопросом: а могут ли эти два соседа, пользуясь тем, что они физически сильнее окружающих, легитимно изменить на официальных соревнованиях правила этой игры, установленные государством, да еще в свою пользу и тогда, когда игра уже началась? Думается, что ответ может быть только отрицательным, но именно на подобное поведение и направлена доктрина порядка, основанного на правилах.

На международном уровне ситуация еще жестче. В силу принципа «*par in parem non habet imperium*» (т. е. «равный над равным власти не имеет») все общеобязательные, фундаментальные, основополагающие, принципиально важные правила регулирования международных (и особенно межгосударственных) общественных отношений устанавливаются исключительно нормами международного права.

¹ См. подробнее: Орлова Л. А. Право и правила игры: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Н. Новгород, 2011.

² Правила вида спорта «шахматы». Утв. приказом Минспорта России от 29.12.2020 № 988 // URL: https://legalacts.ru/doc/pravila-vida-sporta-shakhmaty-utv-prikazom-minsporta-rossii-ot_2/?ysclid=ls7kueintk612584804 (дата обращения: 24.07.2023).

На локальном, региональном и даже на межрегиональном уровне государства могут устанавливать (опять же с помощью международно-правовых норм) те или иные особенности регулирования межгосударственных отношений между собой, но даже эти договоренности не могут противоречить нормам общего международного права и уж тем более стать обязательными для каких-либо государств, не участвующих в их создании.

Именно поэтому, независимо от того, что о доктрине *rules-based international order* думают те или иные ее сторонники, она имеет цель «подменить универсально согласованные международно-правовые инструменты и механизмы узкими форматами, где вырабатываются альтернативные, неконсенсусные методы урегулирования тех или иных международных проблем в обход легитимных многосторонних рамок»¹. Эта доктрина направлена «на ревизию ключевых международно-правовых механизмов, отрицает коллегиальное начало межгосударственного взаимодействия и по определению не в состоянии генерировать такие решения глобальных проблем, которые будут жизнеспособны и устойчивы в долгосрочном плане, а не рассчитаны на пропагандистский эффект в рамках электорального цикла той или иной страны»².

Процесс прозрения многих государств, первоначально поддержавших идею порядка, основанного на правилах, начинается с первого десятилетия XXI века, когда ситуация в мире стала неуклонно меняться. К этому времени единоличное силовое доминирование США сильно пошатнулось, в первую очередь за счет поднявших голову Китая и России, но и Индия, Иран, Турция и некоторые другие государства также внесли в это свою лепту. Появление нескольких силовых центров не могло не обострить противостояние ведущих держав. На этом фоне значимость так называемого мягкого права значительно ослабла, а вероятность применения военной силы ведущими державами, наоборот, возросла. Сильно изменилась даже сама атмосфера во многих международных межправительственных организациях (НАТО, ЕС, ОБСЕ, СНГ и др.), поскольку они постепенно перестают быть объединениями на основе общей идеологической платформы, при существовании которой участвующие в подобных организациях государства ради общих идеалов когда-то готовы были даже поступаться собственными интересами.

Начинает уходить в прошлое и разрядка, а вместе с ней резко пошли на убыль указанные выше иллюзии и сопровождающая

¹ Лавров С. В. Мир на перепутье и система международных отношений будущего. С. 31.

² Там же. С. 34.

их волна популизма (особенно после мирового финансового кризиса 2008 года и событий, связанных с государственным переворотом на Украине в 2014 году). Происходящие изменения дали государствам (в первую очередь средним и малым) ясно понять, что в мире на первый план снова выходят не дипломатия, не договоры, а рестрикции и проявления силы в защиту индивидуальных интересов отдельных стран, что если старые «правила» когда-нибудь и переписутся, то и тогда они будут являться результатом творчества только сильных в экономическом и военном отношении государств. В результате доктрина *rule-based international order* не прекратила своего существования, но потеряла многих своих сторонников¹.

В сложившихся условиях США, как и их ближайшие союзники, перестают быть благодушными «к отступникам» и начинают активно использовать указанную доктрину в качестве аргумента обвинения своих «оппортунистов», но прежде всего стратегических конкурентов (т. е. Россию и Китай) в нежелании руководствоваться доктриной международного порядка, базирующемся на неких правилах². Так, госсекретарь США Кондолиза Райс в 2006 году заявляла о том, что «Россия должна играть по... правилам»³, а в 2008-м уже говорила о недопустимости ситуации, «когда Россия действует по одним правилам, а остальные — по другим»⁴. В годы пребывания на посту премьер-министра Великобритании (с июля 2016 по май 2019 года) Тереза Мэй также часто использовала в публичных выступлениях понятие «*rules-based international order*» в сочетании с акцентированной антироссийской риторикой. В них она, в частности, утверждала, что важнейшей дипломатической задачей является поддержка и защита от «дестабилизирующей активности» Кремля текущего миропорядка, «основанного на правилах и законе»⁵, и поэтому необходимо «защитить международный порядок, основанный на правилах, который Россия стремится подорвать»⁶. От них не отставали и Федерика Мо-

¹ Следует отметить, что свою лепту в этот процесс внесла и разъяснительная работа ее критиков.

² Претензии США к России и Китаю см.: Стратегический доклад Пентагона от 1 июня 2019 г. «Индो-Тихоокеанский регион. Готовность, партнерство и содействие региональной сети» // URL: <https://eadaily.com/ru/news/2019/06/13/strategy-ssa-v-indo-tihookeanskom-regione-doklad-pentagona> (дата обращения: 24.07.2023).

³ Кондолиза Райс призвала Россию к ответственности в газовом конфликте // URL: <https://lenta.ru/news/2006/01/05/rice/> (дата обращения: 24.07.2023).

⁴ Выступление госсекретаря США в фонде German Marshall Fund 19.09.2008 // URL: <https://inosmi.ru/world/20080919/244116.html> (дата обращения: 24.07.2023).

⁵ Почему Тереза Мэй обвинила Россию во вмешательстве в дела Запада // URL: <https://www.rbc.ru/politics/14/11/2017/5a0ab4f99a79475e960d6fd6/> (дата обращения: 24.07.2023).

⁶ Тереза Мэй «даст Путину понять» свои ожидания по Солсбери // Оригинал новости ИноТВ. URL: <https://russian.rt.com/inotv/2019-06-28/Sky-News-Tereza-Mej-dast> (дата обращения: 24.07.2023).

герини¹, и Урсула фон дер Ляйен, которая, еще будучи министром обороны ФРГ, заявляла в ответ на вопрос о том, что же означает игра по правилам, что «Россия не уважает слабость...» и что в связи с этим она желает «выразиться ясно: играть по правилам — это означает порядок, основанный на правилах, ничего иного»². Впрочем, гендерные признаки здесь ни при чем.

Достается и Китаю. Так, в 2021 году в своем коммюнике лидеры стран НАТО не только в очередной раз подтвердили собственную приверженность порядку, основанному на правилах, но и подчеркнули, что именно «амбиции и агрессивное поведение Китая представляют системный вызов для миропорядка, основанного на правилах». Об этом же ранее говорил госсекретарь США Энтони Блинкен: «Наша цель заключается не в том, чтобы сдерживать Китай, не давать ему развиваться и расти. Мы должны укреплять основанный на правилах порядок, которому Китай бросает вызов»³. И приводить соответствующие примеры можно еще долго.

Нельзя сказать, что подобные высказывания характерны только для высших должностных лиц западных государств. Антироссийские утверждения в этой части не являются редкостью и в доктринальных исследованиях. Так, британский политолог Р. Эллисон утверждает, что поскольку «нормы и правила в конечном счете закреплены в международном праве, которое оспаривается, но все еще является основой глобального порядка»⁴, то возражения России против насаждения международного порядка, основанного на правилах, «представляет собой не только противопоставление между этими правилами и правом, но и означает ревизионистский подход России к международному праву в целом»⁵. А вот американский эксперт Фонда Карнеги Ф. Ремблер вообще считает, что «сведение основ международного права к положениям Устава ООН и резолюциям Совета Безопасности в противоположность порядку, основанному на правилах, позволяет государству отказаться от принципиальных обязательств в отношении прав человека и демократического управления»⁶. На основании чего

¹ Федерика Могерини: ЕС останется ориентиром для мирового порядка, основанного на правилах // News stories. 14.05.2018.

² «Не уважают слабость»: ФРГ призвала Москву играть по правилам // Gazeta.ru. 23.01.2019. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2019/01/23_a_12140233.shtml (дата обращения: 24.07.2023).

³ Цитируется по: *Скотт Б.* Генезис, расцвет и амбиции одной из самых обсуждаемых концепций глобальной политики сегодня. URL: <http://worldcrisis.ru/crisis/4161316?ysclid=ls7mzo5tnh108480382> (дата обращения: 24.07.2023).

⁴ См.: *Allison R.* Russian Revisionism, Legal Discourse and the «Rules-Based» International Order // *Europe-Asia Studies*. 2020. Vol. 72. Issue 6. P. 981–983.

⁵ Ibid.

⁶ *Remler Ph.* Russia at the United Nations: Law, Sovereignty, and Legitimacy // *Carnegie Endowment for International Peace*. January 2020.

основным тезисом западной доктрины постепенно становится идея о том, что «мы, западные державы, поступаем правильно, а маргиналы (отбросы, посторонние) нарушают правила» («we, the Western powers, do the right things and the outliers break the rules»)¹.

В ответ на это 16 января 2019 года министр иностранных дел России С. В. Лавров на своей пресс-конференции заявил: «Мы наблюдали попытки [стран Запада во главе с США] подмять под себя многосторонние институты, размыть их межгосударственный характер, а универсальные нормы международного права заменить неким „порядком, основанным на правилах“. Это новый термин, который появился совсем недавно и который скрывает стремление изобретать правила исходя из политической конъюнктуры, в интересах использования их как инструмента для давления на неугодные государства и очень часто даже на своих союзников»². И здесь же он приводит соответствующий пример таких правил: «В отношении македонского вопроса, наименования Македонии, есть резолюция СБ ООН, которая является частью международного права, и требует уважать Конституции Греции, Македонии и искать развязку в этих рамках. Но вместо правового подхода, предполагающего принятие закона и его подписание Президентом Македонии, применяется не правовой подход, а „правильный“. Было выдуманно правило, согласно которому, вопреки конституции Македонии, решение [о переименовании] может быть подписано на уровне министров, а не президентов, можно не учитывать результаты референдума»³, и т. д.

В связи с этим представляет определенный интерес ответ директора Института международного публичного права Боннского университета, профессора Стефана Талмона на эту критику, которую он посчитал излишне резкой (*sharply criticized*), решив продемонстрировать это на примере Германии в своей статье «Порядок, основанный на правилах, против международного права?» Он, в частности, подтвердил, что «Германия является сторонником так называемого порядка, основанного на правилах»⁴, согласился с тем,

¹ *Bisley N. Australia's Rules-Based International Order // Australian Institute of International Affairs. Australian Outlook. 27 jul 2018.*

² Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел *России С. В. Лаврова* в ходе пресс-конференции по итогам деятельности российской дипломатии в 2018 году (Москва, 16 января 2019 г.) // Министерство иностранных дел Российской Федерации / Пресс-служба / Выступления Министра. URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1451497/?ysclid=lbqfy7g2t429870421 (дата обращения: 24.07.2023).

³ Там же.

⁴ *Talmon S. Rules-based order v. international law? // German Practice in International Law. 20 January 2019. URL: https://gpil.jura.uni-bonn.de/2019/01/rules-based-order-v-international-law/* (дата обращения: 24.07.2023).

что она «действительно не определила, что именно она подразумевает под „порядком, основанным на правилах“»¹ и что Германия «нигде не объяснила, отличается ли он, и если да, то в какой степени, от традиционного международного порядка, основанного на праве или, короче говоря («or, in short»), международного права»². При этом он попытался ликвидировать этот пробел и дал следующее определение искомому понятию: «Порядок, основанный на правилах, в целом может пониматься как общее обязательство государств осуществлять свою деятельность в соответствии с существующим сводом правил»³, правда, при этом не пояснил, где же с этим самым сводом можно было бы ознакомиться. Что же касается самих правил, он говорит о них так: «Судя по ситуациям, в которых использовался термин „порядок, основанный на правилах“, он представляется более широким термином, чем „международное право“, т. е. похоже, что он охватывает как традиционные нормы международного права, так и то, что обычно называют мягким правом — юридически несущественные политические обязательства. Как представляется, он также включает нормы, установленные как государствами, так и негосударственными субъектами. Этот термин использовался для призыва к определенным государствам соблюдать существующие международно-правовые нормы, на которые эти государства фактически не согласились и, следовательно, не связаны обязательствами»⁴.

А затем С. Талмон сам соглашается с тем, что «термин „порядок, основанный на правилах“ размывает различие между обязательными и необязательными нормами, создавая впечатление, что все государства и международные субъекты подчиняются этому порядку, независимо от того, согласились ли они с этими нормами или нет»⁵. Наконец, он приходит к выводу о том, что «в то время как международное право базируется на принципе суверенного равенства государств, основанный на правилах порядок, оторванный от требования согласия, „may become an order of the strong, or an order by dictate of the majority“, т. е. может стать приказом сильного или приказом по диктату большинства»⁶.

Остается непонятным, в чем же именно министр иностранных дел России был неправ, когда «по сути, обвинил Германию и другие

¹ *Talmon S. Rules-based order v. international law? // German Practice in International Law. 20 January 2019. URL: <https://gpil.jura.uni-bonn.de/2019/01/rules-based-order-v-international-law/> (дата обращения: 24.07.2023).*

² Ibid.

³ Ibid.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid.

⁶ Ibid.

страны в попытке заменить международное право порядком, основанным на правилах, базирующимся на политической целесообразности, который служит их политическим, военным и экономическим интересам»¹.

Заблуждение третье: правила, на которых, согласно доктрине *rules-based order*, должен базироваться мировой порядок, являются общеизвестными и конкретно определенными.

В действительности «одной из особенностей доктрины международного порядка, основанного на правилах (кроме ее крайней политизированности), является то, что никакого единого мнения о том, что же представляют собой те самые «правила», на которых, согласно этой доктрине, должен базироваться мировой порядок»², среди ее сторонников отсутствует. Его не существует ни в общем определении того, что же это за социальные нормы, ни в конкретном их перечне. Мало того, большинство из тех, кто применяет указанную терминологию, внешне эффективную и даже кажущуюся прогрессивной (чем и объясняется ее «заразный» (*contagious*³) эффект), старательно избегают ответа на вопрос о том, что же все-таки представляют собой эти самые «правила», и пользуются этим понятием без какого-либо его пояснения⁴, так, как если бы его смысл был однозначен и всем, в том числе спрашивающему, хорошо известен⁵. Вот и Стефани Мартел (доцент кафедры политических исследований Королевского университета в Кингстоне) была вынуждена констатировать, что когда фраза «международный порядок, основанный на правилах» используется в политической речи, то обычно не тратится много усилий на определение того, что она означает и какие «правила» она якобы воплощает, из-за чего международный порядок, основанный на правилах, и является довольно «двусмысленным и неустойчивым понятием, которое приобретает разное значение для

¹ *Talmon S.* Rules-based order v. international law? // *German Practice in International Law*. 20 January 2019. URL: <https://gpil.jura.uni-bonn.de/2019/01/rules-based-order-v-international-law/> (дата обращения: 24.07.2023).

² *Vylegzhanin A. N., Nefedov B., Voronin E. R., Magomedova O. S., Zotova P. K.* The Term «Rules-based International Order» in International Legal Discourses // *Московский журнал международного права*. 2021. № 2. URL: <https://www.mjil.ru/jour/article/-view/1190/1095> (дата обращения: 08.09.2023).

³ *The United Nations and the rules-based international order* // *United Nations Association of Australia*. 2015. № 7. С. 9.

⁴ *Jorgensen M.* International Law Cannot Save the Rules-Based Order // *The Interpreter*. Published. 2018. 18 Dec. URL: https://www.realcleardefense.com/articles/2018/12/18/in-ternational_law_cannot_save_the_rules-based_order_114046.html (дата обращения: 24.07.2023).

⁵ Как здесь не вспомнить фразу Жоржа Милославского в фильме «Иван Васильевич меняет профессию»: «...А фамилия моя... фамилия моя слишком известна, чтобы я ее называл».

тех или иных акторов»¹. Даже в научных дискуссиях вопрос оппонентам о том, что же представляют собой эти самые правила и где с их перечнем можно было бы ознакомиться, «часто вызывает легкий ступор»².

Посмотрим на эту ситуацию с точки зрения общей теории международного права.

Начнем с того, что в самом термине «правила», на самом деле «ничего зазорного нет»³. Дело в том, что абсолютно все регуляторы любых общественных отношений, т. е. все социальные нормы, являются именно правилами. Это в полной мере относится и к нормам, регулирующим международные (в том числе международные межгосударственные) отношения, о чем мы уже говорили. Иными словами, любые по виду нормы международной нормативной системы являются именно правилами, точнее, правилами поведения участников регулируемых отношений. Вот только эти правила нельзя смешивать между собой ни по алгоритмам своего появления, ни по формам закрепления, ни по их обязательности, но по последствиям неисполнения. Так, «юридически обязательными из них являются *исключительно* правила поведения, устанавливаемые нормами международного права, а юридически обязательными для всех субъектов международных межгосударственных отношений — нормами общего международного права. Отсюда, для того чтобы стать юридически обязательными для конкретного государства, правила поведения должны стать обязывающими именно это государство нормами международного права, а чтобы стать юридически обязательными для всех государств»⁴ (и других участников международных межгосударственных отношений) — императивными международно-правовыми нормами *jus cogens*⁵ общего международного права. И никак иначе!

¹ *Martel S.* Unpacking the „Crisis“ of the „Rules-Based International Order“: Competing Hero Narratives and Indo-Pacific Alternatives / Defence and Security Foresight Group // Working Paper. July 2020. P. 5. URL: https://uwaterloo.ca/defence-security-foresight-group/sites/default/files/uploads/files/dsfg_workingpaper_martel_rbio.pdf (дата обращения: 24.07.2023).

² *Porter P.* Sorry, Folks. There Is No Rules-Based World Order // The National Interest 28.08.2016. URL: <https://r1.talis.com/3/exeter/items/9D021797-FA7E-46B4-9A20-ED7F4F2B13CA.html> (дата обращения: 24.07.2023).

³ *Лавров С. В.* О праве, правах и правилах // Россия в глобальной политике. 2021. № 4. С. 14.

⁴ См.: *Нефедов Б. И.* Понятие «правила» в доктрине «международного порядка, основанного на правилах» // Россия и современный мир. 2021. № 3. С. 11. URL: [file:///C:/Users/Hp/Downloads/ponyatie-pravila-v-doktrine-mezhdunarodnogo-poryadka-osnovannogo-na-pravilah%20\(1\).pdf](file:///C:/Users/Hp/Downloads/ponyatie-pravila-v-doktrine-mezhdunarodnogo-poryadka-osnovannogo-na-pravilah%20(1).pdf) (дата обращения: 08.09.2023).

⁵ С. В. Лавров приводит по этому поводу такой пример: «Устав ООН — это именно свод правил, но правил, одобренных всеми странами мира, а не в рамках межгосударственных отношений». См.: *Лавров С. В.* О праве, правах и правилах. С. 14.

Поэтому сформулировать понятие правил, которые одновременно были бы обязательными для государств (и других субъектов международных межгосударственных отношений), но не являлись бы нормами международного права, оказалось для сторонников доктрины порядка, основанного на правилах, крайне важной задачей, ибо в противном случае эти самые правила становились бы «the very reason why states are in dispute»¹, т. е. «той самой причиной, по которой государства находятся в состоянии спора». Но это-то и оказалось невозможным. Неслучайно, по мнению британских аналитиков, «самым раздражающим, сложным и неопределенным в международных отношениях является вопрос, каким образом достичь порядка, основанного на правилах и обладающего легитимностью»², тем более что в концепции основанного на правилах мирового порядка «отсутствуют общие определения и стандарты, не содержится бланкетных положений, отсылающих к нормам международного права»³.

Вот почему мы оставим в стороне ту часть сторонников концепции «rule-based order», которые просто не видят разницы между «правилами», на которых, по их мнению, «должен базироваться мировой порядок, и нормами международного права»⁴. Здесь нет противоречия, и можно было бы даже поставить знак равенства между доктринами порядка, основанного на правилах, и порядка, основанного на международном праве⁵.

Все остальные, т. е. те, кто видит разницу между указанными понятиями (а среди сторонников доктрины порядка, основанного на правилах, таких большинство), то они оказались «не в состоянии согласовать — или хотя бы договориться — об однозначном и не-

¹ *Raymond G., Nasu H., Seng Tan S., McLaughlin R. et al.* Prospects for the Rules-Based Global Order. Australian National University. Strategic and Defence Studies Centre, 2017. URL: https://www.academia.edu/68747195/Prospects_for_the_rules_based_global_order (дата обращения: 24.07.2023).

² To improve global governance, empower society. Chatham House Expert Perspectives, Adapt or Die. 2019. P. 3.

³ Ibid.

⁴ См.: The Contribution of International Organisations to a rule-based international system. New York: Organisation for Economic Cooperation and Development, 2019. 24 p.

⁵ Например, Филипп Шетлер-Джонс пишет, что на «практическом уровне правила существуют в институциональной форме, такой как статьи Устава ООН, регулирующие отношения между суверенными государствами, или правила Всемирной торговой организации, которые обеспечивают основу, поддерживающую свободу торговли. Более недавним примером является Конвенция ООН по морскому праву», и т. д. См.: Shetler-Jones P. Welcome to the new deal-based order // World Economic Forum. Sep 8, 2017. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2017/09/wel-come-to-the-new-deal-based-order/> (дата обращения: 25.07.2023). Нетрудно заметить, что речь идет исключительно о нормах международного права.

противоречивом комплексе целей, методов и ограничений»¹, составляющих эти «правила». Остановимся на таких концепциях, опуская при этом рассмотрение тех формулировок, в которых предпринимаются попытки дать определение «правил» через само определяемое понятие².

Большинство этой группы авторов, используя в качестве некой ширмы отдельные нормы международного права (причем часто давая им вольную интерпретацию или выдергивая фразы из контекста отдельных международно-правовых норм³), включают в эту базу различные неправовые нормы международной нормативной системы, не имеющие юридически обязывающего субъектов международных межгосударственных отношений характера, а также нормы индивидуальных правовых актов, таких как «trade agreements, immigration protocols and cultural arrangements», т. е. торговых соглашений, иммиграционных протоколов и договоренностей в сфере культуры⁴. Причем без всякой аргументации они возводят их в ранг общеобязательных норм, «забывая» то обстоятельство, что юридически обязательными для всех государств могут быть только нормы общего международного права. При этом ими затушевывается и тот факт, что по воле создателей таких норм соответствующие установки могут довольно быстро принципиально изменяться в зависимости от текущих интересов их авторов.

Обычно между сторонниками этой концепции существует довольно широкий консенсус по некоторым основным «универсальным» компонентам порядка, основанного на правилах, таких как система Организации Объединенных Наций, уважение суверенитета и тер-

¹ Киссинджер Г. Мировой порядок. М., 2015. С. 10.

² Например, С. Мартел попыталась дать формулировку понятия «правила», которую она почему-то называет наиболее близкой к «consensual definition» (т. е. к консенсусному определению). По ее мнению, это «общее обязательство всех стран осуществлять свою деятельность в соответствии с согласованными правилами, которые развиваются с течением времени». Впрочем, она сама здесь же называет это определение «широким, неконкретным и избыточным». *Martel S. Unpacking the „Crisis“ of the „Rules-Based International Order“: Competing Hero Narratives and Indo-Pacific Alternatives / Defence and Security Foresight Group // Working Paper. July 2020. P. 5.*

³ Выступление Постоянного представителя Российской Федерации при ООН и в Совете безопасности ООН В.А. Небензи в ходе диалога высокого уровня председателей Генеральной Ассамблеи, Совета Безопасности и Экономического и Социального Совета ООН по вопросам многополярного мира // URL: <https://news2.ru/story/576161> (дата обращения: 24.07.2023).

⁴ См., например: The United Nations and the rules-based international order // United Nations Association of Australia. 2015. № 7. P. 7–12; *Mazarr M. J., Priebe M., Radin A., Cevallos A. S. Understanding the current international order // A Rand Project to explore US Strategy in a Changing World. Santa Monica, Calif. 2016. P. 7.*

риториальной целостности государств, других основных принципах международного права, но гораздо меньше согласия имеет место по остальной части «правил», входящих в его состав¹, а также в отношении того, как эти общие принципы должны быть подтверждены или истолкованы на практике². Именно «эта институциональная архитектура дополняется другими многосторонними соглашениями, альянсами в области безопасности и региональными организациями внутри Запада и за его пределами», а также такими либеральными ценностями, как свобода судоходства, принципы демократии, права человека, открытая торговля³ и др.

Поскольку подобные подходы часто вызывают возражения, некоторые сторонники доктрины порядка, основанного на правилах, пошли по пути отказа от конкретики и стали ограничиваться указанием только сфер международного урегулирования такими «правилами». Приведем в качестве соответствующего примера такой документ Атлантического совета, как «Глобальная стратегия 2021: союзническая стратегия для Китая», где его авторы (М. Крениг и Д. Чиммино вместе с экспертами из десяти «ведущих демократий мира») утверждают следующее: «Международная система, основанная на правилах... базируется на наборе норм и принципов, относящихся к глобальной безопасности, экономике и управлению... В сфере безопасности система характеризуется формальными союзами в Европе и Азии, в дополнение к правилам, которые защищают государственный суверенитет и территориальную целостность и устанавливают ограничения на применение военной силы и распространение оружия массового уничтожения. В экономической сфере система, основанная на правилах, способствует развитию взаимосвязанной глобальной экономики, основанной на свободных рынках и торговле без дискриминации. Наконец, в сфере управления система, основанная

¹ См.: *Martel S. Unpacking the „Crisis“ of the „Rules-Based International Order“: Competing Hero Narratives and Indo-Pacific Alternatives / Defence and Security Foresight Group // Working Paper. July 2020. P. 5.*

² Так, осенью 2014 года была попытка военного переворота в Гамбии. Директор Департамента Госдепа по связям с общественностью сделал жесткое заявление, что США никогда не приемлют смену власти неконституционным путем. Это было сделано всего через несколько месяцев после того, как США организовали ровно такую же смену власти на Украине. См.: Выступление министра иностранных дел России С. В. Лаврова на XXVII Ассамблее Совета по внешней и оборонной политике (Москва, 13 апреля 2019 г.) // URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/-briks/1458310/ (дата обращения: 24.07.2023).

³ См.: *Martel S. Unpacking the „Crisis“ of the „Rules-Based International Order“: Competing Hero Narratives and Indo-Pacific Alternatives // DSFG Working Paper. July. 2020. P. 5.*

на правилах, продвигает демократические ценности и права человека. При этом система никогда не была исправлена, но эволюционировала с течением времени („the system has never been fixed, but has evolved over time“)¹.

Но и указанные сферы урегулирования «правилами» международных отношений у разных авторов одностипными не являются. Так, в исследовании под названием «Порядок, основанный на правилах, в Индо-Тихоокеанском регионе: возможности и вызовы для Австралии, Индии и Японии» такие сферы повторяются только частично, а в остальном вводятся новые. При этом отмечается, что «эти правила охватывают широкий круг проблемных областей и видов деятельности, в частности, возникновение и ведение войн, международную торговлю и экономическое развитие, ведение межгосударственной дипломатии, навигацию и полеты над землей, а также права отдельных лиц и сообществ»².

Не отстают в этом вопросе и отдельные авторы. Например, А. П. Стюарт в качестве таких сфер уже указывает смягчение последствий изменения климата и адаптацию к ним, обеспечение доступа к открытому глобальному достоянию (Safeguarding Access to the Open Global Commons), технологические инновации и границы глобального управления (Technological Innovation and the Frontiers of Global Governance), поддержание открытой, недискриминационной мировой экономики и др.³ Отметим только, что он не ограничивается перечислением этих (в целом довольно абстрактных позиций) и приводит в качестве «правил» часть (но только часть!) основных принципов международного права⁴.

Нередко рассуждения о базовой основе порядка, основанного на правилах, можно встретить в международной политической практике применительно только к некоторым направлениям урегулирования международных отношений: правам человека⁵, вопросам

¹ См.: *Kroenig M., Cimmino J.* Global Strategy 2021: An Allied Strategy for China. Scowcroft Center For Strategy and Security. Washington, 2020. P. 15–16.

² *Hall I., Heazle M.* The Rules-Based order in the Indo-Pacific: Opportunities and Challenges for Australia, India and Japan // Regional Outlook Paper, Griffith University. 2017. №. 50. URL: https://www.academia.edu/33086728/Policy_Brief_The_Rules_Ba-sed_Order_in_the_Indo_Pacific_Opportunities_and_Challenges_for_Australia_India_and_Japan (дата обращения: 24.07.2023).

³ *Stewart P.* World Order: What, Exactly, are the Rules? // The Washington Quarterly. 2016. № 1 (39). P. 11–22.

⁴ Ibid.

⁵ United Nations A/C.3/64/SR.44. Summary record of the 44th meeting: 3rd Committee, held at Headquarters, New York, on Thursday, 19 November 2009, General Assembly, 64th session. Promotion and protection of human rights. Agenda item 69: Speech by mr. Bennwick (Sweden).

разоружения, нераспространения и контроля над вооружениями¹, реформе Совета Безопасности ООН² и др.

В этом ракурсе представляет интерес ответ государственного министра Михаэля Рота (Michael Roth), данный 6 ноября 2019 года в Бундестаге Германии на вопрос депутата Андрея Хунко (Andrej Hunko) о том, как федеральное правительство определяет термин «порядок, основанный на правилах», который оно часто использует вместо термина «международное право»? Ответ министра звучал так: «Понятия „международное право“ и „основанный на правилах мировой порядок“ дополняют друг друга. „Порядок, основанный на правилах“ — это политический термин, „международное право“ — юридический. Основанный на правилах порядок включает в себя, помимо юридически обязательных норм международного права, также не имеющие обязательной юридической силы нормы, стандарты и правила поведения. Это, например, своевременная уплата взносов, многостороннее сотрудничество с целью установления совместного мирового порядка или неформальные объединения в группы друзей или альянсы. Политический термин также относится к различным международным форумам и их правилам принятия решений, а также к переговорным процессам»³. Министр явно лукавит. Политические термины не могут иметь юридической силы, да и обвинения России в несоблюдении неких «правил» никогда не касались ни каких-либо нарушений процедуры принятия решений на международных форумах, ни якобы существующего с ее стороны пренебрежения порядком ведения договорных процессов, ни несоблюдения ею требований по уплате членских взносов. За нарушение этих правил рестрикций не принимают.

Знакомясь с высказанными мнениями по поводу содержания понятия «правил» в рамках критикуемой доктрины, невольно вспоминаешь высказывание Г. А. Киссинджера: «Частые увещевания, обращенные к прочим странам, призывы „внести посильный вклад“,

¹ Conference on Disarmament. 4 August 2011. Final record of the one thousand two hundred and thirty-first plenary meeting. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/770159> (дата обращения: 24.07.2023); См. также: United Nations A/C.1/62/PV.7. General Assembly Sixty-second session. First Committee 7th meeting, 16 October 2007. General debate on all disarmament and international security agenda items.

² United Nations A/60/PV.5. General Assembly Sixtieth session 5th plenary meeting, 15 September 2005, Mr. Singh (India) // URL: <https://digitallibrary.un.org/record/556568> (дата обращения: 24.07.2023). See also: United Nations A/63/69-S/2008/270. General Assembly Security Council. The rule of law at the national and international levels. Letter dated 18 April 2008 from the Permanent Representative of Austria to the United Nations addressed to the Secretary-General // URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N08/330/-21/PDF/N083-3021.pdf?OpenElement> (дата обращения: 24.07.2023).

³ Deutscher Bundestag. 123 Sitzung. Berlin. 6 November 2019. Plenarprotokoll 19/123. P. 15287–15288.

играть „по правилам двадцать первого столетия“ и быть „ответственными участниками процесса“ в рамках общей системы координат отчетливо показывают, что не существует общего для всех представления об этой системе...»¹, т. е. общего понимания этих самых «правил».

Тем не менее в отдельных работах сторонников доктрины порядка, основанного на правилах, были предприняты попытки наполнить понятие таких «правил» хотя бы каким-нибудь содержанием. Так, наиболее известным в зарубежной доктрине является определение такого порядка, данное австралийскими авторами и частью уже приводимое нами ранее: «Международный порядок, основанный на правилах, в целом можно охарактеризовать как общее обязательство всех государств осуществлять свою деятельность в соответствии с согласованными правилами, такими как международное право, региональные механизмы безопасности, торговые соглашения, иммиграционные протоколы и культурные договоренности, которые развиваются с течением времени»². По крайней мере, его фактический повтор или отсылка к нему встречается в работах самых разных авторов³.

Как видим, по мнению самих сторонников критикуемой теории, базовой основой такого порядка служит совокупность самых разнообразных социальных норм, как правового, так и неправового характера⁴. Неслучайно один из известных западных политологов Петер Харрис в конце концов вынужден был прийти к выводу, что «мировой порядок — это беспорядочный, спорный и часто противоречивый набор предполагаемых правил и ожиданий; он, безусловно, не обеспечивает четкого и ясного набора принципов, которые могут быть объективно применены мировыми лидерами. Вместо

¹ Киссинджер Г. Мировой порядок. М., 2015. С. 10.

² The United Nations and the rules-based international order. United Nations Association of Australia, 2015. P. 7 // URL: https://www.unaa.org.au/wp-content/uploads/2015/07/UNAA_RulesBasedOrder_ARTweb3.pdf (дата обращения: 24.07.2023).

³ См. фактически ее повтор или отсылку к ней в таких работах, как: Cleary S. A. Rules-based international Order in the Present Era // Conference: Multilateralism and Sustainable Development: Imperial Springs International Forum 2019. Guangzhou, PRC. URL: https://www.researchgate.net/publication/337783522_A_Rules-based_international_Order_in_the_Present_Era (дата обращения: 24.07.2023); Murphy P. The Rules-Based Multilateral Order A Rethink is Needed // The Washington International Trade Association (WITA Academ). ATP research. 03/02/2020. URL: <https://www.ietea.com/publications/the-rules-based-multilateral-order-a-rethink-is-needed> (дата обращения: 24.07.2023); Martel S. Unpacking the «„Crisis“ of the „Rules-Based International Order“»: Competing Hero Narratives and Indo-Pacific Alternatives // DSFG Working Paper. July 2020. URL: https://uwaterloo.ca/defence-security-foresight-group/sites/default/files/uploads/files/dsfg_workingpaper_martel_rbio.pdf (дата обращения: 24.07.2023).

⁴ Ситуация усугубилась тем обстоятельством, что соответствующими исследованиями занимались, как правило, не юристы-международники, а многочисленные специалисты в области политологии, дипломатии, экономики, социологии, политической философии и др.

этого международный порядок предлагает целый ряд нормативных предписаний, которые государственные деятели могут использовать и используют для оправдания совершенно различных стратегий, как либеральных, так и явно нелиберальных»¹.

Министр иностранных дел России С. В. Лавров по этому поводу высказался следующим образом: «от расшифровки своих „правил“ Запад тщательно уходит, как и от вопросов о том, зачем они нужны, если есть тысячи инструментов международного права, под которыми все подписались и которые содержат четкие обязательства государств и прозрачные механизмы проверки их исполнения»². По его мнению, «прелесть» западных правил состоит «именно в отсутствии конкретики: как только кто-то поступает вопреки воле Запада, тот мгновенно голословно заявляет о нарушении правил (не предъявляя фактов) и объявляет о своем праве наказывать нарушителя»³.

Именно с отсутствием единого определения понятия правил, на которые указывает доктрина *rules-based international order*, а также их четко сформулированного свода связано и то обстоятельство, что обвинения в несоблюдении «правил» практически всегда являются голословными, без указания на то, что конкретно было нарушено оппонентом и где нарушенные им правила закреплены. Хотя для создания видимости обоснованности претензий эти обвинения иногда могут сопровождаться ссылками на отдельные, как правило, вырванные из контекста требования норм международного права.

Поскольку по базовым правилам в этой доктрине одновременно высказываются самые разные точки зрения, в чем-то совпадающие, в чем-то перекликающиеся между собой, а в чем-то взаимоисключающие друг друга, этот порядок даже (причем именно в западной доктрине) стали определять как «floating signifier»⁴ («плавающий означающий»), т. е. как термин, используемый для обозначения явления,

¹ *Harris P.* Losithe International Order: Westphalia, Liberalism and Current World Crises // *The National Interest*. 2015. November. URL: <https://blurbssite.wordpress.com/2015/11/10/losing-the-international-order-westphalia-liberalism-and-current-world-crises/> (дата обращения: 24.07.2023).

² *Лавров С. В.* О праве, правах и правилах // *Россия в глобальной политике*. 2021. Т. 19. № 4. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/o-prave-pravah-i-pravilah/> (дата обращения: 24.07.2023).

³ Там же.

⁴ Например, *Stefani Martel* по этому поводу говорит так: «the rules-based international order is a „floating signifier“ — it is an ambiguous, unstable concept that takes on a variety of meanings for social actors», т. е. «международный порядок, основанный на правилах, является „плавающим означающим“ — это неоднозначная, нестабильная концепция, которая приобретает множество значений для социальных субъектов». См.: *Martel S.* Unpacking the „Crisis“ of the „Rules-Based International Order“: Competing Hero Narratives and Indo-Pacific Alternatives // *DSFG Working Paper*. July 2020.

которое не указывает на фактический объект и не имеет согласованного значения.

Теперь постараемся самостоятельно сформулировать самые общие требования к этим самым «правилам», которым все они, по логике вещей, вроде бы должны обязательно соответствовать.

Во-первых, под этими правилами должны пониматься некие *социальные нормы*, способные регулировать международные межгосударственные отношения.

Во-вторых, требования таких норм должны быть четко, понятно и недвусмысленно сформулированы, т. е. быть *формально определенными*. Во избежание проблем с их толкованием лучше, если они будут иметь письменную форму¹.

В-третьих, в силу существования государственного суверенитета эти правила не могут быть навязаны участникам межгосударственных отношений какой-то надгосударственной волей (и силой) и тем более быть результатом односторонних велений какого-либо одного государства, пусть и самого мощного в экономическом и/или военном отношении. Иными словами, эти правила поведения должны быть *результатом межгосударственных договоренностей*. В противном случае не только у отечественных, но и у зарубежных авторов «возникает вопрос о том, кто же в конечном счете устанавливает эти правила и определяет их содержание?»².

В-четвертых, эти правила должны стать юридически *обязательными* для данного государства. Но из всех норм международной нормативной системы юридически обязательными могут быть исключительно правила поведения, установленные нормами международного права. При этом и они становятся обязательными для данного государства только при наличии его признания их таковыми. Исключение составляют исключительно нормы *jus cogens* общего международного права³. В условиях соблюдения требований основ-

¹ Конечно, это не панацея: даже формальное закрепление юридически общеобязательных для всех государств норм общего международного права не всегда гарантирует их одинакового понимания (и исполнения) всеми государствами (но хотя бы позволяет судить об их нарушении). Что же тогда говорить о неких «правилах», формулировки которых вообще не формализованы и имеют бесконечное множество своих толкований.

² Робинсон П. Почему «порядок, основанный на правилах» ведет к недоверию / Одни понятия, разный смысл // Россия в глобальной политике. 02.07.2018. URL: <https://global-affairs.ru/global-processes/Odni-ponyatiya-raznyis-mysl-19643> (дата обращения: 24.02.2023).

³ Если, по выражению Г. Кельзена, «международное право обязывает и управомочивает государство, то самостоятельно устанавливаемые для других государств правила ничтожны как в части появления у них каких-либо международных обязательств, так и в части последствий их неисполнения». См.: Кельзен Г. Чистое учение о праве, справедливость и естественное право. СПб., 2015. С. 221.

ных принципов международного права никаких других юридически обязательных «правил» для участников международных межгосударственных отношений не существует¹.

В-пятых, эти правила должны обладать признаком *общепризнанности*, т. е. в соответствии с ними должны действовать все. Но при этом нельзя отрицать и того, что «наиболее авторитетными правилами, на которых базируется глобальный порядок, являются именно те, что согласованы между государствами и имеют юридически обязательный статус»².

Но в качестве единственных социальных норм международной нормативной системы, отвечающих всем этим требованиям, выступают **исключительно нормы международного права**, а применительно к глобальному правопорядку — императивные нормы *jus cogens* (т. е. с латинского — неоспоримого права) общего международного права. Других просто не существует.

Как тут не вспомнить слова знаменитого отечественного юриста-международника Ф. Ф. Мартенса: «Ни идея разобщенности, ни идея преклонения перед физической силою, ни идея политического равновесия, ни, наконец, принцип национальности не могут быть признаны руководящими началами правильно устроенной международной жизни. Ее руководящее начало — идея права»³.

Если же отступить от этих требований, например, от юридической обязательности таких норм, но тогда и говорить следует исключительно о мировом *общественном* порядке, т. е. исполнения таких норм просто нельзя *требовать*⁴. Но основная проблема доктрины *rules-based order* как раз и состоит в том, что, говоря о ней,

¹ Здесь следует согласиться со С. Талмоном в том, что «термин «порядок, основанный на правилах» стирает различие между юридически обязательными и необязательными правилами, создавая впечатление, что все государства и международные субъекты должны подчиниться этому порядку, независимо от того, согласились они с этими правилами или нет». См.: *Talmon S. Rules-based order v. international law? // German Practice in International Law. 2019. URL: <https://gpil.jura.uni-bonn.de/2019/01/rules-based-order-v-international-law/> (дата обращения: 24.07.2023).*

² *Jorgensen M. International law cannot save the rules-based order // The Interpreter. 2018. Published 18 Dec. URL: <https://ww-w.lowyinstitute.org-/theinterpreter/international-law-can-not-save-rules-based-order> (дата обращения: 24.07.2023).*

³ *Мартенс Ф. Ф. Современное международное право цивилизованных народов: в 2 т. Т. 1. М.: 2008. С. 26.*

⁴ Почему-то на национальном уровне в подобных ситуациях никаких вопросов не возникает. Так, в соответствии с положениями ислама каждый совершеннолетний мусульманин должен совершать намаз, т. е. пять раз в день произносить молитвы. Это религиозная норма (т. е. опять же правило поведения), и она участвует в урегулировании соответствующих общественных отношений. Но никому в голову не придет с пафосом возмущаться поведением, например, христианина (или атеиста), который вовсе не рассматривает это правило поведения для себя в качестве обязательного, поскольку оно не обладает юридической общеобязательностью.

ее сторонники имеют в виду вовсе не мировой *общественный* порядок и даже не мировой *правопорядок*, а *глобальный правопорядок*, поскольку именно в его рамках речь идет о реализации обязательных для всех государств норм общего международного права.

Отсюда, несмотря на многолетнюю дискуссию и многочисленные призывы «снять с порядка, основанного на правилах, облако двусмысленности»¹, никто из сторонников указанной доктрины так и не дал даже приблизительного перечня таких «правил», не пояснил, каков же механизм их разработки и утверждения, каковы формы их обеспечения и т. д.²

И еще одно. Именно право выступает в рамках международной нормативной системы в качестве ее цементирующего и объединяющего скелета, ее центральной части (как принято говорить, ядра), без которого вместо системы нормативного регулирования международных (межгосударственных) общественных отношений неизбежно воцарится анархия. Основой этого является установление верховенства права, которое одновременно проявляется и «в равенстве всех государств перед правовыми установками»³, и в том, что «деятельность государств (в лице его органов и должностных лиц) должна подчиняться праву»⁴, и «в установлении и осуществлении строгой иерархичности норм разных источников права»⁵ и т. д., а также в том, что нормы права (установленные ими правила поведения) «имеют верховенство над правилами поведения, установленными любыми другими социальными нормами»⁶. И это справедливо применительно не только к национальному, но и к международному уровню. Причем в понятии такого верховенства и на национальном, и на международном уровнях имеется много общего⁷.

¹ Ng J. Unpacking the «Rules-Based Order» // Rajaratnam School of International Studies. Commentary. 2019. 12 March. URL: <https://www.rsis.edu.sg/rsis-publication/cms/unpacking-the-rules-based-order/> (дата обращения: 24.07.2023).

² Неудивительно, что аспектом многочисленных мнений о смысле и важности «основанного на правилах мирового порядка» стало «относительное молчание» в этом вопросе западных юристов-международников. Кому же захочется демонстрировать кроме политической лояльности еще и профессиональную безграмотность?

³ См. подробнее: Доклад о верховенстве права Европейской комиссии за демократию через право (Венецианской комиссии) Совета Европы (Страсбург, 04.04.2011). 19 с // URL: [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD\(2011\)003rev-rus](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD(2011)003rev-rus) (дата обращения: 24.07.2023).

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ См. подробнее: Верховенство права: Руководство для политиков. Лунд. Гаага: Институт по правам человека и гуманитарному праву и Гаагский институт по интернационализации права, 2012. С. 35–43.

По крайней мере, и там и там требование верховенства права означает одно и то же: верховенство его норм над всеми иными социальными нормами. Именно нормы права должны соблюдаться¹.

Верховенство права на международном уровне проявляется в довольно многочисленных формах², но мы выделим здесь только некоторые из них:

- «— нормы общего международного права обязательны для всех субъектов международных межгосударственных отношений, но иные международно-правовые нормы обязательны только для тех субъектов международного права, которые признали их для себя в качестве таковых;
- никакое государство или иной субъект международного права не может быть „наказан“ иначе как в установленном международным правом порядке и только за нарушение международно-правовых норм, являющихся для него юридически обязательными;
- деятельность всех международных организаций, их органов и иных организационных структур, создаваемых на основе международно-правовых норм, не должна противоречить международному праву;
- существующая строгая иерархичность норм международного права и его источников (когда на вершине нормативной пирамиды находятся нормы общего международного права) не должна нарушаться³;
- нормы международного права имеют верховенство над нормами всех других видов норм международной нормативной системы»⁴.

¹ На международном уровне это требование приобрело внешнее выражение в виде принципа *acta sunt servanda* — договоры должны соблюдаться.

² См. подробнее: Доклад о верховенстве права Европейской комиссии за демократию через право (Венецианской комиссии) Совета Европы. С. 12.

³ Вновь вынуждены подчеркнуть, что международный порядок, основанный на правилах, фактически допускает одностороннее установление узким кругом государств неких правил регулирования международных межгосударственных отношений, которые, не являясь нормами общего международного права, провозглашаются обязательными для других государств даже против их воли (что часто имеет целью оправдание их творцами собственных нарушений норм международного права), а также может влечь за собой изменение содержания международно-правовых норм, размывание иерархии норм в международной нормативной системе в целом и международно-правовой системе в частности. См. подробнее: *Krieger H., Nolte G. The International Rule of Law — Rise or Decline? Points of Departure // KFG Working Paper Series. 2016. №. 1. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/199416297.pdf> (дата обращения: 24.07.2023).*

⁴ Доклад о верховенстве права Европейской комиссии за демократию через право (Венецианской комиссии) Совета Европы. С. 12.

Такой подход был также закреплен в целом ряде международных актов универсального характера¹, принимавшихся в том числе государствами, представители которых говорят о мировом порядке, основанном на правилах. Достаточно сказать, что на Всемирном саммите ООН в сентябре 2005 года государства-члены *единогласно* признали «необходимость всеобщего соблюдения и осуществления принципа верховенства права как на национальном, так и на международном уровнях»², а также «подтвердили свою приверженность целям и принципам Устава [ООН] и *международному порядку, основанному на верховенстве права* и международному праву»³.

Неслучайно в 2004 году в своем выступлении по результатам обширной дискуссии по вопросу «Верховенство права на национальном и международном уровнях» бывший в то время Генеральным секретарем ООН Кофи Аннан (напомним, ярый сторонник доктрины международного порядка, основанного на правилах) высказался о верховенстве права как о концепции, лежащей в самом сердце («at the very heart») миссии этой Организации⁴.

На уровне указанной доктрины вопрос о верховенстве международного права в регулировании международных отношений также находит свое выражение⁵, но это делается уже не столь единодушно. Так, по мнению А. Уоттса, «верховенство международного права в регулировании международных отношений есть... не более чем общее понимание желательности придерживаться такого подхода»⁶. Правда, большой поддержки своей позиции А. Уоттс не встретил.

Тем и отличается порядок, основанный на правилах от порядка, основанного на праве, что в рамках доктрины *rules-based order* происходит фактическое уравнивание общеобязательных международно-

¹ В том числе в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций 1970 года. См.: Международное публичное право: сборник документов. Т. 1. М.: БЕК, 1996. С. 2–8; Декларации тысячелетия Организации Объединенных Наций 2000 г // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml (дата обращения: 24.07.2023); и др.

² United Nations A/RES/60/1. GA Res. 60/1 (2005), P. 134.

³ Там же.

⁴ Report of the Secretary-General, The rule of law and transitional justice in conflict and post-conflict societies 23 August 2004. URL: <https://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/PCS%20S%202004%2016.pdf> (дата обращения: 24.07.2023).

⁵ Троекуров Н. Е. Верховенство права в современных международных отношениях: монография. М., 2006.

⁶ Watts A. The International Rule of Law // German Yearbook of International Law. 1993. Vol. 36. P. 15.

правовых норм и неких «правил» неправового характера, которые (по мнению сторонников этой концепции) оказываются столь же юридически обязательными для всех государств, что и нормы *jus cogens* общего международного права, в силу чего и те, и другие нормы друг над другом никакого верховенства не имеют.

Истоки такого подхода известны и следует только согласиться с Р. А. Мюллерсоном, который по этому поводу писал: «В защиту международного права стоит сказать, что Вашингтон пытается навязать с помощью военной силы и санкций против непослушных не ту благородную нормативную систему, которая так или иначе работала даже в период холодной войны [в значительной степени благодаря существовавшему балансу сил], а так называемый основанный на правилах либеральный миропорядок, то есть порядок, базирующийся на правилах Вашингтона и не имеющий отношения к международному праву»¹.

Поэтому заявления о каком-либо сочетании верховенства международного права и порядка, основанного на правилах, являются откровенным нонсенсом. Возьмем в качестве соответствующего примера выступление на 14-м пленарном заседании 60-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН Президента Республики Гамбия, в котором он прямо заявил, что «наша организация должна быть главным защитником верховенства международного права, которого должны придерживаться все государства в сообществе наций. Любая попытка ослабить или подорвать нашу международную систему, основанную на правилах, должна быть отвергнута без компромисса»². Высказанная им идея благородна, но он так и не понял, что вторая часть его выступления настолько противоречит первой, что этот призыв вольно или невольно приобрел двойное толкование.

Сформулируем заключительные выводы

1. Доктрина *rules-based international order*, т. е. международного порядка, основанного на правилах, в противовес доктрине *international order based on law*, т. е. международного порядка, основанного на праве, была введена в международный и дипломатический оборот в 1992 году. Ее появление явилось следствием разрушения Советского Союза и формирования (на тот период) однополярного мира. В условиях возникшего моноцентризма в мировой политической системе эта доктрина должна была обеспечить теоретическое обоснование

¹ Мюллерсон Р. А. Как либерализм вступил в конфликт с демократией // Россия в глобальной политике. 2020. Т. 18. № 5 (105). С. 56.

² United Nations A/60/PV.14. General Assembly Sixtieth session 14th plenary. 19 September 2005 // URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N05/513/98-/PDF/N0551398-.pdf?OpenElement> (дата обращения: 25.07.2023).

перехода к новым формам регулирования межгосударственных отношений, в рамках которых США единолично (или совместно со своими союзниками) были бы вправе самостоятельно устанавливать и/или изменять общеобязательные для остальных государств правила поведения, в том числе императивные нормы *jus cogens* общего международного права.

2. Первоначально доктрина международного порядка, основанного на правилах, получила достаточно широкое распространение, что явилось следствием иллюзий и своеобразной эйфории, которые в условиях окончания холодной войны и наступившего вслед за этим периода разрядки оказались присущи многим государствам мира. В частности, среди малых и средних государств становятся популярны идеи всеобщего торжества мягкой силы, популистские ожидания установления «справедливого» мироустройства, в рамках которого они были бы вправе рассчитывать на существенное изменение геополитики (особенно в области экономики) и степени своего участия в мировых делах. Эти государства не заметили под личиной демократической терминологии сущности выдвигаемой Западом доктрины, что и обеспечило в начале становления концепции порядка, основанного на правилах, их поддержку.

3. В период похолодания в международных межгосударственных отношениях, сопровождавшегося мировым экономическим кризисом 2008 года и становления новых центров силы в виде Китая и России, доктрина мирового порядка, основанного на правилах, не прекратила существования, но по мере того как иллюзии вокруг ее сущности все более рассеивались, она в значительной степени утратила количество своих сторонников. Определенную роль в этом процессе сыграло и то, что эта доктрина начинает активно использоваться ведущими западными державами мира в виде аргумента обвинения своих стратегических конкурентов в том, что те не желают соблюдать в качестве юридически обязательных некие «правила», установленные ими в одностороннем порядке.

4. Среди сторонников доктрины международного порядка, основанного на правилах, никогда не существовало (и не существует) единого представления о том, что именно следует понимать под «правилами», на которых мировой (международный) правопорядок, по их мнению, должен базироваться. Одни из них не видят разницы между этими правилами и нормами международного права и фактически воспринимают понятия международного порядка, основанного на правилах и международного порядка, основанного на праве как синонимы. Другие полагают, что указанные правила представляют собой некое единство норм международного права и иных социальных норм, входящих в международную нормативную систему, но при этом ошибочно считают эту совокупность не осно-

вой для формирования мирового общественного порядка, а базой для мирового правопорядка и даже для глобального правопорядка. Третьи фактически считают указанные правила некими особыми регуляторами международных (в том числе межгосударственных) общественных отношений, которые не являются нормами общего международного права, но тем не менее становятся юридически общеобязательными для всех участников международных межгосударственных отношений.

5. Исходя из контекста использования и понимания доктрины *rules-based international order* большинством ее сторонников, допустимо утверждать, что:

- основанный на правилах мировой порядок означает, что государства в своей деятельности должны руководствоваться неким сводом правил, четкого перечня которых не существует;
- в любом случае этот перечень является более широким по сравнению с перечнем правил поведения, закрепленных в международном праве, не говоря уже о правилах поведения, установленных общим международным правом;
- в указанный перечень включаются в качестве юридически обязательных правил поведения те или иные (в зависимости от представлений того или иного автора) *неправовые* социальные нормы международной нормативной системы, в том числе юридически необязательные политические положения, существующие в виде так называемого мягкого права, и даже правила, установленные не субъектами международного права;
- в число таких обязывающих государства «правил» могут входить нормы международного права, в том числе юридически не обязательные для данного государства.

6. Являются взаимоисключающими заверения в своей приверженности верховенству международного права и утверждения о существовании неких «правил» не международно-правовой природы, которые могут изменять, отменять и даже заменять любые нормы международного права, в том числе императивные нормы *jus cogens* общего международного права. Поэтому в том случае, когда отдельные сторонники доктрины *rules-based international order* настоятельно требуют исполнения (соблюдения) вместо норм международного права неких «правил», не имеющих ни конкретных формулировок, ни своего перечня, то они фактически призывают к созданию новых, изменению или прекращению действия уже существующих международно-правовых норм. Когда же они заявляют о необходимости разработки новых базисных «правил» для глобального правопорядка, то они фактически призывают к отмене, изменению или замене норм Устава ООН или иных основополагающих международно-правовых

норм современного общего международного права. Все это не может быть расценено иначе как попытка отказа от общепризнанного принципа верховенства международного права в регулировании международных отношений.

7. Западным политологам уже долгое время свойственна известная фетишизация *rules-based order*, но в современном состоянии концепция основанного на правилах мирового (международного) порядка никого не должна вводить в заблуждение: в конечном счете она направлена на подрыв существующих фундаментальных основ регулирования международных (и прежде всего межгосударственных) общественных отношений.

Глава 3

ВИДЫ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРАВОПОРЯДКОВ И ИХ СООТНОШЕНИЕ С ПОНЯТИЕМ МИРОУСТРОЙСТВА

Выводы и суждения специалистов в их областях знаний практически не подвергаются сомнению, но они в значительной степени не исследованы теми, кто находится за пределами этих самых областей¹.

О. Шехтер

Мы уже говорили ранее, что глобальный правопорядок есть один из видов мирового порядка. Однако подобная формализация этого понятия произошла не сразу, и первоначально в качестве его определения в геополитическом лексиконе использовался термин «мировой порядок»² (точнее, «новый мировой порядок», в его сравнении с неким прежним мировым порядком, существовавшим до этого). Иногда авторство такого его определения ошибочно приписывается президенту США (1989–1993 годы) Джорджу Бушу-старшему³, но полагаем, что скорее пальму первенства в этом вопросе следует все-таки отдать другому президенту этого государства — Вудро Вильсону, который использовал фразу «новый мировой порядок» в нескольких выступлениях в период ближе к концу Первой мировой войны и по ее окончании, когда он рассуждал о своих устремлениях и видении будущего устройства мира⁴. Его пример оказался заразите-

¹ *Schachter O.* The Invisible College of International Lawyers // Northwestern University Law Review. 1977. Vol. 72. № 2. P. 221.

² В настоящее время это также встречается, но уже в качестве атавизма.

³ См., например: *Акимов Л. Н., Акимова Е. А.* Формирование нового мирового порядка в начале XXI в. и место России в нем // Вестник Нижегородского института управления. 2021. № 3 (61). С. 80.

⁴ См.: *Wilson W.* Address at the University of Minnesota Armory in Minneapolis. Sep. 9, 1919 // URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/address-the-university-minnesota-armory-minneapolis> (дата обращения: 24.07. 2023); *Wilson W.* Address to Congress on International Order. February 11, 1918 // URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/address-congress-international-order> (дата обращения: 24.07.2023).

лен, и на заключительном этапе (как и после) Второй мировой войны термин «новый мировой порядок» стал применяться в качестве обозначения глобального мирового порядка и Франклином Рузвельтом¹, и Гарри С. Трумэн². Наконец (в 60–70-е годы прошлого столетия), он вводится в широкий научный оборот Хедли Буллом³ и постепенно (в том числе ко времени президентства Джорджа Герберта Уокера Буша) становится привычным в политическом дискурсе терминологическим словосочетанием, обозначающим тот глобальный порядок, который установился в мире после 1945 года.

Но со временем потребовалась уточняющая детализация этого термина, и постепенно понятие «мировой порядок» трансформируется в некую обобщающую категорию, а для обозначения того или иного его типа стали применяться такие понятия, как «мировой общественный порядок», «международный общественный порядок», «мировой правопорядок», «международный правопорядок» и др. Причем для обозначения правопорядка, представляющего собой результат реализации фундаментальных норм *jus cogens* общего международного права соответствующего исторического периода, направленных на урегулирование наиболее важных международных межгосударственных отношений, самое широкое распространение получили термины «глобальный (мировой) порядок» и «глобальный (международный) правопорядок»⁴.

¹ См.: *Peters G., Woolley J. T.* Documents Archive Search // The American Presidency Project / Search Franklin D. Roosevelt speeches for «world order». URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.85567d70-63dfb76a-2ffb9a59-74722d776562/https/www.presidency.ucsb.edu/advanced-search?fi-eld-keywords=%22world+order%22&field-keywords2=&field-keywords3=&from%5Bdate%5D=&to%5Bdate%5D=&person2=200-288&items_per_page=25 (дата обращения: 24.07.2023).

² См.: *Peters G., Woolley J. T.* Documents Archive Search // The American Presidency Project / Search Harry S. Truman speeches for «world order». URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.85567d70-63dfb76a-2ffb9a59-74722d776562/https/www.presidency.ucsb.edu/advanced-search?fie-ld-keywords=%22world%20order%22&fi-eld-keywords2=&field-keywords3=&from%5Bdate%5D=&to-%5Bdate%5D=&person2=-200289&items_per_page=25 (дата обращения: 24.07.2023).

³ См.: *Bull H.* The Anarchical Society: a Study of Order in World Politics. London, 1977; *Bull H.* International Theory: The Case for a Classical Approach // World Politics. 1966. Vol. 18. № 3. P. 361–377.

⁴ См.: *Мизин В.* Новые контуры стратегической стабильности в глобальной многополярной конкуренции // Международные процессы. 2020. Т. 18. № 2 (61). С. 141–168; *Lyon P.* New states and international order // The basis of international order. London, 1973. P. 57–58; *Fischer-Lescano A., Teubner G.* Regime-Collisions: The Vain Search for Legal Unity in the Fragmentation of Global Law // Michigan Journal International. 2004. Vol. 25. P. 999–1046; *Krisch N.* The Case for Pluralism in Postnational Law // LSE Law, Society and Economy Working Papers. 2009. № 12. London School of Economics and Political Science Law Department. URL: https://eprints.lse.ac.uk/24561/1/WPS2009-12_Krisch.pdf (дата обращения: 24.07.2023 г.); и др.

Конечно же, международные и мировые порядки (правопорядки) начали возникать значительно раньше их теоретической формализации. Так, следует согласиться с Л. Е. Грининым в том, что даже к временам Вудро Вильсона «политический порядок на Западе насчитывал уже не одну сотню лет...»¹ Правда, и здесь не обошлось без перегибов. Дело в том, что если за основу появления международных (мировых) порядков брать установление политической гегемонии того или иного государства и/или перманентную борьбу за лидерство в каком-либо регионе мира на различных этапах истории человечества, то и процессы их возникновения, как это утверждают некоторые авторы, следует отодвинуть назад даже не на пятьсот, а на пять тысяч лет².

Думается, однако, что установление политической гегемонии в той или иной местности вряд ли можно определять как мировой или даже международный порядок, а уж о глобальном правопорядке вообще допустимо вести речь только с появлением общих норм международного права, поскольку именно они являются базовыми нормами такого правопорядка. Он просто не мог возникнуть в условиях существования исключительно локальных международно-правовых норм. Только к середине XVII века и только в одной части света — Европе — были наконец созданы условия для его появления. Среди факторов, способствовавших этому, совершенно справедливо называются прежде всего «христианские традиции и общие ценности средневекового европейского общества»³, а также факт образования к указанному времени «множества равноправных, суверенных государств (при отсутствии какого-либо одного явного гегемона), что настоятельно и потребовало урегулирования отношений между ними»⁴. Кроме того,

¹ Гринин Л. Е. Мировой порядок в прошлом, настоящем и будущем // История и современность. 2016. Вып. 1 (23). С. 22.

² См., например: *Frank A. G., Gills B. K.* The world system: five hundred years or five thousand? London & New York, 1993.

³ См.: *Мартенс Ф. Ф.* Современное международное право цивилизованных народов. Т. 1. СПб., 1898. С. 19, 27, 183; *Таубе М.* История зарождения современного международного права. Т. 1. СПб., 1894. С. 8; *Комаровский Л. А.* Основные вопросы науки международного права. М., 1892. С. 10, 58; *Оппенгейм Л.* Международное право. Т. 1. Полутом 1. М., 1948. С. 92–98; *Лист Ф.* Международное право в систематическом изложении. Юрьев, 1912. С. 19; *Brierly J.* The Law of Nations. An introduction to the International Law of Peace. Oxford, 1963; *Guggenheim P.* Traite de Droit international public. Avec mention de la pratique internationale et suisse. Vol. 1. Geneve, 1967. P. 2; *Lauterpacht H.* International Law. Vol. 1: The General Works. Cambridge, 1970. P. 122; и др.

⁴ А. Фердросс по этому поводу совершенно справедливо отмечал, что «не могло вообще быть международного права, если бы существовало лишь одно мировое государство. Поэтому ни внутри Римской империи, ни внутри государства Каролингов не появилось международное право. Оно могло развиваться только там, где сосуществовало несколько самостоятельных государств». См.: *Фердросс А.* Международное право. М., 1959. С. 25.

свою роль катализаторов соответствующих процессов сыграли и такие обстоятельства, как «влияние цивилистов и каноников»¹, «появление первых сборников морского права»², «возникновение союзов торговых городов»³, «закрепление обычая посылать и принимать посольства»⁴ и «обычая содержать постоянные армии»⁵, Возрождение и Реформация⁶, а также «проекты организации вечного мира»⁷.

Как результат, в ходе подготовки и принятия Вестфальского мира (1648 г.) возникает совокупность обычных и договорных норм общего международного права, достаточная для рождения международного права как правовой системы. Кроме того, эти нормы были положены в основу формирования первого международного правопорядка. Правда, вначале он существовал только в рамках Европы и на территории колоний европейских государств, но постепенно начинает распространяться по планете, утверждая в качестве базовых положений, новые принципы, на которых теперь должна была выстраиваться вся система правового регулирования международных межгосударственных отношений и прежде всего принцип суверенного равенства государств.

Каким же признакам и критериям должен отвечать глобальный правопорядок с точки зрения современной международно-правовой науки?

Прежде всего, такой правопорядок должен представлять собой результат реализации совместно разработанных, установленных и разделяемых государствами соответствующего исторического периода фундаментальных норм *jus cogens* общего международного права, направленных на регулирование наиболее важных международных межгосударственных общественных отношений⁸. Прокомментируем этот тезис.

Во-первых, глобальный правопорядок должен базироваться исключительно на нормах *jus cogens* общего международного права соответствующего исторического периода⁹, т. е. на принимаемых

¹ Фердросс А. Международное право. М., 1959. С. 25.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ См. подробнее: *Оппенгейм Л.* Международное право. М., 1948. С. 85–86, 92–94.

⁸ Именно такой подход в конечном счете позволяет на относительно длительный период обеспечить стабильность международной системы и даже (по возможности) избавление мира от риска войны.

⁹ А. П. Мовчан по этому поводу писал: «В каждую конкретную историческую эпоху правовой порядок в международных отношениях складывается на основе действующих в эту эпоху принципов и норм международного права и, следовательно, неизбежно отражает как юридическое содержание этих принципов и норм, так и социально-политическую сущность и направленность предписаний международного права данного исторического периода». См.: *Мовчан А. П.* Международный правопорядок. М., 1996. С. 13–14.

на основе господствующего в данном обществе правосознания общеобязательных и разделяемых всеми субъектами международного права «добровольно или вынужденно»¹ правилах поведения в международных межгосударственных отношениях. Но он представляет собой результат реализации не всех норм *jus cogens* соответствующего исторического периода, а только той их части, которая направлена на установление основ международно-правового урегулирования наиболее важных международных межгосударственных отношений².

Во-вторых, к основам международно-правового урегулирования наиболее важных международных межгосударственных отношений относятся те нормы *jus cogens*, которые определяют в рамках данного исторического периода следующее:

- каковы **основные принципы** международного права, т. е. руководящие начала, выступающие в виде юридически общеобязательных императивных норм высшей юридической силы этой правовой системы, закрепляющие фундаментальные правила общения субъектов международных межгосударственных отношений³;
- кто признается **субъектом** международных межгосударственных отношений (и как следствие — субъектом международного права, наделяемым способностью создавать, исполнять и обеспечивать международно-правовые нормы)⁴;
- каковы **источники** международного права в целом и общего международного права в частности⁵;

¹ Давыдов Ю. П. Норма против силы: Проблема мирорегулирования. М., 2002. С. 39–40.

² В эту совокупность норм *jus cogens* не входят те из них, что также признаются международным сообществом государств в целом в качестве норм, отклонение от требований которых недопустимо, но являющихся базисными положениями отдельных отраслей международного права.

³ Эти принципы отличается устойчивость и стабильность: они редко поддаются влиянию со стороны процессов глобализации, экономических и даже военных экспансий и других многочисленных факторов, способных оказать влияние на состояние глобального мирового правопорядка. Такие факторы иногда могут привести к коррекции содержания указанных принципов, их соотношения между собой, но, как правило, не приводят к прекращению их существования.

⁴ Дело в том, что на различных этапах исторического развития человечества в качестве таковых рассматривались и исключительно главы государств, и сами государства (когда главы государств лишь совершают от их лица те или иные международно значимые деяния). С XX века в качестве субъектов международного права стали рассматриваться еще и международные межправительственные организации, а также нации, борющиеся за национальное самоопределение и государственно-подобные образования.

⁵ При этом может быть уточнено, какие формы права, существующие на национальном уровне, либо вообще не применяются в международном праве, либо могут выступать в качестве вспомогательных средств для определения международно-правовых норм.

- каковы легитимные *способы разрешения международных споров*;
- каков международный *институционный механизм* поддержания и обеспечения установленного мира и глобального мирового правопорядка, а также организации соответствующего международного сообщества в единое целое¹.

В-третьих, указанные «фундаментальные основы соответствующего общего международного права должны быть закреплены в базовом для них международном договоре (или международных договорах, объединенных общим историческим предназначением) самого высокого иерархического уровня»². В дальнейшем при изменении исторических условий и с сохранением ряда оправдавших себя подходов к основам урегулирования международных межгосударственных отношений фундаментальные нормы *jus cogens* могут быть дополнены, изменены или заменены нормами другого международного договора высшей иерархической силы, принятие которого, в силу принципиальности вносимых изменений, может означать появление новых фундаментальных норм общего международного права, устанавливающих иные основы международно-правового урегулирования наиболее важных международных межгосударственных отношений и, как следствие, смены одного глобального правопорядка другим.

Между сменами основ общего международного права (и соответственно одного глобального правопорядка другим) каждый раз проходит довольно длительный временной период, в течение которого под влиянием различных факторов и глобальных процессов существующая мировая система (политическая, экономическая и т. д.) приспосабливается к часто меняющейся обстановке, трансформируется, эволюционирует и даже в определенной степени мутирует, но при этом глобальный правопорядок остается прежним, поскольку указанные изменения происходили в рамках одних и тех же основ общего международного права, которые были установлены нормами его базового международного договора.

До настоящего времени непосредственно перед заменой указанных фундаментальных основ (и сменами глобальных правопорядков) всегда лежал некий переходный период различной длительности, выступавший в виде масштабных войн, но полагаем, что этот признак не является обязательным.

В-четвертых, базовые нормы глобального правопорядка должны распространять свое действие (в отличие от базовых норм *междуна-*

¹ К ним следует отнести и нормы, определяющие структуру, компетенцию, порядок работы и принятия решений органами таких институционных структур. Подобные договоренности, как правило, получают свое внешнее выражение в виде норм универсальных международных договоров.

² *Нефедов Б. И.* Понятие мирового порядка: теории и реальность // Сравнительная политика. 2021. Т. 12. № 3. С. 24.

родного правопорядка) на территории, относящиеся ко всем населенным континентам мира, т. е. (иногда с некоторой долей условности) иметь мировой масштаб.

Виды глобальных правопорядков

Единого мнения о существовании видов глобальных правопорядков и их количестве в доктрине (как правовых, так и неправовых дисциплин), как нетрудно догадаться, также не сложилось. Палитра мнений по указанному вопросу крайне разнообразна: от заявлений о том, что «по-настоящему глобального „мирового порядка“ никогда не существовало»¹, и до попыток обоснования идеи об историческом существовании множества мировых правопорядков, которые сменяли друг друга после каждого сколько-нибудь значительного изменения соотношения сил на мировой арене или в результате иных глобальных (и даже региональных) политических (экономических, экологических, природных и др.) катаклизмов или перемен².

Довольно распространенным суждением является и представление о том, что глобальный правопорядок един: он берет свое начало со времен Вестфальского мира 1648 г., и, несмотря на имевшиеся в нем за прошедшие столетия некоторые изменения и модификации, тем не менее до настоящего времени остается все тем же Вестфальским миропорядком³, который, в целом сохранив свою первоначальную форму, просто плавно перетек через века в XXI век⁴. Дру-

¹ Киссинджер Г. Мировой порядок. М., 2015. С. 4.

² Например, Л. Е. Гринин считает, что «в каком-то сложившемся и достаточно устойчивом виде мировой порядок, который так или иначе признавался и поддерживался ведущими силами, обычно держался максимум три-четыре десятилетия, а то и меньше. Система, существовавшая до Великой французской революции (1789 г.), действовала менее 30 лет. Она возникла после Семилетней войны (т. е. после 1763 г.) и была уничтожена в 1790–1791 гг. Порядок, установившийся после Наполеоновских войн и Венского конгресса, был разрушен революциями 1848–1849 гг. и Крымской войной, т. е. просуществовал менее 35 лет. Следующая система мирового порядка начала формироваться после образования Германской империи (1871 г.). Но она окончательно сложилась только в начале 1890-х гг. и была разрушена Первой мировой войной, просуществовав менее 20 лет. Версальский мир (1919 г.) был грубо нарушен Германией уже в 1935 г.» и т. д. См.: Гринин Л. Е. Мировой порядок в прошлом, настоящем и будущем // История и современность. 2016. Вып. 1 (23). С. 32.

³ Веселов Ю. А. Возможности ревизии современного мирового порядка // Международные отношения. 2021. № 3. С. 23; Скриба А. С., Тихонов С. В. Поствестфальский мир и российско-европейские отношения: в поисках нового баланса сил // Актуальные проблемы Европы. 2017. № 1. С. 84; Торкунов А. Современные международные отношения. М., 1999. С. 23.

⁴ Председатель Конституционного Суда Российской Федерации В. Зорькин спрашивает: «Что такое Ялтинская система? Что такое ООН?» – и сам же отвечает: «Это не что иное, как модификация Вестфальской системы в новых условиях» (Зорькин В. Д. Апология Вестфальской системы // Россия в глобальной политике. 2004. № 3. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/apologiya-vestfalskoj-sistemy/?ysc-uid=lsg-05ce3qo930370192> (дата обращения: 25.07.2023)).

гое дело, что единства взглядов на количества таких модификаций среди сторонников этой позиции опять же не наблюдается. Например, С. В. Кортунов полагает, что таких модификаций было шесть и что они были связаны с Венским конгрессом 1815 года, Крымской войной 1854–1856 годов, Франко-прусской войной 1870–1871 годов, Первой мировой войной 1914–1918 годов, Второй мировой войной 1939–1945 годов и крушением биполярного мира в 1991 году.¹ В то же время А. С. Скриба и С. В. Тихонов называют такие модификации этапами и полагают, что исторически их было три: первый завершился Великой французской революцией и наполеоновскими войнами, второй — окончанием Первой мировой войны, а третий — прекращением Второй мировой войны². О. В. Григорьева и Н. О. Плюснин также полагают, что таких этапов было три, но по-иному определяют их границы: по их мнению, первый этап продолжался до середины XX века, и его условно следует разделить на два периода: «долгий XIX век» (1789–1914) и межвоенный период (1919–1939)». Второй этап, по их мнению, был связан с холодной войной и последующими за ней двумя десятилетиями (1945–2008), а переход к третьему этапу эволюции мирового порядка произошел после 2008 года. Причем как Первую, так и Вторую мировые войны они рассматривают в качестве триггеров, предопределяющих качественное изменение международных отношений и основ их урегулирования³.

Конечно, в принципе допустимо утверждать, что существовал и существует некий единый мировой правопорядок, однако полагаем, что такой подход все равно с неизбежностью требует постоянного уточнения хотя бы в силу того, что даже содержание одних и тех же понятий (суверенитет государства, основные принципы международного права, субъекты международного права и др.) со временем в значительной степени изменяется. Так, профессор А. П. Мовчан совершенно справедливо отмечал тот факт, что в исследованиях по истории международного права, при всех их различиях в градации временных этапов развития этой правовой системы или в терминологическом обозначении соответствующих исторических этапов (например, «исторических эпох» или «общественно-экономических формаций»), речь всегда вольно или невольно шла о том, что «каждому такому периоду или эпохе (рабовладельческих, феодальных

¹ Кортунов С. В. Крушение Вестфальской системы международных отношений и становление нового мирового порядка // Мировая политика. М.: Изд. дом ГУ–ВШЭ, 2007. С. 79–81.

² Скриба А. С., Тихонов С. В. Поствестфальский мир и российско-европейские отношения: в поисках нового баланса сил // Актуальные проблемы Европы. 2017. № 1. С. 84–87.

³ См.: Григорьева О. В., Плюснин Н. О. Детская болезнь «левизны» в глобализме // Международные процессы. 2019. Т. 17. № 3 (58). С. 125.

или буржуазных государств) соответствует и свой исторический тип международного права, а следовательно, и свой международный правовой порядок»¹.

И еще одно. Поскольку начиная с XVII века и основные принципы международного права (как и их содержание), и виды его субъектов (как и субъектов международных межгосударственных отношений), и виды источников его норм, и способы разрешения международных споров, и механизмы поддержания и обеспечения мира между государствами существенно (и даже коренным образом) менялись², то каждый раз при их совокупном кардинальном изменении следует говорить не о модификации единого мирового правопорядка, а о появлении новых глобальных правопорядков и их самостоятельном существовании.

В чем же причины столь разных подходов к видам глобальных правопорядков в той же политологии, с одной стороны, и в международном праве — с другой? По нашему мнению, сложившаяся ситуация обязана своему появлению нескольким причинам.

Начнем с того, что в экономике, социологии, политологии и других неправовых науках для обозначения действующего участника мировой политики (индивидуального или коллективного), который может влиять на процессы, происходящие в мире, и быть стороной международных отношений, используют термин «акторы»³, а сами международные отношения, как правило, рассматриваются в своем единстве и между собой на международные межгосударственные и не межгосударственные общественные отношения не подразделяются. Как результат — вопросы субъектного состава участников таких отношений здесь фактически не исследуются⁴. В международном праве никаких акторов нет. Здесь есть только субъекты международного права, обладающие полномочиями быть создателями, исполнителями и гарантами международно-правовых норм, способные участвовать как в международных межгосударственных, так и немежгосударственных отношениях, и субъекты национального

¹ Мовчан А. П. Международный правопорядок. М., 1996. С. 15.

² Следует согласиться с теми авторами, которые считают, что в этой области «у нас нет единой системы координат, которая была бы общей для всех 360 лет современного мира». См.: *Фельдман Д., Барабанов О.* Если Вестфаль и болен, то этот больной скорее жив, чем мертв... // *Международные процессы.* 2007. Т. 5. № 3. С. 106.

³ Поэтому проблематика правосубъектности, как правило, вообще не рассматривается.

⁴ Обычно в той же политологии обо всем этом вспоминают только в том случае, когда прямо или косвенно формулируют возражения против какого-либо деления международных отношений на межгосударственные и немежгосударственные, а также против какого-либо особого выделения государств из всех остальных акторов межгосударственных отношений.

права, которые не являются ни субъектами международного права, т. е. не могут создавать и обеспечивать международно-правовые нормы, ни участниками международных межгосударственных отношений.

Именно поэтому в международном праве регулируемые отношения постоянно и строго дифференцируются на две указанные категории, а вопросы *правосубъектности* приобретают особое значение¹.

Поскольку международные общественные отношения рассматриваются в рамках неправовых наук в качестве единого предмета регулирования нормами как правового, так и неправового характера (причем как на национальном, так и на международном уровнях), то и особенности источников таких норм в них обычно какого-либо принципиального значения не имеют. В международном праве, наоборот, четко разграничивается международно-правовое и неправовое регулирование международных отношений². Поэтому тут с неизбежностью возникает проблема внятного и недвусмысленного определения источников международно-правовых норм, установления иерархии и таких источников, и тех норм, которые в них содержатся³.

Отметим, что отсутствие в неправовых дисциплинах должного внимания к вопросу об источниках норм *jus cogens* общего международного права в рамках отдельных исследований может повлечь за собой ряд негативных последствий, вплоть до ошибочных выводов и неверного истолкования исторических событий и их значения. Так, долгое время считалось общепризнанным, что Вестфальский мир был отправной точкой формирования современной системы международных отношений, основанной на принципах суверенного равенства государств, общего согласия на невмешательство в дела, по существу, входящие во внутреннюю компетенцию государств⁴, и др. Но затем целым рядом авторов (прежде всего, политологов) было обращено внимание на то обстоятельство, что непосредственно в тексте неразрывно связанных друг с другом двух мирных соглашений Вестфаль-

¹ Неслучайно вопросы международной правосубъектности разрешаются базовыми нормами общего международного права каждого глобального правопорядка.

² На то оно и международное право.

³ В настоящее время в качестве основных источников международно-правовых норм признаются международный договор и международный правовой обычай. Причем последний долгое время рассматривался в качестве единственного источника норм общего международного права, а потом (вплоть до середины прошлого века) занимал господствующее положение среди источников таких норм. В статье 38 Статута Международного суда ООН в качестве применяемых судом норм указываются еще и «общие принципы права, признанные цивилизованными нациями», но, по нашему мнению, они отдельной формы права (до окончания их кодификации) не составляют // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XII. М., 1956. С. 47–63.

⁴ См., например: *Morgenthau H.J. Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace*. New York, 1948.

ского мира на самом деле ничего не говорится о создании некоей новой системы международных отношений. В них также отсутствует какое-либо упоминание о принципах права и не используется даже сам термин «суверенитет». Это привело указанных исследователей к выводу о том, что Вестфальский мирный договор на самом деле не имеет того значения, которое ему приписывается¹, и к этой точке зрения стало склоняться все больше ее сторонников. На самом деле приверженцы этой концепции просто не учли в своих рассуждениях то обстоятельство, что принятые на Вестфальском (первом в истории общеевропейском) конгрессе протокольные порядки и реализация в ходе его работы ряда требований участвующих в переговорах представителей государств свидетельствовали о том, что довольно быстрого (в силу уникальности Вестфальского конгресса и условий его проведения) на нем происходило формирование ряда международно-правовых *обычаев*, которые, как уже отмечалось, являются одним из основных источников международного права даже в настоящее время, не говоря уже о средневековой эпохе.

В неюридических дисциплинах в рамках исследования мирового порядка (глобального правопорядка), как правило, все внимание обращено только на одну из его составляющих — на закрепление основ существующей (или создаваемой) мировой политической системы и/или на отдельные принципы урегулирования международных отношений. Обычно в них вообще не исследуются (или рассматриваются только в виде своеобразного исторического фона) не только уже упоминавшиеся вопросы определения основных принципов международного права соответствующего исторического периода, видов источников его норм или вопросы соответствующей правосубъектности, но и такие принципиальные для глобальных правопорядков составляющие, как средства и способы разрешения межгосударственных споров и институционные формы обеспечения межгосударственной безопасности. И их можно понять: они исследуют непосредственно международные отношения и историю их развития, для них интерес представляют в первую очередь состояние и изменения мировой (прежде всего политической) системы, а не содержание правовых понятий. Для них все остальные указанные нюансы несущественны, поскольку они являются предметом изучения другой — международно-правовой — науки. К сожалению,

¹ *Osiander A.* Sovereignty, International Relations, and the Westphalian Myth // International Organization. 2001. Vol. 55. Issue 2. P. 251–287; *Курпьянов А. В.* «Вестфальский миф»: история и критика // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2019. № 3. С. 37–50; *Тейке Б.* Миф о 1648 годе: класс, геополитика и создание современных международных отношений. М., 2011; *Фархутдинов И. З.* Доктрина о вестфальской мирной системе: мифы и реалии // Евразийский юридический журнал. 2019. № 6 (133). С. 21–31.

такой подход может привести к ситуации, сложившейся в известной притче о слоне и семи ученых с завязанными глазами, которые его ощупывали: казалось бы, объективные выводы каждого из них в отношении одного и того же предмета изучения (этого самого слона) должны были бы совпадать, но они просто не могли быть приняты остальными участниками этого эксперимента. Вывод здесь не нов: чтобы результаты исследований приблизились к истине, лучше всего их проводить представителям разных научных направлений совместно или по крайней мере знать и принимать во внимание устоявшиеся аксиомы смежных наук. Неслучайно в последние десятилетия основные открытия в науке были сделаны именно на стыке научных дисциплин.

Но вернемся к нашему вопросу. Наиболее распространенной в теории международного права является справедливая на наш взгляд точка зрения, согласно которой в истории и международных отношений, и международного права следует выделять не один и не множество, а несколько глобальных правопорядков. Каждый из них действительно заимствовал из предыдущего правопорядка отдельные оправдавшие себя базовые нормы общего международного права, но при этом в остальном базировался уже на принципиально новых таких нормах, за счет чего происходило построение совершенно иной конструкции системы регулирования межгосударственных отношений, кардинально отличающейся по своим принципиально важным характеристикам от предыдущих таких систем.

Вот только по конкретному количеству этих самых «нескольких» видов глобальных правопорядков единства взглядов в доктрине (опять же) не наблюдается. Так, А. Поцелуева полагает, что истории известно пять видов («основных моделей») таких правопорядков: Вестфальский (1648–1815), Венский (1815–1871), Версальский (1918–1939), Ялтинско-Потсдамский (1945–1991) и Постбиполярный (1991–2000)¹. В то же время Л. Х. Миллер утверждает, что со времени заключения Вестфальского мира 1648 года и до Первой мировой войны в мире существовал только один мировой порядок — Вестфальский (т. е. Венского или какого-либо другого глобального мирового правопорядка в этот период не существовало)². А вот Э. Я. Баталов, например, полагает, что с 1991 года и «до настоящего момента» продолжает существовать Постсоветский миро-

¹ Поцелуева А. Вестфальская система международных отношений: описание, история и интересные факты. URL: <https://www.syl.ru/article/356635/vestfalskaya-sistema-mejdunarodnyih-otnosheniy-opisanie-istoriya-i-interesnyie-faktyi?ysclid=lsg4-me4rg3365461430> (дата обращения: 24.07.2023).

² Miller L. H. *Global Order. Values and Power in International Politics*. Boulder; San Francisco; Oxford, 1994. P. 27–29.

порядок¹. Вместе с тем Ю. А. Веселов после Ялтинско-Потсдамского глобального мирового правопорядка добавляет не один его вид, а два (вместо Постбиполярного или Постсоветского — Вашингтоно-Варшавский и Беловежско-Вашингтонский правопорядки²). При этом Н. М. Сирота, Г. А. Мохоров и Р. А. Хомелева считают, что глобальных правопорядков всего было только три, и не включают в их число Вестфальский (поскольку полагают, что он имел только региональное распространение) и Постбиполярный правопорядки³. Добавим к этому сложности, связанные с разным пониманием авторами сущности декларируемых правопорядков, что также отражается на их наименовании⁴.

Тем не менее в настоящее время большинство ученых придерживается мнения, что истории международных отношений (и международного права) известно четыре вида глобальных правопорядков: Вестфальский (1648—1815), Венский (1815—1919), Версальско-Вашингтонский (1919—1945) и Ялтинско-Потсдамский, который также именуется глобальным правопорядком эпохи Устава Организации Объединенных Наций (с 1945 года по настоящее время)⁵. Эти правопорядки хотя и неизменно придерживались главных составляющих принципа суверенного равенства государств, заложенного еще в рамках Вестфальского международного правопорядка, но в значительной степени отличались по своим основам правового регулирования межгосударственных отношений и содержанию фундаментальных норм общего международного права между собой.

Кратко остановимся на характеристике каждого из этих правопорядков.

¹ Баталов Э. Я. Мировое развитие и мировой порядок: анализ современной американской концепции. М., 2005.

² Веселов Ю. А. Возможности ревизии современного мирового порядка // Международные отношения. 2021. № 3. С. 17.

³ Сирота Н. М., Мохоров Г. А., Хомелева Р. А. Категория «мировой порядок»: опыт теоретического осмысления // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2022. № 1 (35). С. 69.

⁴ В частности, ряд авторов полагает, что Ялтинско-Потсдамский миропорядок представляет собой «механизм взаимодействия противостоящих блоков государств периода холодной войны» (см., например: Сирота Н. М., Мохоров Г. А., Хомелева Р. А. Категория «мировой порядок»: опыт теоретического осмысления // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2022. № 1. С. 69). На самом деле ни на Ялтинской, ни на Потсдамской конференциях, ни о какой холодной войне речи не было, а в Уставе ООН, закрепившем фундаментальные нормы нового глобального мирового порядка, ничего не говорилось о механизме взаимодействия противостоящих блоков за отсутствием таковых на момент его принятия.

⁵ См.: Никитин А. И. Современный миропорядок: его кризис и перспективы // Полис. Политические исследования. 2018. № 6. С. 33; Шахалилов Ш. Ш. Мировой порядок: проблемы трансформации // Международная жизнь. 2016. № 9. С. 111—112; и др.

Вестфальский глобальный правопорядок (1648–1815 гг.)

Его появление связывают с Вестфальским мирным конгрессом (1644–1648) и заключением Вестфальского мирного договора 1648 года¹, которым, как известно, завершилась первая общеевропейская (Тридцатилетняя) война 1618–1648 годов. До этого никакого глобального правопорядка появиться просто не могло, поскольку, несмотря на то что центры экономической и политической силы существовали всегда и во всех регионах Земли, «никакого единого мира не существовало и в помине — не только в античное время, но и значительно позже. Хотя бы в какой-то мере единый мир создала только западнохристианская цивилизация»².

Конечно, строго говоря, Вестфальский правопорядок трудно назвать глобальным, несмотря на то что он с течением времени распространился «в качестве „каркаса“ межгосударственного и международного порядка»³ на территории, расположенные на нескольких континентах⁴. В отношении него все-таки лучше подходит термин «международный» правопорядок, но мы все-таки относим его, пусть и с большой долей условности, к глобальным правопорядкам, поскольку именно его базовые нормы совершили прорыв, дав в виде принципа суверенного равенства государств основной вектор направленности (и многие другие ценностные ориентиры) международно-правовому фундаменту будущих глобальных правопорядков⁵.

Прежде всего, отметим, что Вестфальский дипломатический конгресс был первым в истории человечества съездом представителей

¹ Мы уже говорили, что Вестфальский мирный договор на самом деле обозначал в своем единстве два мирных соглашения — Мюнстерское (между императором Священной Римской империи и Францией с их союзниками) и Оснабрюкское (между императором Священной Римской империи и его союзниками, с одной стороны, и Швецией с союзниками — с другой), подписанных, соответственно, 15 мая и 24 октября 1648 года.

² Буровский А. М. Мир двухполярный, однополярный, многополярный и беспоплярный // Вестник Московского университета. Сер. 27. Глобалистика и геополитика. 2022. № 1. С. 39.

³ Лебедева М. М. Новый мировой порядок: параметры и возможные контуры // Полис. Политические исследования. 2020. № 4. С. 27.

⁴ Кроме того, этот период истории характеризовался агрессивной экспансией европейской цивилизации в другие регионы земного шара, основанной на убежденности в существовании именно европоцентристской модели мира, и это в дальнейшем привело к распространению основ теории и практики европейского регулирования международных отношений на американском континенте, в Африке и Азии.

⁵ Именно поэтому само рассмотрение вопроса о видах глобальных правопорядков без их переходной разновидности (а Вестфальский правопорядок мы рассматриваем именно в этом качестве) полагаем неправильным.

государств, носившим единый для целой части света (общеевропейский) характер: в его работе приняло участие абсолютное большинство государств и государственно-подобных образований Европы (около 50). Не участвовали в нем только четыре европейских государства: Англия, в которой шла гражданская война, Россия, Османская империя и Португалия. Правда, Португалия неформально все-таки участвовала в работе конгресса, поскольку имела на тот момент личную унию с Испанией, Англия в дальнейшем без возражений приняла все условия Вестфальского мира, а Россия в самом договоре даже была определена одним из его гарантов и не высказала официальных возражений против этого. Что касается Османской империи, то она отнеслась к этому миру достаточно индифферентно, видимо, полагая, что он ее не касается¹, но, как бы то ни было, ни до, ни после заключения Вестфальского мира никаких протестов по поводу его содержания от нее также не поступило.

Столь представительный характер этого конгресса, длительность его проведения, содержание подписанных в его финальной части договоров и обязательность их положений для всех участников позволяют говорить об осознании государствами Европы себя как единого (общеевропейского) международного сообщества и об общеобязательности для всех субъектов соответствующих международных (межгосударственных) отношений правил поведения (включая протокольные), *согласованных этим сообществом*. В результате, как уже отмечалось ранее, в ходе работы Вестфальского конгресса в относительно короткие сроки были созданы не только договорные, но и обычные нормы общего международного права. Причем для формирования и признания существования таких обычно-правовых норм уже не потребовались столетия. Они формировались тут же и, в силу их декларированного или молчаливого признания всеми участниками конгресса (или его абсолютным большинством), здесь же получали статус общепризнанных международно-правовых обычаев. Такие нормы были разными по своему значению и содержанию, но именно с практикой проведения Вестфальского конгресса связано, например, закрепление в международном праве в качестве международно-правовой обычной нормы общего (для христианского мира) международного права одного из его фундаментальных принципов — *суверенного равенства государств*². Тем более что и теоретическая база для этого на тот момент в доктрине уже существовала.

¹ Впрочем, так же посчитали и европейские государства.

² В международном праве речь идет не о равенстве государств (достичь которого невозможно в силу объективно существующей разницы между ними, прежде всего в военной и экономической мощи), а об их суверенном равенстве.

А ведь геополитический расклад (на тот момент, и в будущем) мог оказаться и иным. Например, в Восточной Азии на протяжении многих веков процветала одна из самых развитых, больших и богатейших цивилизаций — средневековое китайское Срединное царство¹. В отличие от Европы, где при отсутствии явного гегемона соседствовало множество государств, оно превосходило остальные (не настолько многочисленные) государства и государственно-подобные образования этого региона по всем основным параметрам: было бесспорным лидером и в военном, и в экономическом, и в научном, и в технологическом (изобретением бумаги, книгопечатания, фарфора, пороха и изготовлением тканей из шелка т. д.), и, что не менее важно, в культурном отношении².

С середины XIV века в течение трех веков в Китае правила династия Мин, которая неизменно следовала традиционным представлениям китайцев об императорской власти, сложившихся еще в древности. Так, император Китая считал себя повелителем всех людей, где бы они ни проживали. Поэтому, например, любое посольство воспринималось китайцами не иначе как выражение покорности императору со стороны соответствующего народа, члены посольств — как слуги императора, а посольские дары — как дань. Свою роль в этом сыграло и общепринятое в Китае учение Конфуция (жившего в VI—V веках до н. э.), согласно которому основным правилом жизни было уважение (и подчинение) старшим: сына — родителям, младшего брата — старшему, жены — мужу, работника — начальнику и т. д. Эти правила переносились и на международные отношения, поэтому император Китая, например, жаловал своим «данникам» те или иные титулы, подчеркивая тем самым свое верховенство, что часто не могло восприниматься другой стороной иначе как оскорбление.

Иными словами, здесь изначально исключалась даже сама возможность установления суверенного равенства между государствами, отсутствовали условия для формирования представлений о дипломатии и внешней политике как формах взаимодействия субъектов международных межгосударственных отношений. И главное для нас — здесь просто не могли появиться нормы общего международного права, в основе которых лежит согласование воли независимых государств. «Неудивительно, что европейскую систему позднее ока-

¹ Китайцы считали, что их родина находится в самом центре мира.

² Конечно, в Китае были и периоды ослабления и даже захвата значительной части территории страны иноземными завоевателями, но в дальнейшем не захватчики устанавливали в нем свои порядки, а китайцы ассимилировали их, причем настолько, что завоеватели перенимали китайский язык, обычаи, одежду и даже имена. И Китай неизменно на протяжении тысячелетий существовал как устойчивое государственное образование.

залось возможным частично перенести на общемировой уровень, а китайскую нет»¹.

Именно с Вестфальским конгрессом связано и появление *новых источников норм общего международного права*. Дело в том, что Вестфальский мир стал первым в истории человечества международным договором, закрепляющим не локальные международно-правовые нормы, а императивные нормы общего для Европы и всего христианского мира (т. е. для значительной части существующих на тот момент государств) международного права. В результате в этом вопросе был совершен значительный прорыв: стало понятно, что нормы общего международного права могут возникать не только в ходе формирования международно-правового обычая, но и в порядке закрепления таких норм в международных договорах «универсального» характера. Неслучайно именно Версальский мир принято рассматривать как веху, исток, из которого берет свое начало международное право *как правовая система*².

В силу своего значения и столь представительного характера договоры Версальского мира не могли не восприниматься современниками (да и их потомками) иначе как договоры высшей юридической силы, т. е. *самого высокого иерархического уровня*.

Вестфальский конгресс и Вестфальский мир ознаменовали и начало коренных изменений в представлениях о *международной правосубъектности*. Их влияние на осознание значительной частью человечества самой возможности признания в качестве субъектов международных межгосударственных отношений (а в дальнейшем и субъектов международного права) не монархов (физических лиц, «владеющих» государствами), а *самих государств* представляется бесспорным.

Хотя Вестфальский мир не запрещал войну как законное и справедливое (!) средство *разрешения международных споров*, он не обошел и этот вопрос, установив обязательный предварительный трехлетний период для мирного разрешения возникающих разногласий путем

¹ Гринин Л. Е. Мировой порядок в прошлом, настоящем и будущем // История и современность. 2016. Вып. № 1 (23). С. 26. В определенном смысле все это относится и к Индии, у которой цивилизационный полюс с Китаем был изначально в общем-то один, но вот развитие цивилизации в этих регионах происходило изолированно, а потому в дальнейшем пошло в них собственным путем. См.: Буровский А. М. Арийцы. М., 2013. Подобные исходные начала были и у еще одной («универсальной») концепции мирового порядка, которую «предложил ислам — с мечтой о единоличном, санкционированном Богом правлении, объединяющем и примиряющем мир». См.: Киссинджер Г. Мировой порядок. М., 2015. С. 5.

² Отдельные международно-правовые нормы существовали и ранее, но возникновение международного права именно как правовой системы было невозможно без его основы в виде общего международного права.

заклучения мирового соглашения или судебного разбирательства¹ (хотя это условие так и не было выполнено на практике).

Вот международный *институционный механизм* поддержания и обеспечения установленного Версальским миром международного правопорядка создан не был, но его прообраз в виде отдельных мер, направленных на выполнение государствами принятых на себя по его договорам обязательств, тем не менее был предусмотрен. Так, впервые в европейской истории с согласия практически всех государств этого региона наиболее авторитетным в военном, экономическом и политическом смыслах государствам (Франции, Швеции, а также Российскому царству) были предоставлены особые полномочия как гарантам этого мира, обеспечивающим равновесие сил².

Подробнее по Вестфальскому миру и его значению см. в Приложении.

Венский глобальный правопорядок (1815–1919 годы)

Венский правопорядок не сразу стал глобальным: первоначально он фактически охватывал лишь европейское пространство, Северную Америку и те территории земного шара, за которые государства Европы в то время либо вели колониальные войны, либо уже управляли ими как колониями. Но постепенно он интегрировал в сферу своего действия такие крупные азиатские государства, как Китай, Японию и Сиам, а также многочисленные новые государства в Латинской Америке. Наконец, именно в этот период Великобритания поэтапно (1828, 1836, 1851, 1859 годы) объявляет своим весь Австралийский континент, а с 1828 года устанавливает прямое управление вице-королевством Индия и т. д. В результате следует признать, что Венский правопорядок распространяется на все населенные континенты земного шара, т. е. становится именно глобальным.

Базовые нормы этого правопорядка были закреплены в целом ряде тесно связанных между собой международно-правовых актов, подписанных по окончании наполеоновских войн. К ним относятся и Мирные договоры 1814 года, объединяемые общим понятием Первого Парижского мирного договора 1814 года³, и Мирные договоры 1815 года, консолидируемые общим понятием Второго Парижского

¹ См.: ст. CXXIV Мюнстерского соглашения, заключенного 24 октября 1648 г // URL: https://avalon.law.yale.edu/17th_century/westphal.asp (дата обращения: 25.07.2023).

² Теория баланса сил в международных отношениях предполагает, что государства могут обеспечить свое существование, не позволяя какому-то одному из них или небольшой их группе получить такое военное могущество, что его будет достаточно, чтобы доминировать над всеми остальными.

³ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Рос. Министерства иностранных дел. Сер. I. М.: Политиздат, 1972. Т. 8. С. 600–609.

мирного договора 1815 года¹, и Трактат Братского Христианского Союза (первоначально подписанный 14/26 сентября 1815 года Россией, Австрией и Пруссией², к которому впоследствии присоединились почти все монархические государства Европы (за исключением Турции, Великобритании³ и Церковной области, находящейся под управлением Папы Римского), а также международно-правовые документы, принятые на Ахенском (1818), Троппаупском (1820), Лайбахском (1821) и Веронском (1822) конгрессах. Но пальму первенства среди них следует, конечно же, отдать международно-правовым актам Венского конгресса и прежде всего его Заключительному акту от 9 июня 1815 года⁴, по которому этот правопорядок и получил свое наименование⁵.

Венский конгресс, проходивший в столице Австро-Венгрии в сентябре 1814 — июне 1815 года, явился крупнейшим политическим событием во всемирной истории человечества XIX века (подобно Вестфальскому конгрессу для XVII века). На него (второй раз в истории) вновь удалось собрать представителей практически всех государств Европы⁶. В его работе приняли участие два императора (русский и австрийский), четыре короля, два наследных принца и три великие герцогини. Кроме того, для участия в конгрессе в Вену прибыли порядка 450 дипломатов и официальных представителей от 126 европейских государств⁷ и немногим менее сотни княжеских домов⁸ (в том числе королевских и княжеских семей, которые во время наполеоновских войн лишились своих владений и теперь желали либо вернуть их, либо получить

¹ *Мартенс Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. 14. СПб., 1905. С. 238–260, 290–302.

² Трактат Братского Христианского Союза от 14/26 сентября 1815 г // Полное собрание законов Российской Империи-1. Т. XXXIII. № 25943. URL: https://nlr.ru/eres/law_r/search.php?part=156-®im=3 (дата обращения: 25.07.2023).

³ Великобритания сослалась на то, что по английской конституции король не имеет права подписывать договоры с другими державами.

⁴ Заключительный Акт Венского Конгресса 1815 г // *Мартенс Ф. Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1876. Т. 3. С. 220–330. Был подписан за девять дней до окончательного поражения Наполеона при Ватерлоо 18 июня 1815 года.

⁵ Достаточно напомнить, что именно Заключительный акт Венского конгресса дал миру второй пример договорного закрепления норм общего международного права.

⁶ Кроме Османской империи, которой приглашение на конгресс даже не было направлено.

⁷ Правда, небольшие государства имели право голоса лишь в тех вопросах, которые затрагивали их интересы.

⁸ *King D.* Vienna, 1814: how the conquerors of Napoleon made love, war, and peace at the Congress of Vienna. New York, 2008. P. 334.

компенсацию)¹. Поэтому и акты, принятые на этом конгрессе, и прежде всего его Заключительный акт (так же, как и принятые в свое время договоры Вестфальского мира) были *иерархически значительно выше* всех других существовавших в то время международных соглашений и общепризнанно содержали в себе нормы общего международного права данного исторического периода². Вот как писал по этому поводу Альбер Солер: «Заключительный акт 9 июня 1815 года является самым обширным трактатом, который когда-либо был подписан. Это первая попытка дать Европе хартию, по крайней мере территориальную, определить размеры владения каждого государства и путем коллективного договора положить начало прочному миру, основанному на торжественном его признании, на гарантии, данной ему подписью восьми главных европейских государств, на невозможности расторгнуть этот договор, не рискуя оказаться вне закона, и, наоборот, на возможности внести в него изменения с согласия санкционировавших его сторон»³.

Положения Заключительного акта Венского конгресса (как и Вестфальский мир) в основном касались территориальных изменений⁴, а также целого ряда других проблем, имеющих важное значение, но только для тех или иных *отраслей* международного права: политическое устройство Германии, постоянный нейтралитет Швейцарии, судоходство на таких международных реках, как Рейн, Маас, Мозель, прекращение торговли чернокожими рабами, установление дипломатических рангов и типов консульских учреждений и т. д. Но для нас важно, что в нем, как и в других указанных выше

¹ Кроме того, в Вену съехались и многочисленные представители городов, корпораций, религиозных организаций и др., которые также старались в той или иной степени воспользоваться столь представительным собранием влиятельных имущих, чтобы решить собственные проблемы. См. подробнее: *Zamoyski A. Rites of Peace; the Fall of Napoleon and the Congress of Vienna. New York, 2007. P. 258, 295.* Кстати, балов в это время в Вене было дано столько, что Венский конгресс прозвали «танцующим».

² См., например: *Хазин А. Л., Богданов С. В. Венский конгресс 1814–1815 годов и его участники: коммуникативные инструменты, ошибки, достижения // Государственное управление. 2013. № 40. С. 237–271; Орлов А. А. «Астреин век». Великобритания, Россия и проблема нового мирового порядка в европейской политике первой половины XIX века (1815–1854 гг.): монография. М., 2019. С. 5–6.*

³ Цитируется по: *Европейская дипломатия и международные процессы эпохи наполеоновских войн / под ред. А. В. Торкунова, М. М. Наринского. М., 2012. С. 240.*

⁴ Любопытно, что все эти изменения согласовывались со Статистической комиссией, состоявшей из географов, демографов и экономистов и в задачи которой входил расчет ценности земли, определение ее размеров, количества и состава проживающего на ней населения, величины возможного получения с нее дохода и др. Это помогло сбалансированно установить новые границы в Европе, т. е. учесть и интересы заинтересованных сторон, и вопросы сохранения баланса сил европейских держав.

международно-правовых актах, речь также шла и об установлении новых фундаментальных базовых основ общего международного права, ставших базой возникновения нового глобального мирового правопорядка.

Что же нам позволяет это утверждать?

Прежде всего, отметим тот факт, что при сохранении от предыдущего (Вестфальского) международного правопорядка *принципа суверенного равенства государств*¹, в общем международном праве этого периода появились следующие *новые* основные принципы международно-правовой системы:

- Имперский *принцип контроля географического пространства*, который, в частности, лег в основу формирования колониальных империй.
- *Принцип признания особого статуса великих держав*. Этот принцип получил внешнее выражение в результате появления неформального соглашения между пятью наиболее мощными европейскими государствами, названного в дальнейшем «Concert of Europe»², т. е. «Европейским концертом». Уточним, что первоначально в него вошли Великобритания, Россия, Австрия и Пруссия³, а немного позднее (в 1818 году) к ним присоединилась Франция. В 30-х годах XIX века эти государства (фактически присвоившие себе право решать участь Европы и не только) общепризнанно получили неофициальный статус «великих держав»⁴.

Подобно современной группе G7 «Европейский концерт» не являлся международной организацией, но стал своеобразным форумом, официальной, высокоавторитетной и, надо признать, долгое время достаточно эффективной площадкой для обсуждения возникающих проблем (особенно в области безопасности), в также координации совместных усилий для их разрешения.

Основной целью формирования «Европейского концерта» было предотвращение конфликтов, прежде всего в Европе, и особенно самой возможности повторения общеевропейских (подобных наполеоновским) войн, стремление осуществлять совместный контроль указанных пяти государств над балансом сил в этой части света.

¹ В материалах Венского конгресса он именовался принципом независимости народов.

² Символично, что термин concert переводится с английского не только как «концерт», но и как «согласие», «согласованность» в действиях.

³ С 1871 года преемницей Пруссии стала Германская империя.

⁴ По крайней мере, в научный оборот термин «великая держава» (который до сих пор широко применим, пусть и неофициально) был введен применительно к указанным государствам немецким историком Леопольдом фон Ранке в 1833 году. См.: *Ranke L. von. Die großen Mächte. Politisches Gespräch (mit einem Nachwort von Theodor Schieder)*. Göttingen, 1963. 70 p.

Поэтому, например, односторонние территориальные изменения, осуществляемые без согласия или консультации с этими державами, рассматривались ими как недопустимые.

Само появление «Европейского концерта» стало результатом совместной работы составивших его пяти государств на Венском конгрессе (а также над созданием Священного союза), хотя основы этого объединения начали закладываться еще раньше. Так, в первой (из шести) секретных статей Первого Парижского мирного договора 1814 года, в частности, уже было прямо закреплено, что «отношения, из которых должна быть выведена система реального и постоянного баланса сил в Европе, будут регулироваться... на принципах, определенных союзными державами между собой...»¹

Указанный выше принцип признания особого статуса великих держав коррелировал с другим новым принципом — *поддержания баланса сил (политического равновесия в Европе)*, прежде всего между участниками самого «Европейского концерта». Дело в том, что эти государства вместе с соответствующими правами получили и дополнительные обязанности: признанная гегемония этих держав достаточно эффективно ограничивалась требованием обязательного согласования их воли при принятии кардинальных решений по важнейшим вопросам международной жизни². Это обстоятельство ограничивало свободу их действий и делало невозможным усиление какой-либо одной державы в ущерб другим³. Иными словами, в результате появления этой неформальной структуры фактически была создана первая европейская **система коллективной безопасности**⁴.

В каких же формах происходило указанное согласование воли этих «великих держав»? Кроме обычных дипломатических каналов⁵, это

¹ *Hertslet E.* The Map of Europe by Treaty: Political and Territorial Changes Since the General Peace of 1814. Vol. 1. London, 1875. P. 18.

² См. подробнее: История международных отношений: в 3 т. / под ред. А. В. Торкунова, М. М. Наринского. 3-е изд. Т. 1: От Вестфальского мира до окончания Первой мировой войны / А. В. Ревякин, Н. Ю. Васильева. М., 2018. С. 193–195.

³ Неслучайно период существования Глобального Венского правопорядка часто называют эпохой «Европейского концерта».

⁴ Поэтому Х. Духхардт совершенно справедливо отмечает, что «вместо погони за славой, права сильного и династически обусловленных войн желательными становились соблюдение международных договоров и международного права, вместо доктрины равновесия сил, которая могла использоваться для прикрытия корыстных целей, появляется идея „концерта держав“, или „системы безопасности“». *Duchhardt H.* Der wiener kongress. Die neugestaltung europas 1814/1815. München, 2013. P. 26.

⁵ Так, для выработки согласованной позиции великих держав по поводу каких-либо односторонних территориальных изменений в Европе эти государства вели переговоры между собой, которые в необходимых случаях даже могли повлечь принятие решения о применении ими силы (хотя обычно хватало самого факта их отрицательного отношения к тому или иному нарушению статуса-кво).

были международные конгрессы¹ (в них принимали участие министры иностранных дел государств — членов «Европейского концерта» и заинтересованных стран), а также получившие с последней четверти XIX века большое распространение международные конференции, среди которых особо отметим Брюссельскую 1874 года, Берлинскую 1884—1885 годов и Гаагские конференции 1893 и 1894 годов².

Все это означало появление новых форм *поддержания и обеспечения глобального мирового правопорядка*³.

Одним из основных принципов этого периода становится и *принцип легитимизма* в международных отношениях, который способствовал «созданию устойчивого международного правопорядка, основанного на четко сформулированных правилах и принципах взаимоотношений между государствами»⁴. Основная идея этого принципа заключалась в непризнании любых перемен, внесенных в государственный и общественный строй внутренними или внешними силами против воли «законного» правителя. В соответствующих случаях этот принцип давал право (в том числе другим государствам) восстановить нарушенный прежний порядок, например, вернуть владения, отнятые у законного государя⁵. На практике он прежде всего означал законность восстановления в правах династий, свергнутых Французской революцией и Наполеоном, а также (хотя бы частичное) восстановление прежних позиций дворянства и феодальных порядков.

Следует признать, что принцип легитимизма не был формализован непосредственно Венским конгрессом, но именно он послу-

¹ Кроме ранее уже названных, важное значение имели также Парижский (1856) и Берлинский (1878) конгрессы.

² См. подробнее: *Третьякова Е. С.* Основные конгрессы и конференции XIX века и их роль в развитии международного права // Вестник академии права и управления. 2016. № 1 (42). С. 41—47.

³ См. подробнее: История международных отношений: в 3 т. 3-е изд. Т. 1. От Вестфальского мира до окончания Первой мировой войны / А. В. Ревякин, Н. Ю. Васильева. М., 2018. С. 183—193; *Хазин А. Л., Богданов С. В.* Венский конгресс 1814—1815 годов и его участники: коммуникативные инструменты, ошибки, достижения // Государственное управление. 2013. № 40. С. 237—271; *Орлов А. А.* «Астреин век». Великобритания, Россия и проблема нового мирового порядка в европейской политике первой половины XIX века (1815—1854 гг.): монография. М., 2019. С. 5—6.

⁴ См. подробнее: *Третьякова Е. С.* Управленческие аспекты юридического оформления процесса формирования системы международных межгосударственных отношений (XVII—XIX) // Вопросы управления. 2014. № 4 (10). С. 197—202.

⁵ Так, были возвращены Бурбонам троны Франции, Италии и Испании. Голландию вернули принцу Оранскому, Сардинию — Савойской династии, Португалию — Браганцскому дому. Были восстановлены в качестве монархов герцоги Ольденбургский и Брауншвейгский, а также курфюрст Гессенский и др. В то же время нельзя сказать, что легитимизм предполагал законность только королей и императоров.

жил основой для появления так называемого Священного союза¹. Главной целью этого союза было сохранение незыблемости существующих европейских монархий и, как следствие, подавление всех национальных и революционных движений, что особенно ярко и проявилась в решениях Аахенского, Троппаусского, Лайбахского и Веронского конгрессов².

Впрочем, во второй половине XIX века «принципы политического равновесия и легитимизма хотя и сохранились как таковые, но постепенно стали уступать **принципу национальности**»³, который на тот момент воспринимался как «панацея против всех недоразумений и международных замешательств, как наиболее разумное основание для разрешения возникающих между государствами споров и столкновений и для устройства такого порядка взаимных их отношений, который в состоянии обеспечить мирное развитие каждого народа»⁴.

Следует отметить и **принцип недопустимости вторжения в другое государство и вмешательства в его внутренние дела без его разрешения**, находивший свое проявление даже в возможности коллективного наказания агрессора. Правда, этот принцип, особенно в первой половине XIX века, сильно *ограничивался принципом легитимизма*.

В материалах Венского конгресса 1814–1815 годов упоминались и иные принципы «публичного права» (под которым понималось в том числе и международное право)⁵.

Но изменились не только принципы.

В новых исторических условиях в качестве **субъектов** международных межгосударственных отношений (а значит, и субъектов между-

¹ Возник на базе Трактата Братского Христианского Союза. См. подробнее: История международных отношений. 3-е изд. Т. 1: От Вестфальского мира до окончания Первой мировой войны / А. В. Ревякин, Н. Ю. Васильева. М., 2018. С. 195–208.

² Так, в рамках конгресса в Троппау, с фактическим продолжением его работы в Лайбахе (1820–1821) было принято решение о проведении Австрией интервенции в Королевство Общих Сицилий с целью восстановления там власти Фердинанда Бурбона, а на конгрессе в Вероне (1822) — об интервенции в Испанию с целью восстановления в ней власти Фердинанда VII и т. д.

³ *Третьякова Е. С.* Основные конгрессы и конференции XIX века и их роль в развитии международного права // Вестник Академии права и управления. 2016. № 1. С. 41–47. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=25650583>. (дата обращения: 08.09.2023).

⁴ *Мартенс Ф. Ф.* Современное международное право цивилизованных народов. Т. 1. СПб., 1887. С. 147.

⁵ В качестве таковых указывались, например, принципы права и справедливости, охраны публичного права и др. См. подробнее: История XIX века (1815–1847 гг.). Т. 3: Время реакции и конституционной монархии. Ч. 1 / под ред. Э. Лависс, А. Н. Рамбо, Е. В. Тарле. 2-е изд. М., 1938.

народного права) стали рассматриваться не только сами государства, но и коалиции государств¹. Периодически проводимые конгрессы (и частично конференции) выступали не только в качестве площадки принятия согласованных решений, но и как новое эффективное *средство разрешения международных споров*. В этих же целях по итогам Гаагских мирных конференций 1899 и 1907 годов была создана Палата третейского суда в Гааге и заключены конвенции об арбитраже между отдельными государствами.

Формирование «Европейского концерта» явилось значимой ступенью на пути к созданию международного *институционального механизма* поддержания и обеспечения установленного международного правопорядка.

Все эти обстоятельства столь значительны, что, по нашему мнению, дают основание говорить о появлении *первого* (без оговорки об условности) *глобального правопорядка*.

Версальско-Вашингтонский глобальный правопорядок (1919–1945)

Из всех известных истории глобальных правопорядков он оказался самым недолговечным².

Его фундаментальные нормативные основы были закреплены мирными договорами, завершившими Первую мировую войну³. К ним относятся, с одной стороны, договоры, объединяемые общим названием Версальского мира 1919 года⁴ (включая договоры с со-

¹ Хотя формирование первых международных административных союзов не повлекло за собой признания международной правосубъектности за международными организациями.

² Фактически этот правопорядок прекратил свое существование с началом Второй мировой войны, т. е. с 1 сентября 1939 г., но юридически он просуществовал вплоть до вступления в силу Устава ООН.

³ Подробнее см.: История международных отношений: в 3 т. / А. Ю. Борисов, Н. Е. Клейменова, М. М. Наринский, А. Ю. Сидоров. 2-е изд. Т. 2: Межвоенный период и Вторая мировая война. М., 2018. С. 19–31, 241–250; *Сергеев Е. Ю.* (2018). Версальско-Вашингтонская система международных отношений. Всемирная история: в 6 т. Т. 6. / под ред. А. О. Чубарьян. Мир в XX веке: эпоха глобальных трансформаций. Кн. 1. М.: Наука, 2017. С. 309–346; *MacMillan M.* Peacemakers: Six Months that Changed the World. New ed. London, 2003; *Henig R.* Versailles and After, 1919–1933. 2nd ed. London, 1995. P. 49–73; *Smith L. V.* Sovereignty at the Paris Peace Conference of 1919. Oxford, 2018; *Manfred F. B., Feldman G. D., Glaser E.* The Treaty of Versailles: A Reassessment After 75 Years. Cambridge, 1998. P. 1–20; и др.

⁴ Он состоял из пяти мирных договоров (Версальского, Сен-Жерменского, Трианонского, Нейского и Севрского), заключенных в рамках Парижской мирной конференции 1919 года. Стал носить название Версальского мира, поскольку Версальский договор был заключен по времени первым (был подписан в г. Версале 28.06.1919). Текст Версальского мирного договора см.: Версальский мирный договор. Полный перевод с французского подлинника / под ред. Ю. В. Ключникова и А. Сабанина. М.: Литиздат; НКИД, 1925. С 1–174.

юзниками Германии), а с другой — соглашениями, заключенными на Вашингтонской конференции 1921–1922 годов¹, к которым прежде всего относятся три договора: Трактат между Соединенными Штатами Америки, Британской империей, Францией и Японией касательно их островных владений и островных территорий в Тихом океане («Договор четырех держав»), подписанный в Вашингтоне 13 декабря 1921 года², Договор между Соединенными Штатами Америки, Британской империей, Францией, Италией и Японией («Договор пяти держав»), подписанный в Вашингтоне 6 февраля 1922 года³, и Договор между Соединенными Штатами Америки, Бельгией, Британской империей, Китаем, Францией, Италией, Японией, Нидерландами и Португалией («Договор девяти держав»), подписанный в Вашингтоне 6 февраля 1922 года⁴.

Но для характеристики этого правопорядка мы кратко остановимся только на положениях, которые были установлены Версальским мирным договором на Парижской мирной конференции (1919–1920 годы).

Фундаментом вновь сложившегося нового глобального мирового порядка прежде всего следует считать императивные нормы общего международного права, закрепленные в Статуте (Уставе)⁵ первой универсальной международной организации в истории человечества (логично заменившей систему общеевропейских конгрессов) — Лиге

¹ См. подробнее: История международных отношений: в 3 т. / А. Ю. Борисов, Н. Е. Клейменова, М. М. Наринский, А. Ю. Сидоров. 2-е изд. Т. 2: Межвоенный период и Вторая мировая война. М., 2018. С. 19–31, 241–250; *Вершинина Д. Д.* Феномен Версальско-Вашингтонского миропорядка: основные черты и структура системы международных отношений 1919–1939 годов // Молодой ученый. 2022. № 16 (411). С. 287–291.

² Трактат между Соединенными Штатами Америки, Британской империей, Францией и Японией касательно их островных владений и островных территорий в Тихом океане («Договор четырех держав»), подписанный в Вашингтоне 13 декабря 1921 г // См.: URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/183680-traktat-mezhdu-soedinennymi-shtatami-ameriki-britanskoj-imperiei-frantsiei-i-yaponiei-kasatelno-ih-ostrovnyh-vladeniy-i-ostrovnyh-territoriy-v-tihom-okeane-dogovor-chetyreh-derzhav-vashington-13-dekabrya-1921-g-izvlechene> (дата обращения: 25.07.2023).

³ Договор между Соединенными Штатами Америки, Британской империей, Францией, Италией и Японией («Договор пяти держав»), подписанный в Вашингтоне 6 февраля 1922 г // URL: [http://files.school-collection.edu.ru/dlrstore/7a94342b-0a01-01b2-00e0-420b4d610d08/\[IS9NI_2-1\]_\[TS_04\].html](http://files.school-collection.edu.ru/dlrstore/7a94342b-0a01-01b2-00e0-420b4d610d08/[IS9NI_2-1]_[TS_04].html) (дата обращения: 25.07.2023).

⁴ Договор между Соединенными Штатами Америки, Бельгией, Британской империей, Китаем, Францией, Италией, Японией, Нидерландами и Португалией («Договор девяти держав»), подписанный в Вашингтоне 6 февраля 1922 г // URL: http://www.ibiblio.org/pha/policy/pre-war/9_power.html (дата обращения: 25.07.2023).

⁵ Он является составной частью договоров Версальского мира.

Наций¹. И на этот раз его иерархическая статусность международного договора уже носила не фактический, а формализованный характер: в ст. 20 Статута был прямо закреплён принцип *верховенства* его положений над требованиями любых других международных договоров государств-членов, т. е. юридически устанавливалось его *наивысшее иерархическое положение*².

Что касается основных принципов международного права в целом, вновь необходимо отметить сохранение от предыдущих правопорядков *принципа суверенного равенства государств*. Но в этот раз он уже в значительной части получает закрепление в договорной международно-правовой норме. Так, ст. 10 Статута прямо закрепляет, что «члены Лиги обязуются уважать и сохранять... существующую политическую независимость всех членов Лиги»³.

В то же время некоторые фундаментальные принципы Венского глобального правопорядка прекратили свое существование (например, принцип легитимизма), а война и революции разрушили прежний «Европейский концерт»: Австро-Венгрия распалась, поверженная Германия и выпавшая в результате революции из коалиции победителей Россия понесли серьезные не только репутационные, но и территориальные потери, которые привели к появлению на карте Европы девяти новых государств — Австрии, Венгрии, Югославии, Польши, Чехословакии, Финляндии, Латвии, Литвы и Эстонии. От принципа *европейского баланса сил* победившие в Первой мировой войне державы в новых условиях государства также вынуждены были отказаться. Попытка заменить его принципом *глобального равновесия* (Франция — Великобритания — США) не удалась, поскольку США отстранились от европейских дел и отказались ратифицировать договоры Версальского мира, а в тандеме Великобритания — Франция последняя сильно уступала первой: у нее не хватало ни авторитета, ни военной, ни экономической мощи для того, чтобы претендовать на европейское лидерство.

¹ Статут Лиги Наций подписали 45 государств всех населенных человечеством континентов. Это были участники Первой мировой войны — США, Австралия, Новая Зеландия, Южно-Африканский союз, Либерия, Индия, Китай, Япония, Перу, Панама, Куба, Никарагуа, Эквадор, Гондурас, Уругвай, Канада, 26 государств Европы (и четыре доминиона), так и 13 специально приглашенных государств, среди которых были Аргентина, Венесуэла, Дания, Иран, Испания, Швейцария и др. Из государств, подписавших Версальский договор (включающий Статут Лиги Наций), США, Хиджаз и Эквадор в дальнейшем отказались его ратифицировать.

² См.: ст. 20 Мирного договора между Союзными и Объединившимися державами, и Германией.

³ Статут Лиги Наций. 28 июля 1919 г // Электронная библиотека исторических документов. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/138737-ctatut-ligi-natsiy-28-iyulya-1919-goda> (дата обращения: 08.09.2023).

Принцип признания особого статуса великих держав сохранился, хоть их перечень и претерпел существенные изменения. Как бы то ни было, в Статуте было закреплено фактическое лидерство в Лиге Наций (и, как предполагалось, во всем мире) пяти государств: США, Великобритании, Франции, Японии и Италии, что нашло формальное закрепление в виде их постоянного членства в Совете Лиги Наций (этом своеобразном исполнительном, а, по сути, ее важнейшем политическом органе). Для остальных членов этой организации в Совете было предусмотрено только четыре места непостоянных членов, на которые они должны были избираться Ассамблеей на (установленный в дальнейшем) трехлетний период¹.

Статут Лиги Наций закреплял и новые принципы. К ним прежде всего допустимо отнести:

- **Принципы соблюдения норм международного права и добросовестного соблюдения международных обязательств.** Так, в Статуте прямо говорилось о необходимости «строго соблюдать предписания международного права»² и «добросовестно соблюдать все налагаемые Договорами обязательства во взаимных отношениях»³. Впрочем, об этом говорилось в преамбуле Статута, что создавало определенную спорность в признании этих положений строгим постановлением нормативного характера.
- **Принцип обеспечения международной безопасности.** В соответствии со статьей 11 Статута, в случае возникновения войны или ее угрозы Лига Наций должна была прибегнуть к любым средствам, способным обеспечить мир. При этом Статут не запрещал войну как средство разрешения международных споров, но оговаривал возможность обращаться к ней многочисленными предварительными условиями (ст. 12, 13, 15). Если же член Лиги прибегал к войне, игнорируя указанные условия, то в соответствии со ст. 16 Статута он *ipso facto* рассматривал-

¹ Однако с самого начала дело не заладилось. Версальский договор не набрал в США необходимого числа голосов при его ратификации Сенатом, и постоянных членов Совета осталось только четыре. В 1926 году постоянным членом Совета стала Германия, но она и Япония в 1933 году вышли из Лиги Наций. В 1934 году постоянным членом Совета стал СССР, но в 1939 году он был исключен из этой Организации, в соответствии со ст. 16 ее Статута (за советско-финскую войну). В 1937 году Лигу Наций покинула Италия. Таким образом, к началу Второй мировой войны в Совете Лиги остались только два постоянных члена: Великобритания и Франция, которые и до этого фактически контролировали работу этого органа, как, впрочем, и всей Лиги.

² Статут Лиги Наций. 28 июля 1919 г // Электронная библиотека исторических документов. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/138737-ctatut-ligi-natsiy-28-iyulya-1919-goda> (дата обращения: 08.09.2023).

³ Там же.

ся «как совершивший акт войны против всех других Членов Лиги». При этом в отношении его могли вводиться санкции, сопоставимые с санкциями Совета Безопасности ООН, предусмотренные в ст. ст. 41 и 42 Устава ООН.

- **Принцип контроля над вооружениями и демилитаризации.** Этот принцип следующим образом сформулирован в ч. 1 ст. 8 Статута: «Члены Лиги признают, что сохранение мира требует ограничения национальных вооружений до минимума, совместимого с национальной безопасностью и с выполнением международных обязательств, налагаемых общим выступлением»¹. При этом (в ч. 6) они «обязуются обмениваться самым откровенным и исчерпывающим образом всеми сведениями, относящимися к масштабу их вооружений, к их военным, морским и воздушным программам и к состоянию тех из отраслей их промышленности, которые могут быть использованы для войны»². В ней также был поставлен вопрос о запрете частного производства и продажи средств ведения войны³.

Кроме того, имело место пусть не юридическое, но фактическое введение в международную практику *принципов коллегиальности* (согласно которому все международные вопросы должны были решаться совместно государствами — членами Лиги⁴), *уважения территориальной целостности государств*⁵, и даже (в ст. 22 Статута) *права наций на самоопределение*, правда, в довольно расплывчатой форме и применительно к мандатной системе⁶.

Но только новыми основными принципами дело не ограничилось.

Важно то, что с созданием Лиги Наций международные межправительственные организации постепенно начинают признаваться *новыми субъектами* международных межгосударственных отношений

¹ Статут Лиги Наций. 28 июля 1919 г // Электронная библиотека исторических документов. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/138737-ctatut-ligi-natsiy-28-iyulya-1919-goda> (дата обращения: 08.09.2023).

² Там же.

³ Следует признать, что осуществление этих требований в дальнейшем было отложено «до завершения последующих переговоров».

⁴ Именно американский президент В. Вильсон предложил отказаться от принципа равновесия как главного фактора международной стабильности, заменив его принципом коллективной безопасности, основанным на формальном равенстве всех государств.

⁵ В ст. 10 Статута говорилось: «Члены Лиги обязуются уважать и сохранять против всякого внешнего вторжения территориальную целостость и существующую политическую независимость всех Членов Лиги».

⁶ В то же время «Договор девяти государств», принятый на Вашингтонской конференции, прямо провозглашал принцип уважения суверенитета, территориальной и административной неприкосновенности Китая.

(а значит, и субъектами международного права) наряду с государствами. Для *разрешения споров* между своими государствами-членами Лигой Наций был создан специальный судебный орган — Постоянная Палата международного правосудия. Что касается *источников* международного права, нельзя не упомянуть, что со времени своего образования Лига Наций именно как международная организация, а не государство, стала одним из главных институционных элементов международного нормотворчества¹. Кроме того, в качестве норм международного права в ст. 38 Статута Постоянной Палаты международного правосудия² были впервые закреплены «общие принципы права, признанные цивилизованными нациями»³.

В то же время Лига Наций становится *институционной составляющей* охраны и обеспечения нового глобального правопорядка⁴, на которую были возложены и основные функции принципиально новой системы коллективной безопасности.

Все это подтверждает факт возникновения и существования Версальского глобального правопорядка.

Глобальный правопорядок эпохи Устава Организации Объединенных Наций (с 1945 года по настоящее время)⁵

По мнению большинства экспертов, этот правопорядок отличается наибольшей стабильностью своего состояния из всех суще-

¹ Причем не только в вопросах международной безопасности, но и в гуманитарных областях, здравоохранении, урегулировании трудовых и социальных отношений, обеспечении свободы торговли, коммуникаций и др.

² Statute of the Permanent Court of International Justice provided for by Article 14 of the Covenant of the League of Nations // League of Nations Treaty Series, Geneva: League of Nations 1921. Vol. 6. P. 380–413.

³ Ibid.

⁴ См. подробнее: *Лебедева М. М.* Окончание Первой мировой войны: формирование глобальных межгосударственных структур и мирополитических трендов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2019. Т. 12. Вып. 3. С. 264–275; *Бутырская И. Г.* Версальско-Вашингтонская система международных отношений // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2014. № 4. С. 96–103.

⁵ Иногда его называют Ялтинско-Потсдамским мировым правопорядком, поскольку он начал формироваться еще на известных конференциях в Ялте и Потсдаме (см., например: *Борисов А. Ю.* Ялтинско-Потсдамская система как основа международной стабильности // Ялтинско-Потсдамская система международных отношений 1945–2017: сборник статей. Афины, 2017. С. 44–49; *Winik J.* 1944: FDR and the Year that changed History. New York, 2015. P. 517–520). Но такой подход привел к распространенному заблуждению об отсутствии у этого глобального мирового правопорядка прочной договорно-правовой базы. Полагаем, однако, что юридически обязательными для всего мира новые фундаментальные нормы общего международного права стали только со вступлением в силу Устава ООН и именно его, а не договоренности на указанных конференциях, следует рассматривать в качестве соответствующего базового договора.

ствовавших до него глобальных правопорядков. Базовым международным нормативно-правовым документом, установившим новые основы общего международного права, прежде всего стал международный договор высшего иерархического уровня — Устав ООН¹. Его высшее иерархическое положение (так же, как и в базовом договоре предыдущего глобального правопорядка) было юридически формализовано в виде установления его верховенства над всеми другими международными договорами с участием членом этой организации². При этом впервые основы нового глобального мирового правопорядка были установлены не послевоенным мирным договором (договорами), а самостоятельным международно-правовым актом.

Сама Организация Объединенных Наций становится центральным *институциональным элементом* международной нормотворческой и правообеспечительной деятельности, а также универсальной системы международной безопасности.

В Уставе ООН нашли закрепление семь из общеизвестных сегодня десяти *основных принципов международного права*, определяющих основы регулирования международных межгосударственных отношений и уровень выполнения которых прежде всего определяет состояние современного глобального мирового правопорядка. К ним «относятся принципы суверенного равенства государств; невмешательства в дела, по существу входящие во внутреннюю компетенцию других государств; неприменения силы и угрозы силой; мирного разрешения международных споров; равноправия и самоопределения народов; добросовестного выполнения международных обязательств и принцип сотрудничества государств друг с другом»³. С принятием Заключительного акта СБСЕ в 1975 году⁴ к ним *добавились* принципы нерушимости государственных границ⁵, территориальной целостности государств⁶ и уважения прав человека и основных свобод⁷.

¹ Устав Организации Объединенных Наций // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XII. М., 1956, С. 14–47.

² В соответствии со статьей 103 главы XVI Устава Организации Объединенных Наций обязательства по Уставу Организации Объединенных Наций имеют преимущественную силу над условиями любого другого договора.

³ *Синякин И. И., Скуратова А. Ю.* Нормы *jus cogens*: исторический аспект и современное значение для международного права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. Вып. 41. С. 539.

⁴ Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXXI. М., 1977.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

Нетрудно заметить, что при их формулировании были учтены и соответствующая практика установления базовых основ предыдущих глобальных правопорядков, и назревшая необходимость закрепления новых начал общего международного права.

В указанном основополагающем международном договоре было вновь закреплено *особое положение* пяти держав, правда, их состав по сравнению со Статутом Лиги Наций изменился. Теперь в их число вошли: Соединенные Штаты Америки, Союз Советских Социалистических Республик (с 1991 года в порядке континуитета — Российская Федерация), Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии, Китайская Республика (с 1971 года ее заменила Китайская Народная Республика) и Французская Республика. Именно эти государства получили специальные полномочия *постоянных* членов Совета Безопасности ООН (СБ ООН) — единственного главного органа этой организации, обладающего монопольным правом принимать решения, юридически обязательные для всех ее государств-членов. Так, в соответствии с ч. 3 ст. 27 Устава, для принятия этим органом ООН решений по всем непроцедурным вопросам требуется девять голосов (из пятнадцати) при одном важном условии: «...включая совпадающие голоса всех постоянных членов Совета»¹. Впрочем, такой порядок является давно оправдавшей себя гарантией от того, чтобы то или иное государство смогло подмять под себя не только СБ ООН, но и всю организацию в целом².

Кроме того, в этот период получила *официальное* подтверждение не только *международная правосубъектность* международных неправительственных организаций³, но и была признана такая правосубъектность за народами и нациями, борющимися за самоопределение, а в дальнейшем и за международными интеграционными образованиями⁴. *Источники* международного права, закрепленные в ст. 38 Статута Международного Суда ООН⁵ (повторившей в этой

¹ Иногда это условие называют правом вето, но таких слов в самом Уставе ООН все-таки нет.

² Центральную часть современного общего международного права составляют нормы Устава ООН. Центральной же частью Устава ООН, по нашему мнению, являются те его нормы, которые закрепляют цели и принципы этой организации, а также порядок формирования СБ ООН и голосования в нем.

³ См.: Консультативное заключение Международного Суда ООН «О возмещении ущерба, понесенного на службе ООН» от 11 апреля 1949 г // ICJ Reports. 1949. P. 174–180; заключение Международного Суда ООН 1980 года о толковании Договора между ВОЗ и Египтом (25 марта 1951 г.) // CIJ, Interprétation de l'Accord du 25 mars 1951 entre l'OMS et l'Egypte, avis: 1.202; и др.

⁴ См., например: Субъекты современного международного права / *Тиунов О. И., Авхадеев В. Р., Бальхаева С. Б., Павловский В. С., Сакаева О. И. и др.* М., 2023.

⁵ Статут Международного Суда ООН // URL: <https://www.un.org/ru/icj/statut.shtml> (дата обращения: 25.07.2023).

части положения ст. 38 Статута Постоянной Палаты международного правосудия), дополнительно пополнились правом международных межправительственных организаций, их международными договорами, актами их отдельных органов (например, резолюциями Совета Безопасности ООН)¹. *Разрешением споров* теперь (на универсальном уровне) стали заниматься не только международные судебные органы, в том числе и созданный согласно Уставу ООН, Международный суд ООН, но и, например, Совет Безопасности ООН². Отметим, что в Уставе ООН нашли закрепление и главные элементы механизма поддержания мира.

Подведем здесь некий предварительный итог.

В неюридических дисциплинах, к сожалению, все внимание обращено только на одну из составляющих базовых основ глобального мирового правопорядка — на закрепление тех или иных основных принципов, на которых базируются существующие (или будут основываться создаваемые) системы международных отношений и мировые политические системы. В них, как правило, вообще не рассматриваются такие базисные для международного права (и, как следствие, для глобальных правопорядков) вопросы, как определение всей совокупности основных принципов международного права соответствующего исторического периода, разрешение дилеммы международной правосубъектности, установление источников норм общего международного права, закрепление тех или иных средств и способов разрешения межгосударственных споров, а также создания институционных форм обеспечения государственной безопасности. Поэтому там не выработаны *критерии* смены одного правопорядка другим и является допустимым и приемлемым объявлять о любом количестве «мировых порядков» в зависимости исключительно от тех или иных изменений мировой (прежде всего политической) системы, часто выбранных исходя из субъективных оценок тем или иным исследователем.

Кроме того, начиная с XVII века основные принципы международного права и их содержание, понятие его субъектов и субъектов международных межгосударственных отношений, виды источников норм (в том числе общих норм) этой правовой системы, а также способы разрешения межгосударственных споров и механизмы поддержания и обеспечения мира неоднократно коренным образом

¹ См. подробнее: *Ковалева Т. М.* Правотворчество международных организаций и его виды: монография. Калининград, 1999; *Kennedy D.* The Sources of International Law, 2 Am. U. Int'l L. Rev. 1. 1987. 96 p. URL: <https://dash.harvard.edu/bitstream/handle/1/13548459/The%20Sources%20of%20International%20Law.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (дата обращения: 25.07.2023).

² *Кривокапич Б. Д.* Мирное разрешение международных споров: монография / пер. с сербского. Самара, 2020. С. 152–181.

изменялись, причем с помощью закрепления новых положений в договорах самого высокого иерархического уровня. В подобных случаях следует говорить не о модификации мирового правопорядка, а о появлении новых глобальных правопорядков и их самостоятельном существовании.

Но здесь необходимо дополнительно остановиться на доводах тех ученых, которые полагают, что под влиянием различных факторов и глобальных процессов, причем не только в мировой политической¹, экономической² и военной³ сферах, то есть там, где возможно влияние субъективного человеческого фактора, но и, например, при мощных тектонических сдвигах, вспышках планетарных эпидемий или перемене климата могут происходить значительные трансформации всей мировой системы в целом или той или иной ее части⁴, а значит, по их мнению, и изменений глобальных правопорядков.

Действительно, между фундаментальными сменами базисных основ общего международного права (и соответствующих глобальных правопорядков) каждый раз лежит довольно длительный временной период, в течение которого неизбежно происходят различные события, в той или иной степени воздействующие на состояние правопорядка. Под влиянием таких событий (назовем их факторами) мировая система действительно может довольно сильно меняться, эволюционировать и даже, как уже отмечалось, в определенной степени мутировать, но, полагаем, что если в ходе этих процессов базовые нормативные основы глобального мирового правопорядка *не пересмотрены и остаются прежними*, то именно данный глобальный правопорядок продолжает существовать до тех пор, пока его базисные основы не будут принципиально заменены, изменены или дополнены иными нормами *jus cogens* общего международного права, закреп-

¹ Смена биполярности, полицентричности или моноцентричности мира, возникновение новых центров силы и исчезновение старых, появление новых могущественных государств и прекращение существования империй, изменение положения тех или иных международных многосторонних институтов в международной политической системе мира и т. п.

² Экономические (финансовые) кризисы и подъем экономики, процессы глобализации, коррекции положения отдельных государств в экономической системе мира и т. п.

³ Победы (и проигрыши) в войнах, смены союзников и противников государств, появление нового оружия или новых форм ведения войны и др.

⁴ Генри Киссинджер, в частности, считает, что «миропорядок состоит из международной, политической, правовой, экономической, информационной, экологической, ценностно-культурной систем». *Киссинджер Г.* Достигнем ли мы мирового порядка через хаос или понимание? // ИА REGNUM. 13.11.2014. С. 42–43.

пленными в межгосударственном договоре (договорах) высшего иерархического уровня¹.

И тут мы вплотную подходим к вопросу о понятии глобального мироустройства и его соотношении с понятием глобального правопорядка.

Начнем с того, что термин «(глобальное) мироустройство» также широко используется не только в международном праве, но и в политологии², социологии³, экономике⁴, международном финансовом праве⁵, философии⁶, истории⁷ культурологии⁸ и других дисциплинах. Несмотря на это, единого представления о содержании и этого понятия в доктрине тоже не сформировалось. И здесь «водораздел» также прошел между правовыми и неправовыми науками, а само противостояние разных подходов особенно ярко проявилось в соотношении понятий глобального мироустройства и того или иного вида глобального правопорядка. В части соотношения содержания этих двух (на слух) схожих терминов большей терминологической путаницы в доктрине трудно припомнить. Понятия мироустройства и миропорядка (даже без конкретизации их уровней) воспринимаются авторами и как синонимы⁹, и как определения явлений,

¹ В этом мировой порядок подобен человеку, который на протяжении своей жизни много раз порой до неузнаваемости меняется (как внешне, так и внутренне), но остается все тем же физическим лицом до самой смерти. Мировая система тоже может очень сильно измениться, но глобальный правопорядок при этом останется прежним до тех пор, пока юридически действительна та совокупность базовых норм общего международного права, которым он был обязан своим возникновением.

² *Бабосов Е. М.* Структурные модели мироустройства в XXI в // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2011. № 2. С. 118–128.

³ *Садовая Е. С., Сауткина В. А.* Трансформация мироустройства и конфликтный потенциал современных обществ // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 11. С. 103–112.

⁴ *Неклесса А. И.* Рах есопотісапа: геоэкономическая система мироустройства // Экономическая наука современной России. 1999. № 1. С. 71–89.

⁵ *Хмелевская Н. Г.* Доминанты реформы МВФ в контексте трансформации глобального финансового миропорядка // Финансы и кредит. 2009. № 27 (363). С. 14–26.

⁶ *Бокачев И. А.* Глобальное и национальное в условиях современного миропорядка // Власть. 2010. № 3. С. 127–130.

⁷ *Гришаева Л. Е.* Устав ООН и новое мироустройство // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2015. Т. 15. № 4. С. 92–102.

⁸ *Сухарев Ю. А.* Перспективы современного «мироустройства» в контексте глобальных культурных трансформаций // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. № 9 (801). С. 386–402.

⁹ *Айвазов А. Э., Пантин В. И.* От столкновения к партнерству цивилизаций: новое мироустройство и проблема реформирования ООН // История и современность. 2018. № 1–2 (27–28). С. 88–108; *Лебедева М. М.* Новый мировой порядок: параметры и возможные контуры // Полис. Политические исследования. 2020. № 4. С. 31; *Шеринев И. Л.* Формирование нового мирового порядка в эпоху глобализации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2012. № 635. С. 139–140; *Громыко Ал. А.* О насущном: Европа и современный мир. М.; СПб., 2017. С. 13–14; *Холщов И. В., Конуров А. И.* Международно-правовые и военно-политические вопросы современного мироустройства // Вестник Академии военных наук. 2015. № 4 (53). С. 7–18.

настолько близких по своему содержанию, что правопорядку при-даются отдельные качества мироустройства, а понятию мироустрой-ства — некоторые характеристики того или иного мирового порядка¹, и как термины, обозначающие явления, прямо противоположные их значению, когда мироустройством называют мировой порядок и наоборот². Характерно и то, что большинство авторов, которые используют понятие «мироустройство» (так же, как и в ситуации с понятием миропорядка и его видами), просто применяют его без каких-либо пояснений³.

Различия в понимании содержания того или иного термина — довольно распространенное явление в науке. Так, в праве, политологии, экономике, экологии, социологии, информатике, культурологии и т. д. определений глобального мироустройства имеется не менее трех десятков, тем более что каждое из указанных научных направлений добавляет этому понятию те или иные собственные (факультативные) атрибуты.

Но у каждого из таких определений имеется некая центральная, совпадающая часть, которая и позволяет выделить принципиально главное в различии содержания понятия глобального мироустрой-ства в правовых и неправовых научных направлениях. Это позволя-ет взять за основу сравнительного анализа формулировки понятия мироустройства, имеющие место в какой-либо одной из неправо-вых дисциплин, например, в той же политологии, поскольку в ней

¹ Керимов А. Д., Халипова Е. В. О государственном суверенитете и грядущем миропорядке // Российский журнал правовых исследований. 2018. Т. 5. № 1 (14). С. 43; Гринин Л. Е. Мировой порядок в прошлом, настоящем и будущем // История и современность. 2016. Вып. 1 (23). С. 49; Истомин И. А. Россия как держава статус-кво. Защита институционального наследия в эпоху транзита // Россия в глобальной политике. 2020. № 1. С. 30–38; Bull H. The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics. 3rd ed. New Jersey, 2002. P. 17–20; Ikenberry J. After Victory. Institutions, Strategic Restraint, and the Rebuilding of Order after Major Wars. New Jersey, 2001. P. 23, 29–31; Sakwa R. Russia Against the Rest. The Post-Cold War Crisis of World Order. Cambridge, 2017.

² Сафранчук И. А., Лукьянов Ф. А. Современный мировой порядок: адаптация акторов к структурным реалиям // Полис. Политические исследования. 2021. № 4. С. 14–25; Никитин А. И. Современный миропорядок: его кризис и перспекти-вы // Полис. Политические исследования. 2018. № 6. С. 32–33; Пантин В. И., Лан-кин В. В. Трансформации политических пространств в условиях перехода к полицен-тричному миропорядку // Полис. Политические исследования. 2018. № 6. С. 47–66; Кортунов С. В. Становление нового миропорядка // Международная жизнь. 2002. № 6. С. 93. Солянова М. В. Проблема мирового порядка в современных западных ис-следованиях // Вестник МГИМО Университета. 2016. № 5 (50). С. 34–47; Сафран-чук И. А., Лукьянов Ф. А. Современный мировой порядок: адаптация акторов к струк-турным реалиям // Полис. Политические исследования. 2021. № 4. С. 14–25.

³ См., например: Кортунов А. В. Реставрация, реформация, революция? Сце-нарии мироустройства после российско-украинского конфликта: рабочая тетрадь № 66. Российский совет по международным делам (РСМД). М., 2022. С. 36.

указанный термин используется чаще, чем в других неправовых науках.

Для начала приведем несколько таких дефиниций.

Так, В. Н. Кузнецов определяет мироустройство как «процесс и результат формирующегося синтезированного и концептуального представления, понимания и осознания человеком прошлого и будущего его самого, общества, всего мира через настоящее: через принятые им основы мировоззрения, жизненные позиции, убеждения, идеалы и ценности, принципы поведения с ориентацией на компромисс и справедливость в осуществлении любых взаимодействий»¹. По нашему мнению, это определение (извините за каламбур) страдает неопределенностью.

В то же время З. А. Жаде полагает, что «геополитическое мироустройство» есть «политическое освоение географического пространства» и характеризует этот «естественноисторический процесс как процесс реализации государственной власти и межгосударственных отношений на основе установления естественных пределов зон геополитического влияния»². Она считает, что его «можно трактовать как субъектно-объектное геополитическое взаимодействие, где субъектами выступают основные „игроки“ на игровом поле геополитики, претендующие на расширение сфер своего геополитического влияния, а объектами — территории, их географические ресурсы, имеющие геополитическую ценность, а также народы, населяющие эти территории»³. По нашему мнению, З. А. Жаде при этом излишне акцентирует внимание на состоянии не всей мировой системы, а только ее *политической* составляющей.

Более успешным следует признать дефиницию этого понятия, данную А. И. Никитиным. По его мнению, «миропорядок» есть «относительно устойчивое и достаточно стабильное, хоть и ограниченное в историческом времени состояние международной системы, характеризующееся господством признаваемых большинством

¹ Мироустройство: мировоззрение, миропорядок: опыт гуманитарно-социологического исследования: коллективная монография / под ред. В. Н. Кузнецова. М., 2007. С. 46. Это определение практически полностью совпадает с определением мироустройства, даваемом А. В. Кузнецовой. См.: Кузнецова А. В. Справедливое мироустройство: становление российской политики формирующегося незападного справедливого мироустройства XXI века через культуру патриотизма. М., 2011. С. 20.

² Жаде З. А. Геополитическое мироустройство, мировидение и мироощущение // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2008. № 2. С. 237.

³ Там же.

акторов (государственных и негосударственных) правил поведения на международной арене и основанное на балансе сил и интересов ведущих мировых держав и политических сил»¹.

Думается, что определенное рациональное зерно, корректирующее определение А. И. Никитина, содержится в подходах к мироустройству со стороны Н. М. Сироты и Г. А. Мохорова, которые полагают, что «нынешнее гибридное состояние международной среды, сочетающее элементы порядка, хаотизации и турбулентности, на наш взгляд, следует оценивать как неустойчивое мироустройство, результат тектонических сдвигов в мировой политике. Это состояние может эволюционировать как в направлении миропорядка, так и нарастания неуправляемости. Применение к нему термина „мировой порядок“ представляется не вполне корректным, основывающимся на преувеличении степени стабильности международной среды»².

Каково же с точки зрения общей теории права и теории международного права соотношение между глобальным правопорядком и политической, экономической или иной «турбулентностью», возникающей в мире в период его существования? Мы немного уже говорили об этом. Его допустимо сформулировать следующим образом: в мире могут меняться интересы и расклад сил, союзники и противники государств, возникать новые могущественные политико-территориальные образования и распадаться империи, появляться новые центры силы и исчезать старые, происходить природные катаклизмы и войны и т. д. Под влиянием различных факторов может также устанавливаться и изменяться международно-правовое регулирование тех или иных видов международных межгосударственных общественных отношений, но если при всем этом основы глобального правопорядка, закрепленные в базовых для него нормах международного договора самого высокого иерархического уровня сохраняют для государств мира свою силу, то именно этот правопорядок хотя и трансформируется, но продолжает существовать до тех пор, пока эти самые основы не будут заменены, изменены или в своей совокупности в значительной степени дополнены иными нормами *jus cogens* общего международного права, закрепленными в новом договоре такого же уровня. До этого (поскольку правопорядок — это результат реализации требований правовых норм) допустимо говорить только о том или ином **состоянии** глобального правопорядка.

¹ Никитин А. И. Современный миропорядок, его кризис и перспективы // Полис. Политические исследования. 2018. № 6. С. 32–33.

² Сирота Н. М., Мохоров Г. А. Мировой порядок: генезис понятия и современные реалии // Клио. 2022. № 8 (188). С. 162.

Прокомментируем этот тезис.

Возьмем, к примеру, Венский глобальный правопорядок. В политологии по поводу сроков его существования существует несколько мнений: и то, что он (как и Венская система международных отношений и «Европейский концерт»), просуществовал только до революций 1948 года, и то, что его окончание связано с Крымской войной 1853–1856 годов¹, называются и иные исторические моменты XIX века². Действительно, эволюции и трансформации как военно-политической, так и экономической систем (и иных составляющих мировой системы) не обошли стороной весь период существования этого правопорядка. Всех факторов, повлиявших на его изменение, здесь не перечислить, но достаточно указать на те же революции, охватившие Европу в 1830 и 1848 годах, массовую эмиграцию в США в конце 40-х годов XIX века, чудовищный голод в Ирландии (1845–1849), Крымскую войну (1853–1856), а также Австро-пруссско-итальянскую войну 1866 года, объединение Германии под властью Пруссии (1864–1870), Франко-Прусскую войну (1870–1871), окончательное установление единства Италии к 1871 году, создание в 1882 году военного блока «Тройственный союз» в составе Германии, Австро-Венгрии и Италии (фактически разрушившего Священный союз), а в 1904–1907 годах, в противовес ему, — другого военного блока (Антанты) в составе Франции, Англии и России и т. д.³ Все эти масштабные катаклизмы не могли не повлиять на соблюдение и выполнение требований фундаментальных норм общего международного права этого периода, т. е. на состояние Венского правопорядка, но с точки зрения общей теории права и международного права они только потрясли, но не разрушили его, поскольку его базисные основы оставались в течение всего указанного периода прежними. Да и фундаментальных международных договоров высшей иерархической силы, содержащих договорные нормы *jus cogens* общего международного права, в этот период принято не было, как отсутствовало и формирование подобных новых обычно-правовых норм. Поэтому с формальной стороны Венский глобальный правопорядок продолжал существовать до заключения мира после окончания Первой мировой войны,

¹ См., например: *Schroeder P.W.* Austria, Great Britain and the Crimean War: The Destruction of the European Concert, Ithaca. N. Y. 1972.

² См., например: *Lascurettes K.* The Concert of Europe and Great-Power Governance Today: What Can the Order of 19th-Century Europe Teach Policymakers About International Order in the 21st Century? / RAND Corporation. 2017 // JSTOR. URL: <http://www.jstor.org/stable/resrep02405> (дата обращения: 24.07.2023).

³ История международных отношений: в 3 т. / под ред. А. В. Торкунова, М. М. Наринского. 3-е изд. Т. 1. От Вестфальского мира до окончания Первой мировой войны / А. В. Ревякин, Н. Ю. Васильева. М., 2018. С. 229–346.

т. е. до 1919 года¹. До этого момента, по нашему мнению, речь могла идти только о том или ином *состоянии* этого правопорядка.

Если же мы возьмем Версальско-Вашингтонский глобальный правопорядок, то на его состояние также не могли не оказать влияние многочисленные факторы. К ним можно отнести образование СССР (1922 г.), глубочайший экономический кризис в США (имевший последствия для всего мира и получивший название Великой депрессии), установление в этот период в целом ряде государств Европы и Азии различных по идеологии, но тоталитарных и авторитарных по своей сущности правовых режимов, формирование к концу 30-х годов прошлого века в Германии и СССР (которые первоначально были исключены из существовавшей в то время международной политической системы) новых центров силы. Нельзя не упомянуть и о многочисленных войнах и революциях этого периода, и о возникновении грандиозных промышленных районов в СССР и США, намного больших, чем Манчестер и Рур². Наконец, свою роль сыграло формирование к 1939 году двух военно-политических блоков, в которых Великобритания и Франция противостояли Германии и Италии (к ним также тяготела Япония), и т. д.³

Но означало ли каждое из этих событий установление нового глобального порядка? Полагаем, что нет. Под их влиянием трансформировалась мировая (в первую очередь политическая) система, но Версальский глобальный правопорядок устоял, ведь его базовые нормы (в своей совокупности) продолжали оставаться прежними. Даже начавшаяся 1 сентября 1939 года Вторая мировая война, ставшая крупнейшим вооруженным конфликтом в истории человечества⁴, не отменила, а только *приостановила* действие норм Версаль-

¹ Такие мнения высказывались и отдельными авторами в политологии. См., например: *Белов А.* После пандемии наступит новый мировой порядок // REGNUM. 04.05.2020. URL: <https://vk.com/@regnum-preview-318567415-2108952675> (дата обращения: 24.03.2023); *Soutou G.-H.* Was There a European Order in the Twentieth Century? From the Concert of Europe to the End of the Cold War // Cambridge University Press. Vol. 9. № 3. 2000. P. 329–353. Но при этом в обоснование существования Венского глобального правопорядка до начала XX века они ссылаются не на отсутствие изменений его базисных международно-правовых норм, а на продолжающуюся после Крымской войны и других соответствующих событий практику проведения конгрессов и особенно международных конференций, т. е. на продолжение существования «Европейского концерта».

² См.: *Верхотуров Д. Н.* Экономическая революция Сталина. М., 2006. С. 41.

³ См. подробнее: История международных отношений: в 3 т. 2-е изд. Т. 2. М., 2018. С. 114–225; Версальско-Вашингтонская международно-правовая система: возникновение, развитие, кризис, 1919–1939 гг. М., 2011; *Steiner Z.* The Lights that Failed: European International History 1919–1933. Oxford, 2005.

⁴ Достаточно отметить, что она охватила 62 государства из 73 существовавших на тот момент.

ского мирного договора (включая Статут Лиги Наций). И только в 1945 году, когда мир вступил в новую эпоху Устава ООН, этот правопорядок вынужденно прекратил свое существование¹.

Возьмем, наконец, глобальный правопорядок эпохи Устава Организации Объединенных Наций как наиболее приближенный к настоящему времени. Испытывал ли мир за время его существования мощные потрясения и менялся ли его политический, экономический, социальный и иной облик? Да, конечно, причем намного чаще, чем в прежние времена.

Толчками к таким изменениям стали разнопорядковые явления: это и переход от сотрудничества постоянных членов СБ ООН к их конфронтации, и появление у нескольких государств ядерного оружия, и образование враждебных военных союзов и блоков, и балансирование на грани новой всеобщей мировой войны (в рамках так называемой холодной войны), и введение Бреттон-Вудских институтов². К ним также следует отнести и формирование доминирующих центров силы, и создание первых интеграционных организаций, и борьбу с колониальной зависимостью, и формирование Движения неприсоединения, и резкое усиление процессов экономической, политической и экологической глобализации, технологический рывок КНР, Японии и Южной Кореи и, конечно же, распад СССР и возникновение на какой-то период однополярного мира, и процессы возврата к моноцентричности, и появление ряда многосторонних международных институтов в политической и экономической системе мира, а также многие другие значимые кардинальные изменения, происходившие в этот период³.

Тем не менее ни один из перечисленных (и неперечисленных) факторов, какое бы бесспорное и/или значимое влияние на структуру и характер всей международной системы (во всех ее видах) он ни оказал, не разрушил базисных основ установленного Уставом ООН общего международного права, а следовательно, не изменил установившийся с 1945 года глобальный правопорядок, который сохраняет

¹ Хотя решение о ликвидации Лиги Наций было принято только в 1946 году.

² См.: *Сидоров А. А.* Бреттон-Вудская конференция и строительство послевоенного мирового порядка // *Вестн. Моск. ун-та.* Сер. 25: Международные отношения и мировая политика. 2014. № 4. С. 140–184.

³ См. подробнее: *История международных отношений: в 3 т. / под ред. А. В. Торкунова, М. М. Наринского.* 2-е изд. Т. 3: Ялтинско-Потсдамская система / Ю. А. Дубинин, Б. Ф. Мартынов, М. М. Наринский, Т. В. Юрьева. М., 2018; *Юнгблуд В. Т.* Мировой порядок 1945 г. — процесс с «открытым» продолжением // *Вестник МГИМО-Университета.* 2020. № 13 (4). С. 52–79; *Mearsheimer J. J.* Bound to Fail. The Rise and Fall of the Liberal International Order // *International Security.* 2019. 43 (4). P. 18–30; *Nye J. S.* Will the Liberal Order Survive? The History of an Idea. *Foreign Affairs.* 2017. January — February. P. 12–14.

ся как таковой и поныне. Впрочем, следует признать, что его базовые международно-правовые нормы не вечны и могут быть изменены, но только после этого появится новый глобальный правопорядок.

А что же с мироустройством?

Так вот, в международном праве **под мироустройством** как раз и понимается *состояние* мировой системы, включающей в себя и политическую, и военную, и экономическую, и правовую, и социально-культурную и другие ее составляющие¹, возникающее под влиянием всех вышеперечисленных факторов. Отсюда мироустройство находится в постоянной динамике, и хотя временами может обладать некоторой устойчивостью, но такая устойчивость всегда сильно ограничена во времени своего существования, поскольку постоянно перестраивается под влиянием о которых мы уже говорили.

Иными словами, глобальное мироустройство с точки зрения международно-правовой науки представляет собой состояние мировой системы (и, как следствие, отражение состояния глобального правопорядка) на конкретный исторический момент, в тех или иных достаточно недолгих временных рамках. Причем это справедливо и для мировой системы в целом, и для той или иной ее части (международной, политической, правовой, экономической, информационной, экологической, ценностно-культурной и др.).

При этом следует иметь в виду, что хотя и глобальный правопорядок, и глобальное мироустройство есть *состояния*, но для каждого из них содержание этого термина имеет свои особенности: в первом случае речь идет о состоянии (как результате) реализации фундаментальных норм общего международного права, а во втором — о состоянии влияния различных факторов на мировую систему. В первом случае состояние можно сравнить с самочувствием, а во втором — со стадией трансформации². При сохранении своих базовых основ правопорядок несмотря ни на что, остается прежним, варьируется только его «самочувствие», а вот мироустройство само постоянно изменяется, отражая то, каким образом на данный момент происходит трансформация качества и сути мировой системы (как в целом, так и ее отдельных элементов).

При этом глобальное мироустройство и глобальный правопорядок, конечно же, тесно связаны друг с другом: базовые нормы общего

¹ Таким образом, если в политологии в этом вопросе основной упор делается на понятие «процесс», то в международном праве — на состоянии, которое характеризует мировую систему после (или в ходе) осуществления соответствующих процессов.

² В определенной степени это можно сравнить с двумя терминами, применяемыми в английском языке для обозначения понятия «состояние»: condition и state.

международного права не могут не оказывать значительного влияния на глобальное мироустройство, а фундаментальные изменения в мироустройстве могут не только сказываться на состоянии глобального правопорядка, но и привести к изменению его базисных международно-правовых основ, т. е. к прекращению его существования и возникновению нового глобального правопорядка.

Поскольку имеется специфика распространения действия норм права во времени, пространстве и по кругу лиц, а также существуют различные сферы международно-правового регулирования, вполне допустимо говорить о состоянии конкретного **вида** правопорядка в определенный временной период, на той или иной территории, в соответствующей сфере правового регулирования, в отношении тех или иных категорий лиц, участвующих в данных международных общественных отношениях, и т. п. То же самое, в принципе, можно сказать и о **мироустройстве**, только в этом случае речь следует вести, повторимся, о тех или иных изменениях мировой системы под воздействием тех или иных факторов влияния.

Наконец, отметим еще одну принципиальную разницу между этими понятиями: если глобальный правопорядок, будучи результатом реализации базисных для него норм общего международного права, является бесспорно *правовым явлением*¹, то глобальное мироустройство таковым назвать никак нельзя, поскольку оно складывается в результате влияния на мировую систему факторов как объективного, так и субъективного характера, значительная часть которых либо плохо поддается правовому регулированию, либо вообще не поддается ему². Отсюда, например, такие политические реалии, как формирование однополярного, биполярного или многополярного мира, региональных центров силы и др., поскольку они не являются следствием веления или результатом урегулирования правовых норм, никак не могут быть элементами характеристики глобального правопорядка. В то же время их безусловно следует отнести к атрибутам глобального мироустройства.

Кроме того, принципиальные изменения в глобальном мироустройстве не всегда означают покушение на существующий глобаль-

¹ Еще А. П. Мовчан совершенно справедливо утверждал, что широко «применяемый ныне термин „международный правопорядок“ означает тот порядок международных отношений, который установлен и осуществляется на основе принципов и норм международного права». См.: Мовчан А. П. Международный правопорядок. М., 1996. С. 13.

² Так, изменение глобального мироустройства может быть следствием отдельных субъективных действий, стечением обстоятельств или, скажем, природных событий (решение главы государства, победа в битве, появление нового оружия, открытие месторождений, геофизические изменения, распад великой державы и появление на ее месте новой и др.), нормативное урегулирование которых вообще невозможно.

ный правопорядок и даже вообще могут никак на нем не отразиться, но изменение базисных норм последнего, влекущее его смену другим правопорядком, неизбежно вносит коренные изменения в глобальное мироустройство.

Сформулируем заключительные выводы

1. Истории известны четыре вида глобальных правопорядков: Вестфальский (1648–1815), Венский (1815–1919), Версальско-Вашингтонский (1919–1945) и глобальный правопорядок эпохи Устава ООН, который в литературе также называют Ялтинско-Потсдамским (1945 год — по настоящее время). При этом Вестфальский глобальный правопорядок, закрепивший принцип суверенного равенства государств в качестве одного из основных принципов общего международного права, в силу своего ограниченного территориального распространения отнесен к глобальным правопорядкам с долей условности.

2. В основе разграничения видов глобальных правопорядков между собой лежат разные требования тех фундаментальных норм *jus cogens* общего международного права, которые направлены на установление основ международно-правовой системы и базовых правил правового урегулирования наиболее важных международных межгосударственных общественных отношений. Смена одного глобального правопорядка другим происходит в том случае, если новым международным договором (договорами) высшего иерархического уровня вводятся существенные изменения и/или дополнения во все или в абсолютное большинство требований существующих норм *jus cogens* общего международного права, определяющих основные принципы урегулирования межгосударственных отношений, международную правосубъектность, источники международно-правовых норм, легитимные способы разрешения межгосударственных споров, а также международные институционные механизмы поддержания и обеспечения установленного мира и данного глобального правопорядка.

3. Под воздействием различных факторов, влияющих на состояние того или иного вида глобального правопорядка (в том числе изменение иерархии государств и их роли в международной политической и/или экономической системе, включая формирование новых центров силы, установление полицентричности или моноцентричности мира, образование международных интеграционных образований, и др.), мировая система в первую очередь ее политическая и экономическая составляющие) может в значительной степени трансформироваться, но если в ходе этих процессов существующие базовые нормативные основы правопорядка не пересмотрены и в своей совокупности остаются прежними, то именно данный гло-

бальный правопорядок продолжает существовать до тех пор, пока эти его основы в своей совокупности не будут заменены, изменены или принципиально дополнены новыми нормами *jus cogens* общего международного права.

4. Глобальное мироустройство, с точки зрения международно-правовой науки, представляет собой состояние мировой системы (в целом или в той или иной ее части: политической, правовой, экономической, военной, информационной, экологической, ценностно-культурной и др.), сложившееся в относительно непродолжительный временной отрезок под влиянием различных факторов объективного и субъективного характера, влияющих на состояние глобального правопорядка.

5. Если глобальный правопорядок, будучи результатом реализации базисных для него норм общего международного права, является бесспорно правовым явлением, то глобальное мироустройство, которое складывается в результате влияния на него различных факторов, в том числе тех, что либо плохо поддается правовому регулированию, либо вообще не поддается ему, таковым назвать никак нельзя. Отсюда такие политические явления, как формирование однополярного, биполярного или многополярного мира, региональных центров силы и др., поскольку они не являются следствием веления или результатом урегулирования правовых норм, никак не могут быть элементами характеристики глобального мирового правопорядка. В то же время эти реалии обоснованно следует отнести к атрибутам глобального мироустройства.

6. Изменение глобального мироустройства при неизменности совокупности базовых нормативных основ соответствующего глобального правопорядка не влечет за собой смену глобального правопорядка, но смена одного глобального мирового правопорядка другим уже само по себе является фактором значительного (и даже принципиального) изменения глобального мироустройства.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Абашидзе А. Х., Мельшина К. Ю.* Верховенство права, понимаемое Организацией Объединенных Наций // Вестник ВолГУ. Серия 5, Юриспруденция. 2016. Т. 15. № 4 (33). С. 10–18.
2. *Аблаева Э. Б.* «Rule of law» в работе международных организаций // Проблемы в российском законодательстве. 2017. № 7. С. 193–200.
3. *Аврутин Ю. Е., Кикоть В. Я., Сыдорук И. И.* Правопорядок: организационно-правовое обеспечение в Российской Федерации. Теоретическое административно-правовое исследование: монография. М.: Закон и право; Юнити-Дана, 2003. С. 456.
4. *Айвазов А. Э., Пантин В. И.* От столкновения к партнерству цивилизаций: новое мироустройство и проблема реформирования ООН // История и современность. 2018. № 1–2 (27–28). С. 88–108.
5. *Айриян Р. С.* Застывший в динамике: мир без нового миропорядка // Новое прошлое / The New Past. 2021. № 3. С. 8–20.
6. *Акимов Л. Н., Акимова Е. А.* Формирование «нового мирового порядка» в начале XXI в. и место России в нем // Вестник Нижегородского института управления. 2021. № 3 (61). С. 79–87.
7. *Алексеев В. А.* Тридцатилетняя война. Л.: Учпедгиз, 1961. С. 237.
8. *Алексеев С. С.* Общая теория социалистического права: Введение. Сущность социалистического права. Курс лекций: учебное пособие. Вып. 1. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1963. С. 265.
9. *Алексеев С. С.* Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М.: Юрид. лит., 1989. С. 288.
10. *Алексеев С. С.* Теория государства и права. М.: Юридическая литература, 1985. С. 480.
11. *Алексеев С. С.* Право и правовая система // Правоведение. 1980. № 1. С. 27–34.
12. *Акимов Л. Н., Акимова Е. А.* Формирование «нового мирового порядка» в начале XXI в. и место России в нем // Вестник Нижегородского института управления. 2021. № 3 (61). С. 79–87.
13. *Александров Н. Г.* Законность и правопорядок в социалистическом обществе // Советское государство и право. 1955. № 5. С. 3–16.
14. *Андреанов М. С.* Общественное мнение о состоянии законности в Российской Федерации: основные тренды и вызовы современно-

- сти // Законность в Российской Федерации: вызовы эпохи (Сухаревские чтения): материалы международной конференции. М.: Изд-во Академии Генеральной прокуратуры РФ, 2016. С. 96–103.
15. *Анцилотти Д.* Курс международного права: Введение — общая часть. Перевод с итальянского. Т. 1. М.: Иностр. лит., 1961. С. 447.
 16. *Арбатов А. Г.* Крушение миропорядка // Россия в глобальной политике. 2017. № 6. С. 220–237.
 17. *Артемов В. М.* Правопорядок в современном российском обществе: концептуальные обоснования и инновации. М.: Акад. управления МВД России, 1998. С. 145.
 18. *Артюшкин В. Ф., Казанцев А. А., Сергеев В. М.* Соотношение сил между великими державами в «Группе 20»: анализ при помощи метода многомерного шкалирования // Полис. Политические исследования. 2021. № 2. С. 125–138.
 19. *Бабосов Е. М.* Структурные модели мироустройства в XXI в. // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2011. № 2. С. 118–128.
 20. *Бабосов Е. М.* Обострение конкуренции моделей мироустройства в условиях глобальной нестабильности XXI века // Человеческий капитал. 2012. № 1 (37). С. 105–109.
 21. *Байтин М. И.* Сущность права. (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). 2-е изд. М.: Право и государство, 2005. С. 544.
 22. *Барановский В. Г.* Трансформация глобального миропорядка: динамика системных изменений // Полис. Политические исследования. 2017. № 3. С. 71–91.
 23. *Барановский В. Г.* Структурные изменения глобального миропорядка // Современная политическая наука: методология / под ред. О. В. Гаман-Голутвиной, А. И. Никитина. М.: Аспект-Пресс, 2018. С. 113–135.
 24. *Барков А. В.* Правовой статус Евразийского экономического сообщества: автореферат дис. ... канд. юрид. наук: специальность 12.00.10. М.: МГИМО, 2003. С. 26.
 25. *Баталов Э. Я.* Мировое развитие и мировой порядок (анализ современных американских концепций). М.: РОССПЭН, 2005. С. 374.
 26. *Баталов Э. Я.* «Новый мировой порядок»: к методологии анализа // Полис. Политические исследования. 2003. № 5. С. 25–37.
 27. *Баталов Э. Я.* О философии международных отношений. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2005. С. 132.
 28. *Белов А.* После пандемии наступит новый мировой порядок // REGNUM. 2020. 4 мая. URL: <https://vk.com/@regnum-preview-318567415-2108952675> (дата обращения: 04.07.2023).

29. *Бжезинский З. К.* «Великая шахматная доска»: Международные отношения. Москва, 1998. С. 136.
30. *Блинов В. М.* Законность и правопорядок в советском обществе. М.: Правда, 1971. С. 96.
31. *Блунчли И. К.* Основы международного права // О значении и успехах новейшего международного права. СПб.: Изд. Н. И. Ламанского, 1867. С. 1–70 (21–90). URL: <https://viewer.rusneb.ru/-ru/rls01003568928?-page=77&ro-tate=0&theme=white> (дата обращения: 25.12.2022).
32. *Богатуров А. Д.* Современный международный порядок // Современные международные отношения и мировая политика / отв. ред. А. В. Торкунов. М.: Просвещение, 2004. С. 66–89.
33. *Богатуров А. Д.* Современный международный порядок // Международные процессы. 2003. Т. 1. № 1. С. 6–23.
34. *Богатуров А. Д., Косолапов Н. А., Хрусталева М. А.* Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений. М.: НОФМО, 2002. С. 390.
35. *Богатуров А. Д.* Кризис миротворческого регулирования // Международная жизнь. 1993. № 7. С. 30–40.
36. *Богданов А. Н.* Внешнеполитическая идеология США и современный мировой порядок. СПб.: СПбГУ, 2012. С. 194.
37. *Бокачев И. А.* Глобальное и национальное в условиях современного миропорядка // Власть. 2010. № 3. С. 127–130.
38. *Борисов А. Ю.* Ялтинско-Потсдамская система как основа международной стабильности // Ялтинско-Потсдамская система международных отношений 1945–2017: сборник статей. Афины: Contact Publications Ltd., 2017. С. 44–49.
39. *Борисов В. В.* О связи правопорядка и правовых отношений // Вопросы теории государства и права. Актуальные проблемы теории социалистического государства и права: межвузовский научный сборник. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1983. С. 35–42.
40. *Борисов В. В.* Соотношение общественного и правового порядка // Вопросы теории государства и права. Межвузовский научный сборник. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1976. Вып. 4. С. 50–68.
41. *Булл Х.* Анархическое общество: исследование проблемы порядка в мировой политике // Антология мировой политической мысли: в 5 т. Т. II: Зарубежная политическая мысль XX века. М.: Мысль, 1997. С. 801–806.
42. *Буровский А. М.* Арийцы. М.: Яуза, 2013. С. 512.
43. *Буровский А. М.* Мир двухполярный, однополярный, многополярный и бесполярный // Вестник Московского университета. Сер. 27. Глобалистика и геополитика. 2022. № 1. С. 36–54.
44. *Бутырская И. Г.* Версальско-Вашингтонская система международных отношений // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2014. № 4. С. 96–103.

45. *Быстрянец С. Б.* К вопросу о соотношении социальных и правовых норм // Ученые записки Санкт-Петербургского филиала Российской таможенной академии. 2015. № 4 (56). С. 125–133.
46. *Валлерстайн И.* Конец знакомого мира: Социология XXI в. / пер. с англ. М.: Логос, 2003. С. 368.
47. *Василенко В. А.* Стратегия международно-правового обеспечения миропорядка // Вестник Киевского университета. Международные отношения и международное право. 1984. № 18. С. 3–14.
48. *Васильев А. М.* Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М.: Юрид. литература, 1976. С. 264.
49. *Васконселос А. де.* Многополярность, становящаяся многосторонней // Геополитика. 2011. Вып. XII. С. 52–73.
50. *Ваттель Э.* Право народов или принципы естественного права, применяемые к поведению и делам наций и суверенов. М.: Госюриздат, 1960. С. 720.
51. *Венгеров А. Б.* Теория государства и права: учебник. М.: Омега-Л, 2014. С. 607.
52. Версальско-Вашингтонская международно-правовая система: возникновение, развитие, кризис, 1919–1939 гг.: сб. статей / отв. ред. Е. Ю. Сергеев. М.: ИВИ РАН, 2011. С. 312.
53. Верховенство международного права (Liber amicorum в честь профессора К. А. Бекашева): сб. статей / отв. ред. Н. А. Соколова. М.: Проспект, 2013. С. 536.
54. Верховенство права: руководство для политиков. Лунд. Гаага: Институт по правам человека и гуманитарному праву и Гаагский институт по интернационализации права, 2012. С. 45.
55. *Верхотуров Д. Н.* Экономическая революция Сталина. М.: Олма-Пресс, 2006. С. 345.
56. *Вершинина Д. Д.* Феномен Версальско-Вашингтонского миропорядка: основные черты и структура системы международных отношений 1919–1939-х годов // Молодой ученый. 2022. № 16 (411). С. 287–291.
57. *Веселов Ю. А.* Возможности ревизии современного мирового порядка // Международные отношения. 2021. № 3. С. 15–28.
58. *Волков А. А.* Теория риторической аргументации. М.: Изд-во Московского ун-та, 2009. С. 396.
59. *Вопленко Н. Н.* Правовые отношения: понятие и классификация // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: юриспруденция. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003. № 6. С. 76–89.
60. *Воронин Е. Р.* Либеральный порядок, основанный на «правилах», и международное право // Международная жизнь. 2020. № 2. С. 88–95.

61. Военная сила в международных отношениях: учебное пособие / под общ. ред. В. И. Анненкова. М.: Кнорус, 2011. С. 496.
62. *Войтоловский Ф. Г.* Нестабильность в мировой системе // Международные процессы. 2009. Т. 7. № 19. С. 4–16.
63. Выступление и ответы на вопросы СМИ министра иностранных дел России С. В. Лаврова в ходе пресс-конференции по итогам деятельности российской дипломатии в 2018 году (Москва, 16 января 2019 г.) // Министерство иностранных дел Российской Федерации / Пресс-служба / Выступления Министра. URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1451497/?ysclid=lbqfiy7g2t429870421 (дата обращения: 24.07.2023).
64. *Гаджиев К. С.* Геополитические горизонты России: контуры нового миропорядка. 2-е изд., испр. и доп. М.: Экономика, 2010. С. 478.
65. *Галкин А. А.* Размышления о политике и политической науке. М.: Оверлей, 2004. С. 278.
66. *Голубева Л. А.* Конституционная законность и конституционный правопорядок: содержание терминов // Теория и практика современной юридической науки. Сборник научных трудов № 2. Самара: ИЦЕРОН, 2015. С. 29–31.
67. *Гончарова О. В., Ларин А. Б.* Формирование европейской идентичности и внешняя политика России: от Венского конгресса до Парижского мира // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2013. № 1 (23). С. 163–167.
68. *Гранин А. Ф.* Социалистическая законность и правопорядок: теоретические вопросы охраны правопорядка и укрепления социалистической законности в деятельности органов внутренних дел. Киев: МВД УССР, 1970. С. 156.
69. *Григорьева О. В., Плюснин Н. О.* Детская болезнь «левизны» в глобализме // Международные процессы. 2019. Т. 17. №. 3 (58). С. 124–127.
70. *Гринин Л. Е.* Глобальные процессы и контуры нового мирового порядка // Философия и общество. 2015. № 3–4 (77). С. 7–33.
71. *Гринин Л. Е.* Мировой порядок в прошлом, настоящем и будущем // История и современность. 2016. № 1 (23). С. 20–63.
72. *Гришаева Л. Е.* Устав ООН и новое мироустройство // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2015. Т. 15. № 4. С. 92–102.
73. *Громыко А. А.* Изменяющаяся геометрия полицентричности // Сравнительная политика. 2012. Т. 3. № 2 (8). С. 59–63.
74. *Громыко А. А.* Мировой порядок или правопорядок // Международная жизнь. 2012. № 3. С. 18–32.
75. *Громыко Ал. А.* О насущном: Европа и современный мир. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. С. 232.

76. *Гроций Г.* О праве войны и мира: Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права. М.: Ладомир, 1994. С. 868.
77. *Грэм Т.* Американско-российские отношения в новую эпоху // США & Канада: экономика, политика, культура. 2019. № 1. С. 76–89.
78. *Давыдов А. С.* Пекин, Вашингтон, Москва: взаимоотношения в контексте трансформации глобальной архитектоники: монография. М.: ИДВ РАН, 2015. С. 399.
79. *Давыдов Ю. П.* Норма против силы: Проблема мирорегулирования. М.: Наука, 2002. С. 287.
80. *Джахиева Э. Г.* Историко-правовые аспекты Венского конгресса начала XIX века // Znanstvena Misel. 2019. № 1 (26). С. 22–23.
81. Доклад о верховенстве права Европейской комиссии за демократию через право (Венецианской комиссии) Совета Европы (Страсбург, 4 апреля 2011 г.). С. 19 // URL: // URL: [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?-pdffile=CDL-AD\(2011\)003rev-rus](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?-pdffile=CDL-AD(2011)003rev-rus) (дата обращения: 24.07.2023).
82. Европейская дипломатия и международные процессы эпохи наполеоновских войн: монография / под ред. А. В. Торкунова, М. М. Наринского. М.: Аспект Пресс, 2012. С. 254.
83. *Евинтов В. И.* Международное сообщество и правопорядок: (анализ современных концепций). Киев: Наук. думка, 1990. С. 127.
84. *Ефремова К. А.* Формирование «нового мирового порядка»: теоретические интерпретации и практическая реализация // Сравнительная политика. 2016. № 2 (23). С. 5–13.
85. *Жаде З. А.* Геополитическое мироустройство, мировидение и мироощущение // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2008. № 2. С. 236–240.
86. Законность в Российской Федерации: монография / А. Х. Казарина, В. П. Кашепов, В. П. Рябцев, Ю. А. Тихомиров, Т. Я. Хабриева. М.: Изд-во Института законодательства и сравн. правоведения, Изд-во НИИ Акад. Ген. прокуратуры РФ, 2008. С. 624.
87. Законность: теория и практика: монография / М. С. Андрианов, С. А. Боголюбов, Н. Д. Бут и др.; отв. ред. Ю. А. Тихомиров, Н. В. Субанова. 3-е изд. М.: Юридическая фирма Контракт, 2017. С. 400.
88. *Зорькин В. Д.* Апология Вестфальской системы // Россия в глобальной политике. 2004. № 3. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/apologiya-vestfalskoj-sistemy/?ysc-lid=lsg05ce3qo930370192> (дата обращения: 25.07.2023).
89. *Ильинская О. И.* Вопросы применения международных обычно-правовых норм // Журнал российского права. 2012. № 11. С. 114–125.

90. *Ирошников Д. В.* Определение понятий в правовой аргументации // Юридическая техника. 2013. № 7 (ч. 1). С. 133–136.
91. *Истомин И. А.* Россия как держава статус-кво. Защита институционального наследия в эпоху транзита // Россия в глобальной политике. 2020. № 1. С. 30–38.
92. История XIX века (1815–1847 гг.). Т. 3: Время реакции и конституционной монархии. Ч. 1 / под ред. Э. Лависс, А. Н. Рамбо, Е. В. Тарле. 2-е изд. М.: ОГИЗ, 1938. С. 651.
93. История международных отношений: в 3 т. / под ред. А. В. Торкунова, М. М. Наринского. 3-е изд. Т. 1: От Вестфальского мира до окончания Первой мировой войны / А. В. Ревякин, Н. Ю. Васильева. М.: Аспект Пресс, 2018. С. 400.
94. История международных отношений: в 3 т. / под ред. А. В. Торкунова, М. М. Наринского. 2-е изд. Т. 2: Межвоенный период и Вторая мировая война / А. Ю. Борисов, Н. Е. Клейменова, М. М. Наринский, А. Ю. Сидоров. М.: Аспект Пресс, 2018. С. 496.
95. История международных отношений: в 3 т. / под ред. А. В. Торкунова, М. М. Наринского. 2-е изд. Т. 3: Ялтинско-Потсдамская система / Ю. А. Дубинин, Б. Ф. Мартынов, М. М. Наринский, Т. В. Юрьева. М.: Аспект Пресс, 2018. С. 552.
96. *Казаков В. Н.* Правовой порядок в юридической теории и практике: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Мос. ун-т МВД России. М., 2003. С. 55.
97. *Казаринова Д. Б.* Холодная война и мир: «Россия против всех» и четыре мировых порядка Р. Саквы // Полис. Политические исследования. 2018. № 4. С. 177–184.
98. *Каламанов В. А.* Формирование новых глобальных «Правил игры»: роль России // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2016. № 1. С. 95–113.
99. *Камаров С. А.* Общая теория государства и права: учебник для бакалавриата и магистратуры. 9-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2018. С. 506.
100. *Камаровский Л. А.* Основные вопросы науки международного права // Ученые записки Императорского Московского Университета. Отдел юридический. М.: Университетская типография, 1895. Вып. 10. С. 1–201.
101. *Карпович О., Вальчинский А.* О современном миропорядке // Журнал Международная жизнь. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/33293> (дата обращения: 01.11.2023).
102. *Катков В. Д.* К анализу основных понятий юриспруденции. Харьков: Товарищество «Печатня С. П. Яковлева», 1903. С. 462.
103. *Кельзен Г.* Чистое учение о праве, справедливость и естественное право. СПб.: Алет-Пресс, 2015. С. 702.

104. Керимов А.Д., Халипова Е.В. О государственном суверенитете и грядущем миропорядке // Российский журнал правовых исследований. 2018. Т. 5. № 1 (14). С. 43–51.
105. Киссинджер Г. Мировой порядок. М.: АСТ, 2015. С. 511.
106. Киссинджер Г.А. Достигнем ли мы мирового порядка через хаос или понимание? // ИА REGNUM. 2014. URL: <https://regnum.ru/news/1866603?ysclid=lskeflz0ve656414062> (дата обращения: 22.08.2023).
107. Ковалева Т.М. Правотворчество международных организаций и его виды: монография. Калининград: Калинингр. гос. ун-т, 1999. С. 247.
108. Кожевников С.Н. Общая теория права: курс лекций. 2-е изд., перераб. и доп. Н. Новгород: ВГАВТ, 2010. С. 259.
109. Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право Российской Федерации. М.: Юристъ, 1996. С. 480.
110. Колосов Ю.М. Виды международно-правовых обычных норм в международном гуманитарном праве // Российский ежегодник международного права. Специальный выпуск. 2005. СПб.: Социально-коммерческая фирма «Россия-Нева», 2006. С. 17–21.
111. Комаров С.А. Общая теория государства и права: учебник для бакалавриата и магистратуры. 9-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2019. С. 506.
112. Комаров С.А., Малько А.В. Теория государства и права. М.: Норма, 2004. С. 283.
113. Коница Н.Ю. Черты современной геэкономике / Международные процессы. 2018. № 2. С. 186–196.
114. Кортунув А.В. Кризис миропорядка и будущее глобализации // Доклад РСМД. 27.08.2020. URL: <https://russiancouncil.ru/activity/publications/krizis-miroporyadka-i-budushchee-globalizatsii/?ysclid=lskei5z-0jg618761752> (дата обращения: 20.02.2021).
115. Кортунув А.В. Реставрация, реформация, революция? Сценарии мироустройства после российско-украинского конфликта: рабочая тетрадь № 66. Российский совет по международным делам (РСМД). М.: НП РСМД, 2022. С. 36.
116. Кортунув С.В. Крушение Вестфальской системы международных отношений и становление нового мирового порядка // Мировая политика / под общ. ред. С. В. Кортунова. М.: Изд. дом ГУ–ВШЭ, 2007. С. 75–117.
117. Кортунув С.В. Становление нового миропорядка // Международная жизнь. 2002. № 6. С. 77–94.
118. Косолапов Н.А. Нетрадиционный взгляд на механизм общественного развития // Вестник МГИМО. 2010. № 4. С. 203–211.
119. Котляревский С. Венский конгресс // Книга для чтения по истории нового времени. Т. IV. Ч. 1. История западной Европы. М.: Типография Товарищества И.Д. Сытина, 1913. С. 84–104. (744).

120. *Кривокапич Б. Д.* Мирное разрешение международных споров: монография / пер. с сербск. В. Симоновой. Самара: Изд-во Самарского университета, 2020. С. 592.
121. *Кузнецова А. В.* Справедливое мироустройство: Становление российской политики формирующегося незападного справедливого мироустройства XXI века через культуру патриотизма. М.: Книга и бизнес, 2011. С. 405.
122. *Курпьянов А. В.* «Вестфальский миф»: история и критика // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2019. № 3. С. 37–50.
123. *Курпьянов А. В.* «Вестфальский миф» и «вестфальский» суверенитет // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2019. № 4. С. 11–23.
124. Курс международного права: понятие и сущность современного международного права: в 6 т. Т. 1. М.: Наука, 1967. С. 284.
125. *Лавров С. В.* Мир на перепутье и система международных отношений будущего // Россия в глобальной политике. 2019. Т. 17. № 5. С. 28–38.
126. *Лавров С. В.* О праве, правах и правилах // Россия в глобальной политике. 2021. № 4. С. 8–20.
127. *Лагутина М. Л.* Глобальный регион как элемент мировой политической системы XXI века // Сравнительная политика. 2015. № 2 (19). С. 16–21.
128. *Лазарев М. И.* Теоретические вопросы современного международного морского права. М.: Наука, 1983. С. 301.
129. *Лебедева М. М.* Политическая система мира: проявления «внесистемности», или новые акторы — старые правила // «Приватизация» мировой политики: локальные действия — глобальные результаты. М.: Голден Би, 2008. С. 53–66.
130. *Лебедева М. М.* Окончание Первой мировой войны: формирование глобальных межгосударственных структур и мирополитических трендов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2019. Т. 12. Вып. 3. С. 264–275.
131. *Лебедева М. М.* Новый мировой порядок: параметры и возможные контуры // Полис. Политические исследования. 2020. № 4. С. 24–35.
132. *Левин Д. Б.* История международного права. М.: Изд-во ИМО, 1962. С. 136.
133. *Лист Ф.* Международное право в систематическом изложении. Юрьев: Типография К. Маттисена, 1912. С. 776.
134. *Лукашук И. И.* Международно-правовое регулирование международных отношений. М.: Международные отношения, 1975. С. 176.
135. *Лукашук И. И.* Нормы международного права в международной нормативной системе. М.: Спарк, 1997. С. 322.
136. *Лукин А. В.* Постбиполярный мир: мирное сосуществование или хаос // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. № 1. С. 17–29.

137. *Лукин А. Д.* Правопорядок как момент общественных отношений // Законность и правопорядок: взгляд сквозь века: сб. статей (Москва, 22 апреля 2021 г.). М.: Университет прокуратуры Рос. Федерации, 2021. С. 42–47.
138. *Мартенс Ф. Ф.* Современное международное право цивилизованных народов: в 2 т. Т. 1. М.: Зерцало, 2008. С. 209.
139. *Марченко М. Н.* Теория государства и права: учебник. М.: Проспект, 2016. С. 640.
140. *Матузов Н. И., Малько А. В.* Теория государства и права: учебник. 5-е изд. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2017. С. 528.
141. Мегатренды: Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке / под ред. Т. А. Шаклеиной, А. А. Байкова. 3-е изд., испр., доп. и перераб. М.: Аспект Пресс, 2021. С. 528.
142. Международное право: учебник для вузов: в 2 ч. / науч. ред.: А. Н. Вылегжанин, Е. Т. Загайнов, А. Я. Капустин, Б. И. Нефедов. Ч. 1. М.: Юрайт, 2021. С. 329.
143. Международный порядок: политико-правовые аспекты / Г. Х. Шахназаров, И. С. Андреева, Ю. М. Батурин и др.; под общ. ред. Г. Х. Шахназарова. М.: Наука, 1986. С. 232.
144. *Мизин В.* Новые контуры стратегической стабильности в глобальной многополярной конкуренции / Международные процессы, 2020. Т. 18. № 2 (61). С. 141–168.
145. Мировой порядок — время перемен: сборник статей / под ред. А. И. Соловьева, О. В. Гаман-Голутвиной. М.: Аспект Пресс, 2019. С. 375.
146. Мироустройство: мировоззрение, миропорядок: опыт гуманитарно-социологического исследования: коллективная монография / под ред. В. Н. Кузнецова. М.: Книга и бизнес, 2007. С. 679.
147. *Мовчан А. П.* Вклад ООН в укрепление международного правопорядка (к 40-летию ООН) // Правоведение. 1985. № 6. С. 21–31.
148. *Мовчан А. П.* Международный правопорядок. М.: Изд-во ИГиП РАН, 1996. С. 102.
149. *Мураметс О. Ф., Шамба Т. М.* Правопорядок в развитом социалистическом обществе. М.: Юрид. лит., 1979. С. 176.
150. *Мюллерсон Р. А.* Рецензия на книгу «Мировой океан и международное право: Основы современного правопорядка в Мировом океане» // Современное государство и право. 1988. № 6. С. 140–149.
151. *Мюллерсон Р. А.* Как либерализм вступил в конфликт с демократией // Россия в глобальной политике. 2020. Т. 18. № 5 (105). С. 43–59.
152. *Най Дж.* «Мягкая сила» и американско-европейские отношения // Свободная мысль — XXI. 2004. № 10. С. 33–41.
153. *Недбайло П. Е.* Применение советских правовых норм. М.: Госюриздат, 1960. С. 511.

154. *Неклесса А. И.* Рах есопотісана: геоекономіческа система миро-устройства // Экономическая наука современной России. 1999. № 1. С. 71–89.
155. *Нерсесянц В. С.* Общая теория права и государства. Учебник для юридических вузов и факультетов. М.: Норма, 2019. С. 560.
156. *Нефедов Б. И.* Катехизис аспиранта кафедры международного права: учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: МГИМО-Университет, 2022. С. 558.
157. *Нефедов Б. И.* Критика значения Вестфальского мира // Международные процессы. 2022. Т. 20. № 3 (70). С. 6–27.
158. *Нефедов Б. И.* Понятие мирового порядка: теории и реальность // Сравнительная политика. 2021. Т. 12. № 3. С. 22–31.
159. *Нефедов Б. И.* Понятие «правила» в доктрине «международного порядка, основанного на правилах» // Россия и современный мир. 2021. № 3. С. 6–21.
160. *Никитин А. И.* Современный миропорядок: его кризис и перспективы // Полис. Политические исследования. 2018. № 6. С. 32–47.
161. Общая теория государства и права: учебник / под ред. С. Ю. Наумова, А. С. Мордовца, Т. В. Касаевой. Саратов: Саратовский социально-экономический ин-т (фил.) РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2018. С. 391.
162. Общее учение о правовом порядке: восхождение правопорядка: монография. Т. 1 / Н. Н. Черногор, Д. А. Пашенцев, М. В. Залоило и др.; отв. ред. Н. Н. Черногор. М.: ИНФРА-М, 2019. С. 348.
163. *Орлов А. А.* «Астреин век». Великобритания, Россия и проблема нового мирового порядка в европейской политике первой половины XIX века (1815–1854 гг.): монография. М.: МПГУ, 2019. С. 304.
164. *Орлова Л. А.* Право и правила игры: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Н. Новгород, 2011. С. 288.
165. *Оппенгейм Л.* Международное право. Т. 1. Полутом 1 / пер. с англ. М.: Иностранная литература, 1948. С. 407.
166. *Панченко М. Ю.* Международный порядок: сущность и механизмы // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. 2008. № 9. С. 68–77.
167. *Пантин В. И., Лапкин В. В.* Трансформации политических пространств в условиях перехода к полицентричному миропорядку // Полис. Политические исследования. 2018. № 6. С. 47–66.
168. *Плахов В. Д.* Социальные нормы. Философские основания общей теории. М.: Мысль, 1985. С. 253.
169. *Поляков А. В.* Общая теория права: курс лекций. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. С. 642.
170. *Поляков А. В., Тимошина Е. В.* Общая теория права: учебник. 3-е изд. СПб.: СПбГУ, 2017. С. 468.

171. *Поцелуева А.* Вестфальская система международных отношений: описание, история и интересные факты // SYL.ru. 2017. 13 нояб. URL: <https://www.syl.ru/article/356635/vest-falskaya-sistema-mejdunarodnyih-otnoshe-niy-opisanie-istoriya-i-inte-resnyie-fakty?ysclid=lbq550t5zn42-5088131> (дата обращения: 24.07.2023).
172. Право международных организаций: учебник / под ред. И. П. Блищенко, А. Х. Абашидзе. М.: РУДН, 2013. С. 597.
173. Правопорядок: организационно-правовое обеспечение в Российской Федерации. Теоретическое административно-правовое исследование: монография / Ю. Е. Аврутин, В. Я. Кикоть, И. И. Сыдорук. М.: Закон и право; Юнити-Дана, 2003. С. 456.
174. Проблемы теории государства и права: учебное пособие для юридических вузов / под ред. С. С. Алексеева. М.: Юрид. литература, 1979. С. 391.
175. *Рабинович П. М.* Упрочение законности — закономерность социализма. Львов: Вища шк., 1975. С. 260.
176. *Радько Т. Н.* Теория государства и права: учебник. 2-е изд. М.: Проспект, 2010. С. 744.
177. *Робинсон П.* Почему «порядок, основанной на правилах» ведет к недоверию / Одни понятия, разный смысл // Россия в глобальной политике. 2018. 2 июля. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/odni-ponyatiya-raznyj-smysl/?ysclid=lskerqeiuu747642678> (дата обращения: 14.07.2023).
178. *Романова Ю. В.* Национально-государственный суверенитет и международный порядок // Вестник Челябинского государственного университета. Право. 2009. № 15 (153). С. 47–50.
179. *Ру Ж.* Великие цивилизации Междуречья. Древняя Месопотамия: Царства Шумер, Аккад, Вавилония и Ассирия. 2700–100 гг. до н. э. / пер. с англ. А. Б. Давыдовой. М.: Центрполиграф, 2003. С. 446.
180. *Рябов А. В.* Формирующийся миропорядок: опыт теоретического осмысления // Мировая экономика и международные отношения. 2022. Т. 66. № 2. С. 112–122.
181. *Садовая Е. С., Сауткина В. А.* Трансформация мироустройства и конфликтный потенциал современных обществ // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 11. С. 103–112.
182. *Самощенко И. С.* Понятие правонарушения по советскому законодательству. М.: Юрид. лит., 1963. С. 286.
183. *Сафонов В. Е.* Вестфальский трактат 1648 года и его влияние на формирование принципов международного права // Гражданин. Выборы. Власть. 2021. № 2. С. 110–117.
184. *Сафранчук И. А., Лукьянов Ф. А.* Современный мировой порядок: структурные реалии и соперничество великих держав // Полис. Политические исследования. 2021. № 3. С. 57–76.

185. *Сафранчук И. А., Лукьянов Ф. А.* Современный мировой порядок: адаптация акторов к структурным реалиям // Полис. Политические исследования. 2021. № 4. С. 14–25.
186. *Саямов Ю. Н.* Вестфальский мир и его принципы вчера и сегодня // Век глобализации. 2018. № 3 (27). С. 95–105.
187. *Свинин Е. В.* Законность и необходимость как идеи правопорядка: монография. Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2017. С. 163.
188. *Свинин Е. В.* К вопросу о природе правопорядка и направлениях его укрепления // Пенитенциарная наука. 2016. № 4 (36). С. 48–52.
189. *Сергеев Е. Ю.* Версальско-Вашингтонская система международных отношений // Всемирная история: в 6 т. Т. 6 / под ред. А. О. Чубарьян. Мир в XX веке: эпоха глобальных трансформаций. Кн. 1. М.: Наука, 2017. С. 309–346.
190. *Сидоров А. А.* Бреттон-Вудская конференция и строительство послевоенного мирового порядка // Вестник Московского ун-та. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика. 2014. № 4. С. 140–184.
191. *Синякин И. И., Скуратова А. Ю.* Нормы *jus cogens*: исторический аспект и современное значение для международного права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. Вып. 41. С. 526–545.
192. *Сирота Н. М.* Мировой порядок: монография. СПб.: Знание, 2008. С. 158.
193. *Сирота Н. М.* Понятие «мировой порядок» в современном теоретическом дискурсе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 3 (29): в 2 ч. Ч. II. С. 177–181.
194. *Сирота Н. М., Мохоров Г. А., Хомелева Р. А.* Категория «мировой порядок»: опыт теоретического осмысления // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2022. № 1 (35). С. 60–74.
195. *Сирота Н. М., Мохоров Г. А.* Мировой порядок: генезис понятия и современные реалии // Клио. 2022. № 8 (188). С. 155–165.
196. *Скакун О. Ф.* Теория государства и права: учебник. Харьков: Консум, 2000. С. 704.
197. *Скриба А. С., Тихонов С. В.* Поствестфальский мир и российско-европейские отношения: в поисках нового баланса сил // Актуальные проблемы Европы. 2017. № 1. С. 84–103.
198. *Смбатян А. С.* Эволюция международного правопорядка: универсализация или фрагментация? // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2013. № 6. С. 48–58.
199. *Соколова С. Ю.* Социология международных отношений: лекции. Владимир: Изд-во Владим. гос. ун-та, 2006. С. 65–68.

200. *Соколов Ю. А.* Участие трудящихся в охране советского общественного порядка. М.: Госюриздат, 1962. С. 170.
201. *Соловьева А. Д.* Международный правопорядок: понятие и сущность (теоретико-правовой аспект) // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 8. С. 20–23.
202. *Солянова М. В.* Проблема мирового порядка в современных западных исследованиях // Вестник МГИМО Университета. 2016. № 5 (50). С. 34–47.
203. *Спасенников Б. А.* Теория государства и права: курс лекций М.: Флинта, 2013. С. 290.
204. *Степанов А. В.* Правопорядок: понятие, анализ точек зрения. Миграционный правопорядок как один из видов правопорядка // Вестник Владимирского юридического института. 2014. № 4 (33). С. 186–191.
205. Стратегический доклад Пентагона от 1 июня 2019 г. «Индо-Тихоокеанский регион. Готовность, партнерство и содействие региональной сети» // URL: <https://eodaily.com/ru/news/2019/06/13/strategiya-ssha-v-indo-tihookeanskom-regione-doklad-pentagona> (дата обращения: 04.02.2020).
206. *Стрежнева М. В.* Приверженность Евросоюза принципу многосторонности в условиях трансформации мирового порядка // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2016. Т. 8. № 2. С. 3–30.
207. *Строгович М. С.* Социалистическая законность, правопорядок и применение советского права. М.: Мысль, 1966. С. 64.
208. *Стручков Н. А.* Советская исправительно-трудовая политика и ее роль в борьбе с преступностью. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1970. С. 271.
209. Субъекты современного международного права: монография / О. И. Тиунов, В. Р. Авхадеев, С. Б. Бальхаева, В. С. Павловский и др. М.: ИНФРА-М, 2023. С. 184.
210. *Сухарев Ю. А.* Перспективы современного «мироустройства» в контексте глобальных культурных трансформаций // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. № 9 (801). С. 386–402.
211. *Сыдорук И. И.* Государственно-правовое обеспечение правопорядка в Российской Федерации: теоретико-прикладные проблемы: монография. М.: Юнити-Дана, 2003. С. 245.
212. *Сырых В. М.* Теория государства и права: учебник. М.: Былина, 1998. С. 512.
213. *Таубе М.* История зарождения современного международного права (Средние века). Т. 1: Введение и Часть Общая. СПб.: Типо-Литография П. И. Шмидта, 1894. С. 370.

214. *Тело М.* Регионализм в сложные времена. Конкурентные и постлиберальные тенденции в Европе, Азии, Африке и в Северной и Южной Америке. Лондон; Нью-Йорк: Раутледж, 2017. С. 86.
215. Теория государства и права: учебник для вузов / под ред. В. К. Бабаева. 4-е изд. М.: Юрайт, 2019. С. 582.
216. Теория и методология истории: учебник для вузов / В. В. Алексеев, Н. Н. Крадин и др.; отв. ред. В. В. Алексеев и др. Волгоград: Учитель, 2014. С. 504.
217. Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. М.: Юристъ, 2001. С. 776.
218. Теория права и государства: учебник / В. С. Афанасьев, А. Г. Братко, В. Н. Бутылин и др.; под ред. В. В. Лазарева. М.: Право и Закон, 1996. С. 424.
219. *Тешке Б.* Миф о 1648 годе: класс, геополитика и создание современных международных отношений. М.: Изд. дом Гос. ун-та. Высшая школа экономики, 2011. С. 416.
220. *Тимошенко И. В.* Теория государства и права: учебник. Ростов-на-Дону: МарТ, 2002. С. 507.
221. *Тихомиров Ю. А.* Теория закона. М.: Наука, 1982. С. 257.
222. *Третьякова Е. С.* Основные конгрессы и конференции XIX века и их роль в развитии международного права // Вестник академии права и управления. 2016. № 1(42). С. 41–47.
223. *Третьякова Е. С.* Управленческие аспекты юридического оформления процесса формирования системы международных межгосударственных отношений (XVII–XIX) // Вопросы управления. 2014. № 4 (10). С. 197–202.
224. *Торкунов А. В.* Современные международные отношения. М.: РОССПЭН, 1999. С. 584.
225. *Троекуров Н. Е.* Верховенство права в современных международных отношениях: монография. М.: Научная книга, 2006. С. 88.
226. *Тункин Г. И.* Теория Международного права. М.: Зерцало, 1970. С. 416.
227. *Тункин Г. И.* Особенности создания обычных норм международного права // Курс международного права: в 7 т. Т. 1. М.: Наука, 1989. С. 189–220.
228. *Тюрина Н. Е.* Международный правопорядок (современные проекты совершенствования преобразования). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1991. С. 93.
229. *Унтилова И. Л.* Концепт «Новый мировой порядок» в современной политологии // Terra Linguistica. 2012. № 148. С. 114–117.
230. *Фархутдинов И. З.* Доктрина о вестфальской мирной системе: мифы и реалии // Евразийский юридический журнал. 2019. № 6 (133). С. 21–31.

231. *Фархутдинов И. З.* Утрехтский мирный договор: начало или конец Вестфалья? Опыт доктринального исследования проблем формирования современной модели международных отношений в контексте развития международного права // Евразийский юридический журнал. 2019. № 7 (134). С. 23–39.
232. *Фененко А. В.* История международных отношений: 1648–1945: учеб. пособие. М.: Аспект Пресс, 2018. С. 783.
233. *Фердросс А.* Международное право. М.: Иностранная литература, 1959. С. 652.
234. *Фельдман Д., Барабанов О.* Если Вестфаль и болен, то этот больной скорее жив, чем мертв... // Международные процессы. 2007. Т. 5. № 3. С. 104–113.
235. *Фолькер Р.* История Швейцарии / пер. с нем. М.: Весь мир, 2013. С. 144.
236. *Хазин А. Л., Богданов С. В.* Венский конгресс 1814–1815 годов и его участники: коммуникативные инструменты, ошибки, достижения // Государственное управление. 2013. № 40. С. 237–271.
237. *Хмелевская Н. Г.* Доминанты реформы МВФ в контексте трансформации глобального финансового миропорядка // Финансы и кредит. 2009. № 27 (363). С. 14–26.
238. *Холиков И. В., Конуров А. И.* Международно-правовые и военно-политические вопросы современного мироустройства // Вестник Академии военных наук. 2015. № 4 (53). С. 7–18.
239. *Цыганков П. А.* Исследование проблем миропорядка: теоретические трудности, расхождения трактовок // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 41. С. 194–202.
240. *Цыганков П. А.* Теория международных отношений: учебное пособие. М.: Гардарики, 2005. С. 590.
241. *Цыганков П. А.* Политическая социология международных отношений: учеб. пособие. М.: Радикс, 1994. С. 318.
242. *Черданцев А. Ф.* Теория государства и права. М.: Юрайт, 1999. С. 429.
243. *Чертova Н. А., Еришова И. В.* Теория государства и права: учеб. пособие. Архангельск: САФУ, 2021. С. 151.
244. *Честнов И. Л.* Постклассическая теория права: монография. СПб.: АЛЕФ-Пресс, 2012. С. 650.
245. *Шаклеина Т.* «Дилемма Америки» в формировании современного мирового порядка Результаты действий США и формирование «Евразийского центра» // Международные процессы. 2019. Т. 17. № 4 (59). С. 36–48.
246. *Шахалилов Ш. Ш.* Мировой порядок: проблемы трансформации // Международная жизнь. 2016. № 9. С. 111–128.
247. *Шахназаров Г. Х.* Грядущий миропорядок. М.: Международные отношения, 1988. С. 215.

248. *Шефрукова С. Т.* Категории общественный порядок и правопорядок в истории отечественной политико-правовой мысли. Майкоп: Издательство Григоренко А. А., 2010. С. 68.
249. *Шепелев А. Н.* Вопросы языка права // Вестник Тамбовского университета. Институт права. Ч. 2: 1994–2009. Приложение к журналу. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009. С. 79–89.
250. *Шеринев И. Л.* Формирование нового мирового порядка в эпоху глобализации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2012. № 635. С. 139–149.
251. *Шмаков Р. В.* Теоретико-правовые аспекты соотношения международного правопорядка и наднационального права // Современное право. 2013. № 12. С. 138–142.
252. Экс-посол США на Украине Уильям Тейлор объяснил Помпео, что США должны сделать для Украины // Диалог. UA. 2020. 29 янв.
253. *Эллисон Г.* Миф о либеральном порядке // Россия в глобальной политике. 2018. Т. 16. № 4. С. 174–184.
254. *Энтин М., Энтина Е.* От мирового либерального порядка к нормализации международных отношений // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. № 12. С. 5–17.
255. *Юнглоуд В. Т.* Мировой порядок 1945 г. — процесс с «открытым» продолжением // Вестник МГИМО-Университета. 2020. № 13 (4). С. 52–79.
256. *Явич Л. С.* Социалистический правопорядок. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1972. С. 78.
257. *Явич Л. С.* Сущность права. Социально-философское понимание генезиса, развития и функционирования юридической формы общественных отношений. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1985. С. 207.
258. *Ясперс К.* Истоки истории и ее цель: в 2 вып. Вып. 2. М.: ИНИОН, 1991. С. 215.

Литература на иностранных языках

1. *Allison R.* Russian Revisionism, Legal Discourse and the «Rules-Based» International Order // Europe-Asia Studies. 2020. Vol. 72. № 6. P. 976–995.
2. *Annan K. A.* A Rule-Based System // Harvard Magazine. July-august 2004.
3. *Annan K. A.* Towards a More Harmonious World Order // Kofi Annan Foundation. URL: Kofi Annan Foundation. URL: <https://www.kofiannanfoundation.org/speeches/towards-a-more-harmonious-world-order-kofi-annan-at-peking-university/> (дата обращения: 24.07.2023).
4. *Bisley N.* Australia's rules-based international order // Australian Institute of International Affairs. Australian Outlook. 27 jul 2018.
5. *Brierly J.* The Law of Nations. An introduction to the International Law of Peace. Oxford: Clarendon Press, 1963.
6. *Brzezinski Z.* Second Chance: Three Presidents and the Crisis of American Superpower. N. Y.: Basic Book, 2007. P. 240.

7. *Bodin J.* Les six livres de la Republique, liv. I–III. Paris, Fayard, 1986. P. 833.
8. *Bull H.* The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics. New York: Columbia University Press, 2002. P. 329.
9. *Bull H.* The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics. London: Macmillan, 1977.
10. *Bull H.* International Theory: The Case for a Classical Approach // World Politics. 1966. Vol. 18. № 3. P. 361–377.
11. *Cassese A.* International Law in a Divided World. Oxford: Clarendon Press., 1986. P. 429.
12. *Chalmers M.* Which Rules? Why There is No Single «Rules-Based International System» / Royal United Service Institute for Defence and Security Studies // Occasional Paper. 2019. April. P. 1–52.
13. *Chesterman S.* Who Needs Rules? — The Prospects of a Rules-Based International System // Discussion Paper Based on Panel 2 of the series «The Role of the Security Council in Strengthening a Rules-Based International System». P. 1–11. URL: https://www.researchgate.net/publication/30505404_The_UN_Security_Council_and_the_Rule_of_Law (дата обращения: 24.07.2023).
14. *Cleary S.* A Rules-based international Order in the Present Era // Conference: Multilateralism and Sustainable Development: Imperial Springs International Forum 2019. Guangzhou, PRC. URL: <https://clubmadrid.org/wp-content/uploads/2022/04/AF-ISIF-2019-DIGITAL.pdf> (дата обращения: 24.07.2023).
15. *Condorelli L.* Custom // International Law: Achievements and Prospects. Dordrecht: Nijhoff, 1991. P. 179–212.
16. *Cox R.* Social forces, states, and world orders: Beyond international relations theory // Millennium — Journal of International Studies. 1981. Vol. 10. № 2. P. 126–155.
17. *Croxton D.* The Peace of Westphalia of 1648 and the Origins of Sovereignty // The International History Review. 1999. Vol. 21. № 3. P. 569–591.
18. *Duchhardt H.* Der wiener kongress. Die neugestaltung europas 1814/1815. München: C. H. Beck, 2013. P. 128.
19. *Elrod R. B.* The Concert of Europe: A Fresh Look at the International System // World Politics. 1976. Vol. 28. №. 2. P. 159–174.
20. *Falk R. A.* An Approach to the World Order Studies and the World System. N. Y.: World Order Models Project, 1982.
21. *Fischer-Lescano A., Teubner G.* Regime-Collisions: The Vain Search for Legal Unity in the Fragmentation of Global Law // Michigan Journal International. 2004. Vol. 25. P. 999–1046.
22. *Franck T. M.* The Power of Legitimacy Among Nations. Oxford: Oxford University Press, 1990. P. 303.
23. *Frank A. G., Gills B. K.* (ed.) The world system: five hundred years or five thousand? London; New York: Routledge, 1993. P. 320.

24. *Finkelstein L. S.* Book reviews and notes: Negotiating World order: The Artisanship and Architecture of Global Diplomacy. Wilmington, 1986 // *American Journal of International Law*. 1988. Vol. 82. № 2. P. 400.
25. *Fischer-Lescano A., Teubner G.* Regime-Collisions: The Vein Search for Legal Unity in the Fragmentation of Global Law // *Michigan Journal of International Law*. 2004. Vol. 25. P. 999–1046.
26. *Fukuyama F.* State-Building. Governance and World Order in the Twenty-First Century. L.: Profile Book, 2005. P. 137.
27. *Grinin L., Korotayev A., Issaev L., Shishkina A., Ivanov Y., Meshcherina K.* World order transformation and sociopolitical destabilization. Basic research program. Working papers series: International Relations // *Political Anthropology Journal*. 2017. P. 1–35.
28. Globalization and World Order. Conference Report / Royal Institute of International Affairs. London, 2014. P. 20.
29. *Groff M., Larik J.* Strengthening the Rules-based global order. The Case for an International Rule of Law Package // UN75 Global Governance Innovation Perspectives. September 2020. URL: <https://www.stimson.org/2020/strengthening-the-rules-based-global-order-the-case-for-an-international-rule-of-law-package/> (дата обращения: 24.07.2023).
30. *Gross L.* The Peace of Westphalia, 1648–1948 // *The American Journal of International Law*. 1948. Vol. 42. № 1. P. 20–41.
31. *Guggenheim P.* Traite de Droit international public. (Avec mention de la pratique internationale et Suisse). Vol. 1. 2nd edition revised and augmented. Geneve: Georg et Cie S.A., 1967. P. xxxi, 352.
32. *Hall I., Heazle M.* The Rules-Based order in the Indo-Pacific: Opportunities and Challenges for Australia, India and Japan // *Regional Outlook Paper*, Griffith University. 2017. №. 50. URL: https://www.researchgate.net/publication/317008750_The_Rules-Based_Order_in_the_Indo-Pacific_Opportunities_and_Challenges_for_Australia_India_and_Japan (дата обращения: 24.07.2023).
33. *Hakimi M.* Constructing an International Community // *American Journal of International Law*. 2017. Vol. III. Issue 2. P. 317–356.
34. *Harris P.* Losithe International Order: Westphalia, Liberalism and Current World Crises // *The National Interest*. 2015. November. URL: <https://blurbssite.wordpress.com/2015/11/10/-losing-the-international-order-westphalia-liberalism-and-current-world-crises/> (дата обращения: 24.07.2023).
35. *Henig R.* Versailles and After, 1919–1933. 2nd ed. London: Routledge, 1995. P. 100.
36. *Hertslet E.* The Map of Europe by Treaty: Political and Territorial Changes Since the General Peace of 1814. Vol. 1. London: Butterworths, 1875. P. 776.
37. *Hoffman S.* Primacy of World Order: American Foreign Policy since the Cold War. New York: McGraw-Hill book co., 1980. XV. P. 331.

38. *Hosoya Y.* Defending the Liberal International Order: The UK–Japan Partnership in an Uncertain World // Chatham House — International Affairs Think Tank. URL: <https://www.chathamhouse.-org/2019/05/uk-and-japan/defending-liberal-international-order-uk-japan-partnership-uncertain-world> (дата обращения: 24.07.2023).
39. *Ikejiaku B.* International Law is Western Made Global Law: The Perception of Third-World Category // African Journal of Legal Studies. 2014. Vol. 6 (2–3). P. 337–356.
40. *Ikenberry J.* After Victory. Institutions, Strategic Restraint and the Rebuilding of Order after Major Wars. Princeton: Princeton University Press, 2001. P. 293.
41. *Ikenberry J. G.* The Liberal International Order and its Discontents // Journal of International Studies. 2010. № 3 (38). P. 509–521.
42. *Ikenberry G. J.* Future of Liberal World Order // Japanese Journal of Political Science. V. 16. Issue 3. 2015. P. 450–455.
43. International Law Commission: Annual Report of the International Law Commission Seventy-first session (29 April — 7 June and 8 July — 9 August 2019). P. 171–247.
44. *Jenks W.* The Prospects of International Adjudication. London: Stevens, 1964. P. 805.
45. *Jones B., Wright Th., Shapiro J., Keane R.* The State of World Order // Brookings Policy Paper. 2014. № 33. P. 37.
46. *Jorgensen M.* International Law Cannot Save the Rules-Based Order // The Interpreter. 2018. 18 Dec. URL: https://www.realcleardefense.com/articles/2018/12/18/international_law_cannot_save_the_rules-based_order_114046.html (дата обращения: 24.07.2023).
47. *Kelsen H.* Principles of international law / Rev. and ed. R. Tucker. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1966. P. 602.
48. *Kennedy D.* The Sources of International Law, Articles on international law sources // American University International Law Review Journal. 1987. Vol. 2. P. 97. URL: <https://dash.harvard.-edu/bitstream-/handle/-1/13548459/The%-20-Sources%20of%20International%20Law.pdf?-sequence=1&isAllowed=y> (дата обращения: 25.07.2023).
49. *King D.* Vienna, 1814: how the conquerors of Napoleon made love, war, and peace at the Congress of Vienna. New York: Harmony Books, 2008. P. 412.
50. *Kirk R.* The roots of American order. La Salle III: Open Court, 1974. P. xvi, 534.
51. *Kissinger H. A.* Kissinger’s Vision for U. S. — Russia Relations // Geopolitika.ru URL: https://www.geopolitika.ru/en/article/kissingers-vision-us-russia-relations?ysclid=lskgsi38135311928&utm_referrer=https%3a%2f%2fyandex.ru%2f (дата обращения: 20.03.2022).
52. Kofi Annan dies at 80, gaining wide tributes from UN, European leaders // inform.kz. 19 August 2018. URL: <https://en.inform.kz/news/kofi-annan-dies-at-80-gaining-wide-tributes-from-un-european->

- leaders_a3360479/?ysclid=ls7кепугtd95480263 (дата обращения: 24.07.2023).
53. *Kolb R.* The formal source of jus cogens in public international law // *Zeitschrift für öffentliches Recht.* 1998. Vol. 53. P. 69–105.
 54. *Koskeniemi M.* Lauterpacht: The Victorian Tradition in International Law // *European Journal of International Law.* 1997. Vol. 8. P. 215–263.
 55. *Koskeniemi M.* From Apology to Utopia: The Structure of International Legal Argument. Helsinki: Lakimiesliiton kustannus, 1989. P. 550.
 56. *Koskeniemi M.* Imagining the Rule of Law: Rereading the Grotian «Tradition» // *The European Journal of International Law.* 2019. Vol. 30 (1). P. 17–52.
 57. *Krasner S.D.* Westphalia and All That // *Ideas and Foreign Policy: Beliefs, Institutions and Political Change / Series: Cornell Studies in Political Economy.* London: Cornell University Press, 1993. P. 235–264.
 58. *Krieger H., Nolte G.* The International Rule of Law — Rise or Decline? Points of Departure // *KFG Working Paper Series.* 2016. October. No. 1. URL: <https://www.kfg-intlaw.de/PDF-ftp-Ordner/KFG%20Working%20Paper%20No.%201.pdf> (дата обращения: 24.07.2023).
 59. *Krisch N.* The Case for Pluralism in Postnational Law // *LSE Law, Society and Economy Working Papers.* 12.2009 / London School of Economics and Political Science Law Department. URL: https://eprints.lse.ac.uk/24561/1/WPS2009-12_Krisch.pdf (дата обращения: 24.07.2023).
 60. *Kroenig M., Cimmino J.* Global Strategy 2021: An Allied Strategy for China. Scowcroft Center For Strategy And Security, Washington: Atlantic Council, 2020. P. 83.
 61. *Laatikainen K.V.* EU multilateralism in a multipolar world // *Routledge Handbook on the European Union and International Institutions.* London: Routledge, 2012. P. 472–487.
 62. *Lascorettes K.* The Concert of Europe and Great-Power Governance Today: What Can the Order of 19th-Century Europe Teach Policymakers About International Order in the 21st Century? / RAND Corporation. 2017 // JSTOR. URL: <https://koziej.pl/kyle-lascorettes-the-concert-of-europe-and-great-power-governance-today-what-can-the-order-of-19th-century-europe-teach-policymakers-about-international-order-in-the-21st-century-santa-monica-ca/> (дата обращения: 04.07.2023).
 63. *Lauterpacht H.* Functions of Law, The Function of Law in the International Community. New Jersey: The Lawbook Exchange Ltd., 2000. P. 438.
 64. *Lauterpacht H.* International Law: Collected Papers of Hersch Lauterpacht. Vol. 1. The General Works. Cambridge: Cambridge University Press, 1970. P. 539.
 65. *Lazarou E.* The future of multilateralism. Crisis or opportunity? // *European Parliamentary Research Service. Briefing.* May 2017. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2017/603922/EPRS_BRI\(2017\)603922_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2017/603922/EPRS_BRI(2017)603922_EN.pdf) (дата обращения: 24.07.2023).

66. *Lesaffer R.* Peace treaties from Lodi to Westphalia / Peace Treaties and International Law in European History: From the Late Middle Ages to World War One. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 9–44.
67. *Lesaffer R.* The non-Westphalian Peace // Oxford Public International Law (OPIL). 2014. URL: <https://blog.oup.com/2014/10/non-westphalian-peace/> (дата обращения: 24.07.2023).
68. *Lyon P.* New states and international order // The basis of international order. London; New York: Oxford University Press, 1973. P. 218.
69. *MacMillan M.* Peacemakers: Six Months that Changed the World. New ed. London: John Murray, 2003. P. 574.
70. *Manfred F. B., Feldman G. D., Glaser E.* The Treaty of Versailles: A Reassessment After 75 Years. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 694.
71. *Martel S.* Unpacking the «„Crisis“ of the „Rules-Based International Order“»: Competing Hero Narratives and Indo-Pacific Alternatives / Defence and Security Foresight Group // Working Paper. July 2020. P. 1–20.
72. *Mazarr M. J., Priebe M., Radin A., Cevallos A. S.* Understanding the current international order // A Rand Project to explore US Strategy in a Changing World. Santa Monica, Calif: RAND Corporation, 2016. P. 64. URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR1598.html (дата обращения: 24.07.2023).
73. *Mazarr M.* The Once and Future Order. What Comes After Hegemony? // Foreign Affairs. 2017. Vol. 96. № 1. P. 34–40.
74. *Mazarr M., Priebe M., Radin A., Cevallos A., Ready K., Rothenberg A., Thompson J., Willcox J.* Measuring the Health of the Liberal International Order. Santa Monica, Calif.: RAND Corporation, 2017. P. 202.
75. *Mearsheimer J. J.* Bound to Fail. The Rise and Fall of the Liberal International Order // International Security. 2019. № 43 (4). P. 7–50.
76. *Miller L. H.* Global Order. Values and Power in International Politics. Boulder, San Francisco, Oxford: Westview, 1994. P. 269.
77. *Morgenthau H. J.* Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace. New York: Alfred Knopf, 1948. P. 650.
78. *Mosler H.* The International Society as a Legal Community. Alphen an den Rijn, Germantown: Sijthoff & Noordhoff, 1980. P. xix, 327.
79. *Murphy P.* The Rules-Based Multilateral Order A Rethink is Needed // The Washington International Trade Association (WITA Academ). ATP research. 03.02.2020. URL: <https://www.iiea.com/publications/the-rules-based-multilateral-order-a-rethink-is-needed> (дата обращения: 24.07.2023).
80. Negotiating World Order: The Artisanship and Architecture of Global Diplomacy / Edited by Alan K. Henrikson. Wilmington: Scholarly Resources Inc., 1986. P. 265.
81. *Ng J.* Unpacking the «Rules-Based Order» // RSIS (Rajaratnam School of International Studies) Commentary. 2019. 12 March. URL: <https://www.rsis.edu.sg/rsis-publication/cms/unpacking-the-rules-based-order/> (дата обращения: 24.07.2023).

82. *Nye J. Jr.* Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs, 2004. P. 191.
83. *Nye J. S.* Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. New York: Basic Books, 1990. P. 261.
84. *Nye J. S.* Will the Liberal Order Survive? The History of an Idea // Foreign Affairs. 2017. Vol. 96. Issue 1. P. 10–16.
85. *Nye J. S.* What new world order? // Foreign Affairs. 1992. Vol. 71. № 84. P. 83–96.
86. *O'Connell D. P.* International Law: Two vol. Vol. I. London: Stevens and Sons Ltd., 1965. P. 651.
87. *Osiander A.* Sovereignty, International Relations, and the Westphalian Myth // International Organization. 2001. Vol. 55. Issue 2. P. 251–287.
88. *Petrovich-Belkin O. K., Eremin A. A., Bokeriya S. A.* The decline of Russia's influence in the post-Soviet region and the reasons behind it // Сравнительная политика. 2019. № 3. С. 95–104.
89. *Porter P.* Sorry, Folks. There Is No Rules-Based World Order // The National Interest 28.08.2016. URL: <https://doingadvancework.blogspot.com/2018/07/sorry-folks-there-is-no-rules-based.html> (дата обращения: 24.07.2023).
90. *Price M.* Norm erosion and Australia's challenge to the Rules-based Order // Australian Journal of International Affairs. 2021. № 5 (75). P. 1–17.
91. *Ranke L.* Die großen Mächte. Politisches Gespräch (mit einem Nachwort von Theodor Schieder). Göttingen: Vandenhurk+&, 1963. P. 219.
92. *Raymond G., Nasu H., Seng Tan S., McLaughlin R. et al.* Prospects for the Rules-Based Global Order / Australian National University. Strategic and Defence Studies Centre, 2017. P. 25.
93. *Rembault A.* Recueil des instructions donnees aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traits de Westfallie jusqu'a Revolution francaise, v. Russie, livre premier. Paris: Felix Alcan Editeur, 1890. P. 500.
94. *Remler Ph.* Russia at the United Nations: Law, Sovereignty, and Legitimacy // Carnegie Endowment for International Peace. January 2020. URL: https://um.fi/documents/35732/0/Carnegie_Russia+at+the+United+Nations+-+Law%2C+Sovereignty%2C+and+Legitimacy.pdf/f13a1ee8-5e43-d382-10d6-773fe225c83b?t=1598598119308 (дата обращения: 24.07.2023).
95. *Reyes A.* Whose rules-based international order is it anyway. 2019 // Asia Global Online Journal. 22.08.2019. URL: <https://www.asiaglobalonline.hku.hk/whose-rules-based-international-order-is-it-anyway> (дата обращения: 24.07.2023).
96. *Sakwa R.* Russia Against the Rest. The Post-Cold War Crisis of World Order. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. P. 362.
97. *Schachter O.* The Invisible College of International Lawyers // Northwestern University Law Review. 1977. Vol. 72. № 2. P. 217–226.

98. *Schroeder P. W.* Austria, Great Britain, and the Crimean War: The Destruction of the European Concert, Ithaca. N. Y.: Cornell University Press, 1972. P. 409.
99. *Scott B., Nyst M., Roggeveen S.* Australia's security and the Rules-Based Order. Tracking decade of policy evolution // Lowy Institute. URL: <https://interactives.lowyinstitute.org/features/rules-based-order/> (дата обращения: 21.07.2023.).
100. *Scott B.* But what does «rules-based order» mean? // Real Clear World. URL: https://www.realclearworld.com/2020/11/03/but_what_does_rules-based_order_mean_582858.html#! (дата обращения: 24.07.2023).
101. *Scott Sh.* In Defense of the International Law-Based Order // Australian Institute of International Affairs. Australian Outlook. 7 jun 2018. URL: <https://www.internationalaffairs.org.au/australianoutlook-/in-defense-of-the-international-law-based-order/> (дата обращения: 24.07.2023).
102. *Scott Sh.* The Decline of International Law as a Normative Ideal // Victoria University of Wellington Law Review. 2018. Vol. 49 (4). P. 627–644.
103. *Sellars K.* Rules or Law? Kenneth Bailey and the Law of the Sea // Australian Institute of International Affairs. Australian Outlook. 26 jul 2018. URL: <https://www.internationalaffairs.org.au/australianoutlook/-rules-or-law-kenneth-bailey-and-the-law-of-the-sea/> (дата обращения: 24.07.2023).
104. *Shetler-Jones P.* Welcome to the new deal-based order // World Economic Forum. 8 sep 2017. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2017/09/welcome-to-the-new-deal-based-order/> (дата обращения: 24.07.2023).
105. *Schwarzenberger G.* International Law as Applied by International Courts and Tribunals. London: Stevens & Sons Ltd., 1968. P. 881.
106. *Scott Sh.* The Decline of International Law as a Normative Ideal // Victoria University of Wellington Law Review. 2018. Vol. 49 (4). P. 627–644.
107. *Scott Sh.* In Defence of the International Law-Based Order // Australian Institute of International Affairs. Australian Outlook. 7 jun 2018. URL: <https://www.internationalaffairs.org.au/australianoutlook-/in-defense-of-the-international-law-based-order/> (дата обращения: 24.07.2023).
108. *Slaughter A.-M.* A New World Order. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2005. P. 368.
109. *Smith L. V.* Sovereignty at the Paris Peace Conference of 1919. Oxford: Oxford University Press, 2018. P. 304.
110. *Soutou G.-H.* Was There a European Order in the Twentieth Century? From the Concert of Europe to the End of the Cold War // Cambridge University Press. 2000. Vol. 9. № 3. P. 329–353.
111. *Speck U.* The Crisis of Liberal Order // The American Interest. 2016. September 12. URL: <https://www.the-american-interest.com/2016/09/12/the-crisis-of-liberal-order/> (дата обращения: 06.08.2023).

112. *Steiner Z.* The Lights that Failed: European International History 1919–1933. Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 954.
113. *Stewart P.* World Order: What, Exactly, are the Rules? // The Washington Quarterly. 2016. № 1 (39). P. 7–27.
114. *Talmon S.* Rules-based order v. international law? // German Practice in International Law. 20 January 2019. URL: <https://gpil.jura.uni-bonn.de/2019/01/rules-based-order-v-international-law/> (дата обращения: 24.07.2023).
115. The Contribution of International Organisations to a rule-based international system. New York: Organisation for Economic Cooperation and Development, 2019. P. 24.
116. The United Nations and the Rules-Based International Order. Canberra City: United Nations Association of Australia, 2015. P. 25.
117. *Thierry H.* L'évolution du droit international: cours général de droit international public // Collected Courses of the Hague Academy of International Law. Vol. 222. Boston, 1990. P. 9–186.
118. *Thirlway H. W.* International Customary Law and Codification. Leiden: A. W. Sijthoff, 1972. P. 158.
119. To improve global governance, empower society. Chatham House Expert Perspectives, Adapt or Die. 2019. P. 94.
120. To improve global governance, empower society Chatham House Expert Perspectives, Adapt or Die / An annual survey of risks and opportunities in international affairs. London: The Royal Institute of International Affairs Chatham House, 2019. P. 94.
121. *Tunkin G.* International Law in the International System // Collected Courses of the Hague Academy of International Law. Vol. 147. The Hague: Springer, 1978. P. 393.
122. *Tyler M. C.* Perspectives on «rules-based international order» // The Interpreter. Global Issues. 31 Jul 2018. URL: <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/perspectives-rules-based-international-order> (дата обращения: 24.07.2023).
123. *Vylegzhanin A. N., Nefedov B. I., Voronin E. R., Magomedova O. S., Zotova P. K.* The Term «Rules-based International Order» in International Legal Discourses // Moscow Journal of International Law. 2021. № 2. P. 35–60.
124. *Ward A.* «Adapt or Die», Ideas for modernizing the rules-based international order // Chatham House Expert Perspectives. Chatham House. June 2019. P. 2–6.
125. *Watts A.* The International Rule of Law // German Yearbook of International Law. Vol. 36. Berlin: Duncker & Humblot, 1993. P. 15–45.
126. *Weber M.* The Theory of Social and Economic Organization. London: MacMillan, 1947. P. 447.
127. *Weil P.* Towards Relative Normativity in International Law? // American Journal of International Law. 1983. Vol. 77. Issue 3. P. 413–442.

128. *Wilson W.* Address at the University of Minnesota Armory in Minneapolis. Sep. 9, 1919. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/address-the-university-minnesota-armory-minneapolis> (дата обращения: 24.07.2023).
129. *Wilson W.* Address to Congress on International Order. February 11, 1918. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/address-congress-international-order> (дата обращения: 24.07.2023).
130. *Winik J.* 1944: FDR and the Year that changed History. New York: Simon & Schuster, 2015. P. 656.
131. *Zamoyski A.* Rites of Peace; the Fall of Napoleon and the Congress of Vienna. New York: Harper Collins Publishers, 2007. P. 617.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Критика значения Вестфальского мира

Статья: *Нефедов Б.И.* Критика значения Вестфальского мира // Международные процессы. 2022. Т. 20. № 3 (70). С. 6–27

Резюме. Статья посвящена исследованию представлений о Вестфальском мире, сложившихся в истории международных отношений, а также в общей теории международного права в результате противостояния доктрин о фундаментальном значении для указанных наук Вестфальских договоров 1648 года и, наоборот, об отсутствии какого бы то ни было их влияния на становление современной системы международных отношений и формирование современной системы международного права. В самом деле, многие положения, приписываемые договорам Вестфальского мира, не имеют в нем своего буквального закрепления и часто вытекают только из толкования их норм. Вместе с тем критики их значения для истории международных отношений и их международно-правового регулирования, анализируя исключительно дословный текст этих договоров и игнорируя условия их разработки и принятия, в свою очередь также не смогли дать им адекватной оценки. Вестфальский конгресс, на котором были разработаны и приняты соглашения, объединяемые понятием Вестфальского мира, – веха в становлении современной системы международных отношений, поскольку в ходе его работы получили признание в виде обычных норм общего (европейского) международного права положения, имевшие принципиальное значение для ее формирования. Более того, сами эти договоры в силу своего общеевропейского характера дали миру образец договорного создания норм все того же общего (пусть пока только для Европы) международного права и тем самым явились важнейшим этапом формирования международного права как правовой системы.

Ключевые слова: Вестфальский мир; Вестфальский конгресс; общее международное право; источники общего международного права; толкование международных договоров.

Вестфальский мир — значимое событие в истории человечества. В памяти народов Европы с ним связано завершение первой общеевропейской войны 1618–1648 годов (получившей название Тридцатилетней), которая «на столетия осталась самым страшным бедствием, какое только может представить человеческое воображение. Только

XX век с его мировыми конфликтами» оставил позади ее ужасы и бессмысленные жестокости [Алексеев 1961: 219].

То, что обычно называют Вестфальским мирным договором, на самом деле обозначает не один, а два неразрывно связанных между собой мирных соглашения: Мюнстерское (между императором Священной Римской империи германской нации и Францией с их союзниками) и Оснабрюкское (заключенное между тем же императором и Швецией с их союзниками), подписанных 24 октября 1648 года¹. По причине взаимообусловленности этих договоров и пересечения их ключевых положений² начиная со времени заключения их принято рассматривать в совокупности и называть как единый документ — «Вестфальский мирный договор», «Вестфальский договор», «Вестфальский трактат», «Вестфальский мир»³. Так же поступлю и я в отношении этих документов в настоящей статье.

До недавнего времени в политологии, истории международных отношений и науке международного права Вестфальский договор рассматривался в качестве значимой вехи, фундаментальной основы построения современного мирового порядка. Считалось общепризнанным, что Вестфальский мир был отправной точкой формирования современной системы международных отношений (см. подробнее [Morgenthau 1948]), основанной на принципах государственного суверенитета, суверенного равенства государств⁴, общего согласия на невмешательство в дела, по существу, входящие во внутреннюю компетенцию государств.

Кроме того, с Вестфальским конгрессом и заключенными на нем договорами связывалось появление классического международно-

¹ Текст договоров на латыни см.: Acta Pacis Westphalicae. URL: <http://www.rax-westphalica.de/> (дата обращения 25.12.2021). Иногда в доктрине к этим договорам добавляют Мюнстерский мир, подписанный между Нидерландами и Испанией в январе 1648 года и ратифицированный в Мюнстере 15 мая 1648 года, но в этом вопросе мы будем придерживаться классического подхода.

² Они даже получили название двух «инструментов» мира: Instrumentum Pacis Osnabrugensis и Instrumentum Pacis Monasterensis.

³ Указанные договоры были приняты на Вестфальском конгрессе, название которого также имеет собирательный характер, так как он организационно проходил одновременно в двух разных (хоть и расположенных недалеко друг от друга) городах немецкой области Вестфалия — католическом Мюнстере и протестантском Оснабрюке (откуда и название договоров). Тем не менее деятельность прибывших на конгресс представителей европейских государств и государственно-подобных образований (как в Мюнстере, так и в Оснабрюке) рассматривалась и в 1648 году как совместная работа в рамках единого съезда, и такой подход остается доминирующим и в настоящее время как в отечественной [см., например: Поршнев 1970: 76–105; Беляев 2000; Прокопьев 2002; Мартенс 2008: 25], так и в зарубежной [см., например: Whaley 2012; Croxton 2013; Patton 2019] научной литературе.

⁴ Киссинджер Г. писал, что «устанавливалось „коренное“ равенство суверенных государств» [Киссинджер 2014: 24].

го права, то есть международного права как правовой системы, закрепление за государствами роли основных субъектов международного права [Саямов 2018: 98] и создание новых видов источников международного права. Мало того, считалось, что в своем тексте Вестфальский договор «сформулировал декларативную теорию признания, предусмотрел применение коллективных санкций против агрессоров, мирные средства разрешения споров, внес изменения в правовой режим рек, трансформировал статус консулов» [Левин 1992: 53]. Эту позицию долгое время разделяло абсолютное большинство ученых (как отечественных, так и зарубежных), а для нашего государства в советское время ее вообще можно признать традиционной [Фархутдинов 2019: 21].

С 2000-х годов указанные подходы к значению Вестфальских соглашений для политологии, международных отношений и истории (а также общей теории) международного права были подвергнуты сомнению. В рамках развернувшейся дискуссии сторонники переосмысления сложившихся представлений о Вестфальском мире, опираясь на тщательное изучение текстов составляющих его договоров, не без оснований стали говорить о том, что их оппоненты идеализируют имеющиеся формулировки, придают им значение, которое в них прямо не содержится, а иногда и просто приписывают им отсутствующее в них содержание, и потому важность этих договоров сомнительна, роль закрепленных в нем положений для развития международных отношений и международного права несоразмерно завышена, а концептуальность содержания по неизвестной причине просто мифологизирована (см: [Oslander 2001: 251–287; Куприянов 2019. № 3: 37–50; Куприянов 2019. № 4: 11–23; Фархутдинов 2019. № 6: 21–31; Фархутдинов 2019 № 7: 23–39]).

Изменение оценок Вестфальского мира

Для целей нашей работы кратко остановлюсь на генезисе появления в науке самой точки зрения о необходимости пересмотра значения Вестфальского мира. Ее сторонники «основоположником базового Вестфальского мифа» [Куприянов 2019. № 3: 40; Фархутдинов 2019. № 6: 21] признают американского юриста-международника Л. Гросса, который в далеком 1948 году опубликовал в Американском журнале международного права статью, посвященную 300-летию Вестфальского договора [Gross 1948: 20–41]. В ней он рассматривает Вестфальский мир в качестве отправной точки современной мировой системы и международного права, называет его «величественным порталом, ведущим из старого мира в новый», знаменующим собой «конец одной эпохи и начало другой». Этот подход в дальнейшем и оказался подвергнут критике, а поскольку Л. Гросс был не политологом, а юристом-международником [Oslander 2001: 253], то и в от-

ношении его самого был сделан вывод, что «отсутствие достаточных исторических познаний привело его к спекулятивным выводам без должной доказательной базы» [Куприянов 2019. №3: 40].

Первым, кто усомнился в выводах Л. Гросса, стал американский международник Стивен Краснер [Krasner 1993: 235–264]. Тем не менее активное внимание к этой проблеме привлекла не его работа, а вышедшая в 1999 году (то есть спустя шесть лет) статья Д. Кростона «Вестфальский мир 1648 г. и истоки суверенитета» [Croxtton 1999: 569–591], а затем опубликованная в 2001 году программная работа А. Осиандера «Суверенитет, международные отношения и Вестфальский миф» [Oslander 2001: 251–287]. Вторая волна интереса к проблеме обозначилась в 2009–2011 годах (см. подробнее: [Куприянов 2019. № 3: 40–41]).

Несмотря на то что отдельные работы зарубежных критиков Вестфальского мира были опубликованы в России еще в начале второго десятилетия XXI века (например: [Тешке 2011]), господствующие представления о нем они никак не поколебали, и только обстоятельные статьи А. В. Куприянова, вышедшие в 2019 году, наконец вызвали интерес к этой теме со стороны отечественных ученых, среди части которых (что, впрочем, бывало и раньше) довольно ярко стал проявляться «эффект внезапного прозрения»¹.

В обоснование своей позиции приверженцы «развенчания Вестфальского мифа» стали обращать внимание на то, что в самом тексте рассматриваемых договоров отсутствует упоминание приводившихся выше принципов межгосударственных отношений (как и вообще о каких бы то ни было принципов), ничего не говорится о государственном суверенитете, об установлении формального равенства государств, о формировании некоего баланса сил, о признании не монархов, а государств субъектами международного права, а также отсутствуют отсылки к новым источникам международного права. По их мнению, Вестфальские соглашения привели еще только «к созданию политических и религиозных условий, которые позволили европейским державам выстраивать новый международный правовой порядок» [Lesaffer 2004: 10] в будущем. Между тем первым договором, установившим этот новый порядок, был на самом деле не Вестфальский мирный договор, а Утрехтский мир, заключенный в 1713 году [Lesaffer 2014; Фархутдинов 2019. № 7].

По итогам проведенного анализа критики пришли к выводу, что в договорах Вестфальского мира речь идет исключительно

¹ В качестве наиболее последовательного ниспровергателя «Вестфальского мифа» среди юристов-международников сегодня стоит выделить известного ученого И. З. Фархутдинова, который во многом попал под влияние «революционной новизны» аргументов критиков значения Вестфальского мира.

об урегулировании ряда религиозных вопросов¹, закреплении послевоенных территориальных изменений² и о договорной фиксации отдельных положений, не оказавших существенного влияния ни на международные отношения, ни на международное право³. При этом в основной массе его норм только «скучно до безобразия описывается порядок реституций и подтверждаются древние привилегии графов, епископов и городов Римской империи» [Фархутдинов 2019. № 6: 27]. С точки зрения сторонников этой концепции, ни в практику, ни в теорию международных отношений и их международно-правового регулирования этот мирный договор не привнес ничего нового. Следовательно, вся его ценность для истории сводится лишь к тому, что он прекратил Тридцатилетнюю войну.

Таким образом, тезис о том, что Вестфальский мир 1648 года открыл новую страницу в истории международных отношений и их международно-правового регулирования, был объявлен «не соответствующим исторической действительности», а утверждение, что он лег в основу Вестфальской модели мирового порядка, — «историческим мифотворчеством» [Фархутдинов 2019. № 6: 27].

Аргументы за и против значения Вестфальского мира

Ученое сообщество оказалось расколото на два лагеря применительно к определению значимости Вестфальского мирного договора 1648 года для теории и практики международных отношений и их международно-правового регулирования. Между тем ни одна из двух доминирующих и взаимоисключающих друг друга концепций не от-

¹ Вестфальские договоры формально признали право католиков жить и исповедовать свою религию в протестантских землях и наоборот (см.: пункт 28 статьи 5 Оснабрюкского договора), в них была закреплена свобода перехода из одной религии в другую для имперских сословий и гарантировалась свобода вероисповедания для ряда религиозных меньшинств (см.: ст. V. § 1 и ст. VII. § 1 Оснабрюкского мирного договора). Такой подход не мог быть одобрен папой, и в дальнейшем его отношение проявилось в несколько запоздалом принятии особой буллы, в которой Вестфальские соглашения объявлялись «в прошлом, настоящем и будущем навечно ничтожными, возмутительными, недействительными, несправедливыми, незаконными, подлежащими осуждению и порицанию, вредоносными, лишенными всякой силы и значения» (цит. по: [Алексеев 1961: 211–212]).

² Договор в основном закреплял территориальные уступки со стороны Священной Римской империи германской нации в пользу Франции и Швеции.

³ Они относят к таковым всеобщую амнистию, нейтрализацию ряда территорий, реституцию собственности, отказ от долгов, восстановление торгового сообщения, разрешение вопросов наследования в некоторых княжествах и др. (см., например: [Куприянов 2019. № 3: 39]).

ражает действительного положения вещей: истина лежит между этими крайностями¹.

В первую очередь, высокая оценка Вестфальского мирного договора и его значения для развития международных отношений и международного права была дана задолго до Л. Гросса, который вовсе не был основоположником «Вестфальского мифа». В частности, российский юрист-международник, признанный ученый мирового уровня Ф. Ф. Мартенс в двухтомном труде «Современное международное право цивилизованных народов» (опубликованного еще в 1882 году) рассматривал Вестфальский мирный конгресс 1648 года в качестве одной из фундаментальных вех становления и развития международного права [Мартенс 2008: 24]. Мало того, «Вестфальский трактат, — писал он, — определил начала, на основании которых должна была устроиться новая международная жизнь», то есть те самые начала, которые, по его мнению, были положены «в основание нового порядка международных отношений» [Мартенс 2008: 56].

А вот что писал о Вестфальском мире в «Курсе международного права», выдержавшем три издания еще до Второй мировой войны, крупнейший итальянский юрист-международник Д. Анцилотти: «знаменитые Мюнстерский и Оснабрюкский международные трактаты 1648 года, известные под названием Вестфальских мирных договоров... с полным основанием рассматриваются в качестве отправной точки исторического развития современного международного права» [Анцилотти 1961: 21].

Продолжить подобное цитирование мешают только размеры нашей статьи. *Так что же увидели классики международного права в Вестфальском мирном договоре такого, чего не увидели его критики?* Прежде чем ответить на этот вопрос, необходимо сказать несколько слов об историческом (историко-генетическом) методе исследования, который обязателен для верной оценки Вестфальского конгресса и принятых на нем соглашений.

Он абсолютно незаменим в тех случаях, когда «при анализе трансформации институтов, явлений и процессов важно установить причинно-следственные связи в процессе исторического изменения изучаемого явления или процесса» [Теория и методология истории 2014: 388]. В этом качестве он широко применяется не только историками, но и, например, юристами, которые «используют исторический метод для исследования формирования системы права, той или иной совокупности законов и правил» [Теория и методология истории 2014: 388]. В международном праве он часто

¹ Выражение впервые появилось в 1512 году в стихотворной сатире немецкого писателя Томаса Мурнера под названием *Narrenbeschwörung* («Заклятие дураков»).

выступает в качестве одного из способов (приемов) толкования договоров, особенно в тех случаях, когда с момента их заключения проходит значительное время, в связи с чем неизбежно возникают трудности в уяснении его действительного содержания. Для этого исследователю приходится прибегать к изучению обстановки принятия договоров и соответствующей дипломатической практики, сравнению с содержанием норм иных правовых актов этого периода [Международное право 2021: 235]. Кроме того, именно этот метод является незаменимым при создании периодизации, «которая заключается в условном делении исторического процесса на определенные хронологические периоды» [Теория и методология истории 2014: 391]. При этом «важно учитывать, что периодизация имеет дело с исключительно сложными процессами и поэтому неизбежно огрубляет и упрощает историческую реальность» [Теория и методология истории 2014: 388].

Получается, что оценка значения Вестфальского мира как раз и связана с периодизацией процессов формирования и современной системы международных отношений, и международного права как системы, в рамках которых и та, и другая в ходе становления прошли ряд этапов. Их выделение потребовало обозначения их временных границ в виде привязок к тем или иным вехам, что в силу эволюционного характера соответствующих процессов носило (и носит) достаточно условный характер. В рамках эволюции социальных общественных отношений и их регулирования, в недрах каждого предшествующего этапа развития зарождаются характеристики этапа последующего, а новая стадия еще долго носит в себе характеристики стадии предыдущей. По этой причине сам момент перехода от одного такого этапа к другому хоть и привязывается, как правило, к какому-либо событию, принятию национального или международного акта, на самом деле остается датой достаточно символической. Один из крупных исторических этапов начался на рубеже Средних веков и Нового времени, и важно понять, почему же эти процессы так долго и неизменно связывали именно с Вестфальским миром. Проблема в том, что при рассмотрении многих аргументов исследователей, говорящих о «мифологизации» Вестфальского мира, неизбежно приходишь к выводу, что практически все они позиционируют себя в качестве приверженцев исторического (историко-генетического) метода исследования (приводя даже многочисленные сведения), но на самом деле ими не являются. Для обоснования своих выводов они берут «голый» текст договоров, вырывают его из тех условий, в которых они были приняты, да еще и толкуют его с точки зрения современных подходов. В результате получаются «спекулятивные выводы». Такой подход приводит к сомнительным и даже ошибочным выводам и суждениям.

Приведу ряд аргументов в пользу высказанной позиции.

Во-первых, практически все «ниспровергатели значения Вестфальского мифа» игнорируют то обстоятельство, что Вестфальский мир явился результатом **первого в человеческой истории** дипломатического конгресса, имевшего общеввропейский (то есть **единый для целой части света**¹) характер. Если же об этом и упоминается, то только вскользь и как о чем-то второстепенном [Фархутдинов. 2019: 24]. В работе над договорами приняли участие все европейские государства и государственно-подобные образования, за исключением Англии (в которой шла гражданская война), Португалии, России и Османской империи. При этом Англия в дальнейшем без возражений приняла к сведению условия Вестфальского мира, Португалия же в силу наличия личной унии с Испанией фактически присутствовала на конгрессе, а Россия (точнее Великий князь Московский) как союзник Швеции даже была указана в тексте самого договора² в качестве одного из гарантов его соблюдения³. Что же касается Османской империи, то с учетом столь представительного характера участников Вестфальских соглашений в случае возражений против принятых в них решений она могла бы в той или иной степени оспорить их, но от нее никаких протестов не поступило.

«В предшествующей жизни европейских народов, — писал по этому поводу тот же Ф. Ф. Мартенс, — ни в Средние века, ни в древности, не было ни одного прецедента, чтобы представители разных государств сообща обсуждали свои дела и устанавливали порядки, обязательные для всех народов». И далее: «Непосредственное его значение состояло в небывалом в прежнее время факте соединения европейских государств в одно международное общество, которое настолько сознает солидарность своих интересов, что считает нужным не только совещаться об общих своих делах, но даже определять внутренний порядок в государствах, входящих в состав этого общества» [Мартенс 2008: 56].

Таким образом, человечество получило не очередной локальный «междусобойчик», а первый опыт формирования того, что сегодня мы называем *международным сообществом* (правда, на тот момент в рамках еще только христианского мира).

¹ Можно даже сказать для всего христианского мира.

² См. ст. XVII, 11 Оснабрюкского мирного договора. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.5673437f-62fa3eda-d2993ae9-74722d776562/https/de.wikisource.org/wiki/Westf%C3%A4-4lischer_Friede_%E2%80%93Vertrag_von_Osnabr%C3%BCck (дата обращения: 25.12.2021).

³ Тем самым Россия (по настоянию шведской королевы Кристины) вошла в число 50 европейских государств, которые прямо указаны в договорах Вестфальского мира [Rembault 1890: 104].

С практикой проведения Вестфальского конгресса связаны и другие значимые изменения. Например, в самих подписанных договорах действительно нет слов о *суверенном равенстве государств*. Тем не менее протокольные порядки, предшествовавшие его подписанию, прямо свидетельствовали о становлении этого института (довольно быстрого в силу особенностей Вестфальского конгресса и условий его проведения)¹ на основе пусть и регионального (в современном понимании)², но *международно-правового обычая*, который является одним из источников международного права.

В частности, по общей договоренности всех монархов (независимо от их фактического неравенства) именовали величествами, всех послов — превосходительствами³. Стремление к равенству «зашло так далеко, что делегации, добиваясь абсолютного равенства, придумали входить на место переговоров каждая через отдельную дверь (что потребовало прорубания дверей по числу участников) и идти к своим местам одинаковым шагом, чтобы ничья гордость не пострадала, ведь иначе тому, кто идет быстрее, пришлось бы ждать другого, который перемещается неспешнее» [Киссинджер 2014: 24.].

При этом понятие суверенного равенства государств вовсе не является синонимом их фактического равенства, которое не может быть установлено, как и фактическое равноправие между людьми (в отличие от юридического равенства перед законом). Фактического равенства государств не существовало ни до Вестфальского мира, ни после. Его не существует и сегодня: государства не равны ни по своему политическому (достаточно посмотреть на полномочия постоянных членов Совета Безопасности ООН), ни по экономическому, ни по военному статусу. В то же время существовавшая (и существующая) иерархия государств вовсе не мешает им быть независимыми в своих решениях как во внутренней, так и во внешней политике.

Вестфальский конгресс также в значительной степени повлиял на формирование дипломатического права и практики размещения постоянных посольств в столицах других государств [Patton 2019].

¹ Мало того, тем самым был создан прецедент формирования международных обычаев в значительно более сжатые сроки, чем они существовали до этого.

² Необходимо помнить, что этот период истории характеризовался агрессивной экспансией европейской цивилизации в другие регионы земного шара, основанной на убежденности в существовании европоцентристской модели мира, и что это в дальнейшем с неизбежностью привело к распространению теории и практики европейского регулирования международных отношений в глобальном измерении. В результате правила Вестфальского мира постепенно распространились по всему миру.

³ Следует согласиться с тем, что сам процесс формального уравнивания статуса европейских монархов начался еще до Тридцатилетней войны (см.: [Куприянов. 2019. № 4: 17]). Тем не менее в этом вопросе важен и переломный момент.

В частности, опыт его проведения и примеры решений по многим вопросам процедуры были в дальнейшем положены в основу конгрессов, собираемых во исполнение Венского мирного договора 1815 года, а затем (когда периодически собираемые конгрессы уже не отвечали требованиям организации международной жизни) — образования такой международной организации, как Лига Наций. Важно, что в самом Вестфальском договоре была также сделана попытка установления трехлетнего периода для мирного разрешения возникающих международных споров (что так и не было реализовано на практике)¹.

Во-вторых, критики значимости Вестфальского мира не учитывают тот факт, что он впервые закрепил **нормы общего международного права** в форме договора. Дискуссии о Вестфальском мире касаются не только этапов становления и развития системы международных отношений, но и вопроса о науке и практике международного права. Возможно, Л. Гроссу действительно не хватило знаний по истории международных отношений. Вместе с тем исследователям, утверждавшим, что роль Вестфальского мира преувеличена, не хватило познаний в области истории международного права (то есть той самой правовой системы, которая была специально создана для регулирования международных отношений).

Для начала обращу внимание на то, как оценивают юридическую природу Вестфальских соглашений критики фундаментальной роли Вестфальского мира: они полагают, что поскольку Оснабрюкский договор был заключен, с одной стороны, Швецией и ее союзниками, с другой стороны — Священной Римской империей германской нации и ее союзниками, а Мюнстерский договор, с одной стороны, Францией и ее союзниками, а с другой — с той же империей и ее союзниками, то «эти соглашения были двусторонними по своему характеру, что отражает практику того времени, которое еще не перешло к заключению многосторонних договоров» [Фархутдинов 2019. № 6: 23].

Подобные выводы крайне уязвимы в силу своей некорректности. Получается, что Вестфальский мир подписан не полусотней государств и государственно-подобных образований, а только тремя державами. Следуя этой логике, даже Устав ООН (разработанный победителями во Второй мировой войне и долгое время не включавший в качестве участников этого договора их главных противников) должен рассматриваться не как многосторонний договор, а как одно-

¹ См.: ст. CXXIV Мюнстерского соглашения, заключенного 24 октября 1648 года // URL: [https:// translated.tur-bopages.org/proxy_u/en-ru.ru.34717a90-62fa33b6-344778ac-74722d776562/https/ava-lon.law.yale.edu/17th_century/westphal.asp](https://translated.tur-bopages.org/proxy_u/en-ru.ru.34717a90-62fa33b6-344778ac-74722d776562/https/ava-lon.law.yale.edu/17th_century/westphal.asp) (дата обращения: 25.12.2021).

сторонняя декларация, скажем, СССР и его союзников. Очевидная ошибочность подобного умозаключения указывает, что точка зрения оппонентов «Вестфальского мифа» в данном случае не выдерживает критики.

Вестфальский мир — это *первый в истории общеевропейский договор*. Этот факт имеет существенное значение для международного права (и как следствие — для регулирования международных отношений).

К 1648 году уже все многочисленные условия, которые содействуют возникновению международного права, причем не в виде отдельных локальных и хаотично закрепленных международно-правовых норм¹, а в виде правовой системы, уже существовали [Камаровский 1892: 10, 17; Оппенгейм 1948: 85–86; Таубе 1894: 8–9]. В то же время для возникновения международного права в этом его новом качестве требовались *нормы общего международного права* (то есть нормы, обязательные для всех государств), без которых создание международной правовой системы просто невозможно, поскольку именно эти нормы служат ее основой. Неслучайно такие нормы международного права (а не все международно-правовые нормы) многими отцами-основателями науки международного права как раз и рассматривались в качестве «права народов». Вот что по этому поводу, например, писал общепризнанный основатель науки международного права Гуго Гроций: «Известные права могут возникать в силу взаимного соглашения как между всеми государствами, так и между большинством их. И оказывается даже, что подобного рода права возникли в интересах не каждого сообщества людей в отдельности, а в интересах обширной совокупности всех таких сообществ. Это и есть право, которое называется правом народов, поскольку это название мы отличаем от естественного права» [Гроций 1994: 44].

Между тем до Вестфальского мира такие нормы общего международного права существовали исключительно в форме международно-правовых обычаев. Их наличие доказывалось только с помощью трудов средневековых ученых. Более того, постоянно сталкиваясь с устоявшейся практикой заключения исключительно локальных международных договоров, многие из них с неизбежностью стали считать, что такие нормы могут существовать единственно в виде международно-правовых обычаев.

Э. Ваттель, например, по этому поводу писал следующее: «Различные обязательства, которые нации могут брать на себя, образуют новый вид права народов, которое называют конвенционным или договорным. Поскольку очевидно, что договор обязывает только

¹ Локальные международные договоры к тому времени уже имели многовековую практику заключения.

договаривающиеся стороны, конвенционное право народов является не всеобщим, а особым правом» [Ваттель 1960: 33]. При этом он уточнял, что обычное право народов «обязывает только именно те нации, которые его приняли, и не является всеобщим или является всеобщим не в большей мере, чем конвенционное право» [Ваттель 1960: 33].

В то же время Г. Гроций считал, что христианские государства должны строить свои отношения на основе международных трактатов (то есть договоров) и обычаев, образующих право, но никогда не противопоставлял их как источники международно-правовых норм. Он только отмечал, что «почти не встречается право, которое было бы общее всем народам. Ибо ведь зачастую в одной части земного шара действует такое право народов, которое не имеет силы в остальной» [Гроций 1994: 74]. Уже в XIX веке И. К. Блунчли указывал, что «иногда в договорах между отдельными государствами встречаются условия, которые по своему содержанию могут быть названы не статьями трактата, а международными законами, не простым соглашением отдельных государств, а основными положениями справедливого порядка международных отношений» [Блунчли 1867: 8].

Тем не менее подход, отрицающий возможность закрепления норм общего международного права в договорах, оставался популярным и в первой половине XX века. В частности, по мнению Д. Анцилотти, «наиболее общие принципы правопорядка вытекают именно из обычаев, тогда как международные договоры касаются определенных предметов...» [Анцилотти 1961: 84–85] и «общее международное право есть исключительно обычное право» [Анцилотти 1961, 97]. Основатель одной из теорий происхождения права Г. Кельзен по этому поводу высказывался следующим образом: «Общее международное право является фактически обычным правом. Поскольку договоры в принципе обязательны только для договаривающихся сторон и поскольку до настоящего времени не существует международного договора, заключенного всеми государствами или к которому присоединились бы все государства мира, существует только обычное, а не договорное общее международное право» [Kelsen 1967: 288].

Рассмотрение в качестве источника общих международно-правовых норм исключительно международно-правового обычая, характерное для эпохи начала формирования международного права как правовой системы (и даже позднее), было обусловлено тем, что в условиях господства практики заключения только локальных международных договоров международные соглашения с участием большого количества государств, закрепляющие нормы общего (регионального или мирового) международного права, то есть устанавливающие общепризнанные правила регулирования международных отношений,

вплоть до окончания Второй мировой войны были крайне редкими¹. Тем не менее они были². К ним, в частности, можно смело отнести Заключительный акт Венского Конгресса 1815 года³, Версальский мирный договор 1919 года⁴ и соглашения, заключенные на Вашингтонской конференции 1921–1922 годов⁵, закреплявшие итоги Первой мировой войны, Договор об отказе от войны в качестве орудия национальной политики (Пакт Бриана — Келлога) 1928 года⁶, а также Устав Организации Объединенных Наций⁷. Первым же в мире таким договором стал именно Вестфальский мирный договор 1648 года.

Что же касается отсутствия в международной практике договоров, заключенных «всеми государствами или к которому присоединились бы все государства мира», то ведь и международных обычаев с такими характеристиками тоже не существует.

Удивительно, но даже до настоящего времени в доктрине ведутся споры о том, в каких же источниках могут содержаться нормы общего международного права. Одни авторы по-прежнему полагают, что *единственным таким источником является международно-правовой обычай* [Ильинская 2012: 114; Thierry 1990: 59; Thirlway 1972: 97]. Например, О’Коннел прямо утверждает, что «международное право традиционно является обычным правом» [O’Connell 1965: 4] и что «совершенно неправильно говорить о договорах как об источниках международного права... они не больше чем контракты между сторонами» [O’Connell 1965: 22].

Другая группа авторов считает, что источником таких норм может быть *исключительно международный договор* [Schwarzenberger 1957:

¹ Но количественно соотношение международно-правовых норм, закрепленных в таких договорах, и исключительно в международных обычаях, на разных исторических этапах существенно различалось.

² По этой причине подход, отрицающий возможность закрепления норм общего международного права в международном договоре, давно следует признать устаревшим.

³ Заключительный акт Венского Конгресса 1815 г // *Мартенс Ф. Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1876. Т. 3. С. 220–330 (561).

⁴ Версальский мирный договор: Полный перевод с французского подлинника / под ред. Ю. В. Ключникова и А. Сабанина. М.: Литиздат; НКИД, 1925. С. 1–174.

⁵ Вашингтонская конференция (1921–1922). Полный пер. актов и документов. М.: Литиздат; НКИД, 1924. С. 139.

⁶ Договор об отказе от войны в качестве орудия национальной политики от 27 августа 1928 года // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. Вып. V. М.: НКИД, 1930. С. 8–10. К концу 1928 года к Договору присоединились 63 государства, то есть почти все, что существовали в то время.

⁷ Устав Организации Объединенных Наций // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XII. М., 1956. С. 14–47.

427]. При этом они ссылаются на то, что «после Второй мировой войны международный обычай все более утрачивает свою почву» [Cassese 1986: 181], что в результате кодификации международного права и стремительного увеличения количества универсальных международных договоров произошло резкое сокращение места и роли обычных международно-правовых норм в регулировании международных межгосударственных отношений вообще и случаев закрепления норм общего международного права в подобных источниках, в частности. Отсюда делается вывод о том, что тезис о закреплении норм общего международного права исключительно в международно-правовых обычаях перестал находить практическое подтверждение [Синякин, Скуратова 2018: 531]. Сторонники этого подхода (совершенно корректно) отмечают, что в значительной степени сложившаяся ситуация связана с тем, что «традиционный процесс выработки обычно-правовых норм в силу его медлительности оказывается в недостаточной степени совместимым с потребностями быстро растущей взаимозависимости участников международных отношений» [Ильинская 2012: 114].

Еще Г. Гроций отмечал, что, как правило, срок образования обычая «очевидно, не равняется в точности столетию, хотя они зачастую недалеко отклоняются от этого» [Гроций 1994: 233]. В наше динамичное время такие сроки создания международно-правовых общих правил поведения государств (и других субъектов международного права) никак не соответствуют мировым потребностям. Кроме того, нельзя не согласиться с тем, что договорный способ создания норм общего международного права обладает преимуществами по сравнению с их созданием в виде правового обычая: он обеспечивает большую определенность норм, дает возможность государствам в процессе создания норм международного права совместно обсуждать затрагиваемые проблемы, сознательно, постепенно согласовывать позиции и находить баланс интересов [Тункин 1989: 198].

Вместе с тем вряд ли можно согласиться с авторами из этой группы в том, что современное «международное обычное право находится в состоянии кризиса» [Condorelli 1991: 183], что сегодня «не лишены основания предвидения некоторых ученых об отмирании международного обычая» [Курс международного права 1967: 186]. Международный обычай на сегодня вовсе не утратил актуальности в качестве одного из основных источников международного права как такового, хотя в части закрепления норм общего международного права в последние десятилетия он действительно во многом был потеснен международным договором.

Наконец, третья группа авторов, как нам представляется, наиболее верно оценивает ситуацию и относит к источникам норм общего международного права как международный договор, так и междуна-

родно-правовой обычай (исключая или не исключая при этом еще и общие принципы права [Kolb 1998: 72–73]). Критикуя позицию авторов первой группы, они справедливо указывают на то, что концепция, согласно которой международные договоры не могут вносить изменения в общее международное право, полностью оторвана от действительности. Ведь, по существу, из этой концепции следует, что Устав ООН, Венская конвенция о праве международных договоров 1969 года и другие международные договоры, содержащие общие нормы международного права, — это всего лишь *de lege ferenda* (т. е. только нормативные предположения о формулировках и содержании будущих таких норм). Для того чтобы эти предположения стали нормами общего международного права, они, оказывается (по этой концепции), должны превратиться из договорных норм в нормы обычного права, т. е. получить доказательства всеобщей практики своего применения и признание в качестве правовой нормы [см.: Тункин 1989: 204].

В то же время они не отрицают, что и в настоящее время международные обычаи могут быть источниками международно-правовых норм общего международного права. Некоторые из них (не без оснований) даже полагают, что в ходе договорной кодификации международного права образуется новый тип таких международно-правовых норм [Колосов 2006: 19]. По мнению Г. И. Тункина, для государств-участников таких договоров «его нормы обязательны, поскольку они являются участниками договора, а для государств, не участвующих в нем, но признающих его нормы обычным путем, они обязательны в соответствии с нормами об образовании обычных норм международного права. Такого рода нормы можно назвать смешанными, договорно-обычными нормами» [Тункин 1989: 204]. При этом, как оказалось, такой тандем источников общего международного права стал формироваться вовсе не во второй половине XX века.

Дело вовсе *не в источнике* общей международно-правовой нормы, а *в ее обязательности для всех государств*. Следовательно, при разрешении вопроса о том, являются ли нормы соглашений Вестфальского мира нормами общего международного права, важно не столько то, в каком (по типу) источнике международного права они закреплены, сколько то, относятся или не относятся данные международно-правовые нормы к правилам поведения, согласованному сообществом государств в качестве обязательных для всех субъектов международного права, вступающих в соответствующие международные отношения.

Приведу определение норм *jus cogens* общего международного права, содержащееся в ст. 53 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года:

«Договор является ничтожным, если в момент заключения он противоречит императивной норме общего международного права. По-

скольку это касается настоящей Конвенции, императивная норма общего международного права является нормой, которая принимается и признается международным сообществом государств в целом как норма, отклонение от которой недопустимо и которая может быть изменена только последующей нормой общего международного права, носящей такой же характер»¹. Выделю здесь два очень важных для данного исследования обстоятельства: 1) эти нормы принимаются и признаются *международным сообществом государств в целом*; 2) в определении *ничего не говорится о тех источниках*, в которых эта воля международного сообщества должна быть выражена.

В договорах Вестфальского мира как раз и нашло первое письменное закрепление договорных² *общих для всех государств Европы* международно-правовых норм (то есть общих правил поведения в международных отношениях). Эти нормы были приняты и признаны всем европейским *сообществом государств*. Они *обязывали все государства*, входящие в это сообщество, исполнять принятые решения и соблюдать установленные правила поведения, даже если напрямую в договоре они их не касались.

Именно первое договорное создание Вестфальским миром общих норм международного права позволяет рассматривать его в качестве определяющего в деле формирования *международного права как правовой системы*³. При этом следует согласиться с критиками значения Вестфальского мира в том, что непосредственно в его договорах обо всем этом действительно ничего не говорилось.

Здесь нельзя обойти стороной еще одно обстоятельство. И. З. Фархутдинов полагает, что не Вестфальский мир 1648 года, а Утрехтский мирный договор 1713 года заслуживает большего признания в части значения для истории международных отношений и истории международного права [Фархутдинов 2019]. Позволю себе в этом с ним не согласиться.

В истории эволюции систем международных отношений и международного права можно выделить несколько этапов их становления и развития. Переход от одного такого этапа к другому, так же, как и развитие цивилизации, происходил толчками и был тесно связан

¹ Венская конвенция о праве международных договоров 1969 г // Ведомости Верховного Совета СССР от 10 сентября 1986 г. N 37. Ст. 772.

² Поскольку в Вестфальском мирном договоре нашла свое первое воплощение сама возможность формирования норм общего международного права с помощью такого источника, как международный договор, то в этом смысле он действительно дал миру новый вид источников международного права.

³ Хотя, повторимся, речь шла о региональном международном праве, но именно Вестфальский мир продемонстрировал реальные перспективы возникновения в дальнейшем и общего международного права для всей планеты, без которого было бы невозможно создание международного права как всемирной правовой системы.

с эволюцией общественных отношений, изменением уровня потребности общества в их урегулировании, а также с трансформацией общественного сознания и правосознания. При этом представления о новых подходах к регулированию международных отношений не снисходили на людей откуда-то с заоблачных высот, они зарождались в недрах предшествующего периода и, достигнув «критической массы», создавали прорыв в виде соответствующих перемен в общественном сознании (и правосознании), изменении представлений о субъектах международного права, о принципах, формах и способах регулирования международных межгосударственных отношений. Эти процессы носили эволюционный характер, то есть происходили достаточно медленно, а по этой причине действительно иногда возникала (и возникает) проблема привязки начала очередного такого этапа к конкретному международному договору соответствующего периода истории¹.

Вместе с тем сравнивать Вестфальский мир с Утрехтским мирным договором, который состоял как раз из не представлявших из себя единого договора двусторонних соглашений между всего шестью государствами (Францией и Испанией с одной стороны и Великобританией, Голландией, Бранденбургом и Савойей — с другой), по меньшей мере представляется некорректным.

И еще одно: Вестфальский мир содержит ряд положений, которыми исследователи, стремящиеся показать его «мифологизацию», часто не придают то значение, которое они в действительности имеют. Приведу несколько примеров. Мы уже ранее упоминали о том, что Франция и Швеция (с некоторыми своими союзниками) были объявлены гарантами его выполнения. Иными словами, опять же впервые в европейской истории, в общеевропейском международном договоре трем наиболее авторитетным в военном, экономическом и политическом смысле государствам были предоставлены *особые полномочия*, в которых всем другим государствам Вестфальским миром было отказано. Что это означает? Считаю, что объявлением международным актом подобного уровня группы государств гарантами договоров было положено начало формированию понятия «великая держава». Кроме того, тем самым было юридически закреплено (и обосновано) сосуществование множества центров силы, а не доминирования одной страны. Наконец, здесь имело место фактическое *создание первой системы европейского равновесия*². Хотя вновь

¹ В этом смысле абсолютное большинство вех в истории — сплошная «мифология».

² Теория баланса сил в международных отношениях предполагает, что государства могут обеспечить свое существование, не позволяя какому-то государству (небольшой группе государств) получить достаточное военное могущество, чтобы доминировать над всеми остальными.

следует признать, что ни о каком европейском равновесии в самом договоре действительно ничего не говорилось¹.

Опыт борьбы с могущественной династией Габсбургов подсказывал переговорщикам, что если в будущем возникла бы угроза повторения ситуации, когда одна политическая сила оказалась бы настолько сильной, что могла бы претендовать на подчинение себе всей Европы, следовало бы прибегать к дипломатическим демаршам. В случае их недостаточности не стоило бы дожидаться, пока такое государство еще более усилится, надо было создавать для противодействия его возвышению либо условия, препятствующие этому², либо не менее сильные коалиции европейских государств, которые смогли бы вернуть противника на его прежние позиции.

Центрами таких коалиций и должны были стать гаранты соблюдения Вестфальского мира. Впоследствии эта система действовала, хоть и не всегда успешно. Например, в рамках борьбы за Балтику зимой 1657–1658 годов шведы смогли по льду вторгнуться на остров Зеландия, принадлежавший Дании и на котором была расположена ее столица — Копенгаген. По условиям заключенного мира Дания передала Швеции остров Борнхольм и норвежскую область Тронхейм, но шведский король Карл X Густав вскоре решил расширить свои завоевания и снова напал на Данию. Увидев, что Швеция значительно усилилась, Англия и Франция фактически поставили ей ультиматум, и по Копенгагенскому миру 1660 года шведам пришлось вернуть Дании и Борнхольм, и Тронхейм [Ревякин, Васильева 2018: 83–84]. Другой пример: при Людовике XIV рост влияния Франции вынудил другие государства объединиться, чтобы противостоять ей. На этот раз ситуация дошла и до военного столкновения, по результатам которого Франции пришлось остановить экспансию [Ревякин, Васильева 2018: 93–94].

Между тем критики значимости Вестфальского мирного договора берут только его голый текст. По этой причине они и приходят к выводу о том, что он «не подразумевал создания баланса сил» [Куприянов 2019. № 4: 50]. В этом вопросе следует согласиться с Л. Оппенгеймом, который прямо отмечал, что именно «со времени Вестфальского мира 1648 года принцип равновесия держав в истории Европы играл преобладающую роль. Он нашел прямое признание в 1713 году в Утрехтском мирном договоре и был путеводной звездой

¹ Только через 65 лет, в статье 2 англо-испанского мирного договора, подписанного в рамках Утрехтского мира 1713 года, было закреплено, что его целью, в частности, является «установление мира и спокойствия в христианском мире с помощью равного баланса сил».

² В частности, Ф. Ф. Мартенс писал, что «признание политической автономии множества немецких владений надолго обеспечивало бессилие, государственное и международное, Германской империи» [Мартенс 2008: 56].

на Венском конгрессе 1815 года, когда была переkreоена карта Европы, на Парижском конгрессе 1856 года, на Лондонской конференции 1867 года, на Берлинском конгрессе 1878 года и при окончании Балканской войны в 1913 году» [Оппенгейм 1948: 283]. Опять же, он соблюдался «со времен Вестфальского мира».

Другой пример неправильной интерпретации текста Вестфальского договора связан с закреплением в нем независимости Республики Соединенных провинций (Нидерландов)¹ и Швейцарской конфедерации². Здесь я абстрагируюсь от того, что одни скептики в части оценок Вестфальского мира считают это признание ничего не значащим событием, поскольку указанные государства и без того уже были к тому времени длительное время фактически независимыми (и даже частично признанными в основном своими союзниками), в то время как другие полагают, что эти республики после заключения Вестфальского договора вообще никакой независимости не получили (см. подробнее: [Куприянов 2019, № 4: 20]), а третьи утверждают, что Республика Соединенных провинций сразу интерпретировала формулировку Вестфальского договора как свою независимость, а вот Швейцария, используя некоторые особенности касающихся ее формулировок этого договора, и еще несколько десятков лет в зависимости от ситуации то заявляла о своем суверенитете, то говорила, что речь идет только о том, что на ее территории не действуют имперские законы (см. подробнее: [Фолькер 2013: 34]). Несмотря на такие расхождения, все критики «Вестфальского мифа» согласны в том, что для развития международного права и международных отношений эти события никакого значения не имели.

Этот вывод также представляется не вполне корректным. Вопрос даже не в том, что независимость фактическая (или признанная только союзниками) и независимость, признанная юридически в столь значимом общеевропейском международном договоре, — вещи разные³, и даже не в том, как воспринимали это признание сами республики, а в том, что означало это признание в те времена для остальных европейских участников международных отношений. Полагаю, что существенными здесь являются даже не один, а два аспекта. *Во-первых*, признание со стороны европейских *монархий* в качестве

¹ Если быть точным, то фактически независимости Нидерландов была признана Испанией еще по Мюнстерскому миру, заключенному в январе 1648 года, но в статье LIII Мюнстерского договора, являющегося частью Вестфальского мира, она была подтверждена.

² Об этом говорят ст. 6 Оснабрюкского договора и параграф LXI Мюнстерского договора Вестфальского мира.

³ На это указывает и современная практика попыток реализовать свою международную правосубъектность со стороны непризнанных и частично признанных государств.

самостоятельных и независимых субъектов международных межгосударственных отношений двух *республик*, возникших не в порядке разрешения династических проблем или «дара сверху», а в результате восстаний и длительной борьбы за свою независимость, *создало прецедент реализации народами права на самоопределение*, а следовательно, и его фактическое признание [Ревякин, Васильева 2018: 79]. Хотя в договоре о таком праве народов ничего не сказано, тут дело не в формулировках, а в факте, оценивать значение которых для истории следует не так, как это делали их современники, а так, как их стали рассматривать их ближние и дальние потомки.

Во-вторых, на момент признания независимости Республики Соединенных провинций и Швейцарии другие *республики* в Европе уже существовали (но только в виде нескольких городов в Италии), но обладали они (даже включая Венецию) более низким статусом, чем монархические государства. Достаточно сказать, что в иерархии и правовом положении они уступали любой, «даже самой слабой и захудалой монархии» [Ревякин, Васильева 2018: 79]. Одна из причин подобного отношения к республикам заключалась в общепринятых в то время представлениях, что субъектами международных отношений были не государства, а главы государств, то есть монархи (короли, герцоги и др.). Признание в общеевропейском договоре двух республик равноправными участниками международных отношений не только фактически уравнивало их с наследственными монархиями, но и ознаменовало начало коренных изменений в представлениях о субъектах международных отношений (а в дальнейшем и о *субъектах международного права*) в силу осознания самой возможности признания в качестве таковых не монархов (физических лиц, «владеющих» государствами), а *самих государств* (юридических лиц).

Нельзя оставить без внимания и некоторые аспекты вопроса о *суверенитете*. Для начала следует согласиться с критиками значения Вестфальского мира в том, что термин «суверенитет» в его договорах действительно не встречается¹. Тем не менее отсутствие в них слов «суверенитет» или «суверенный» не свидетельствует о том, что эти понятия не были известны их авторам и что о соответствующих вопросах в самих договорах ничего не говорится.

Для уточнения этого вопроса необходимо концептуализировать понятие «государственный суверенитет». Начну с того, что это неотчуждаемое юридическое качество независимого государства, символизирующее его политико-правовую самостоятельность. В общей теории права за его классическое определение взята следующая позиция: государственный суверенитет представляет собой независи-

¹ Прежде всего потому, что латыни, на которой были составлены их тексты, он просто не был известен.

мость государственной власти от какой-либо иной власти как внутри, так и вне границ страны [Алексеев 1985: 41; Козлова, Кутафин 1995: 120]. В международном праве эти принципиальные подходы к определению понятия суверенитета полностью сохранились (см. например: [Оппенгейм 1948: 260]). Иногда к этим двум составляющим добавляют еще одну качественную характеристику — верховенство государственной власти, но чаще всего термин «верховенство» только заменяет термин «независимость» применительно к внутригосударственным отношениям. Например, Г. И. Тункин отмечал, что «государственный суверенитет — это присущее государству верховенство на своей территории, независимость — в международных отношениях» [Тункин 1956: 15]. Полагаю, что для рассматриваемого вопроса разница в этих подходах является непринципиальной. Главное здесь заключается в том, что определяющим признаком суверенитета является не власть и не пределы ее распространения, а независимость государственной власти. По этой причине утверждать о том, что в Вестфальском мирном договоре ничего не сказано о суверенитете, а говорилось лишь о независимости и самостоятельности тех или иных политико-территориальных образований, есть то же самое, что отрицать существование явления только на том основании, что, несмотря на присутствие всех его признаков, оно не получило своего отражения в виде индивидуального наименования.

Другое дело, что содержание понятия суверенитета на протяжении веков существенно изменялось¹. Мнение о его сущности в XVII веке отличались от представлений о нем XIX века, а те, в свою очередь, — от современных его определений [Barkin, Cronin 1994; Bartelson 1995; Weber 1995; Krasner 1999], поскольку (здесь следует согласиться с В. Д. Зорькиным) «суверенитет не помещен в „политический холодильник“». Он эволюционирует вместе с развитием государства и общества². Абсолютной независимости государств (как и абсолютной свободы человека в обществе) не существует. Например, принимая на себя обязательства по международному договору, они неизбежно ограничивают свою свободу в ведении своих дел.

Эти ограничения могут на разных этапах истории рассматриваться с точки зрения наличия или отсутствия суверенитета совершенно по-разному. Например, карликовые государства Европы на протяжении почти всего XX века в силу наличия у них (по международным договорам) особых отношений со своими соседями рассматривались

¹ По этой причине современные концепции суверенитета в политологии и особенно в науке международного права не всегда применимы к явлениям далекого прошлого.

² Зорькин В. Д. Апология Вестфальской системы // Российская газета. 2004. 13 июля. № 3525.

не иначе, как находящиеся в одной из форм зависимости — протекторате [Оппенгейм 1948: 328]. В связи с этим у них возникали проблемы с принятием в члены международных межправительственных организаций и участием в иных межгосударственных отношениях. Тем не менее в 1964 году Мальта была принята в ООН, а затем членами этой международной организации в начале 1990-х годов стали и остальные европейские карликовые государства. Вместе с их принятием в ООН содержание понятия суверенитета претерпевает изменения: теперь считается, что если одна страна передает по заключенному договору, который по каким-либо причинам изначально не является ничтожным, другому государству свои суверенные права (вплоть до тех или иных собственных функций), то тем самым оно не создает угроз своему суверенитету. Принятие этой концепции суверенитета не позволяет говорить о протекторате в отношении карликовых государств (при фактическом сохранении их прежних международных договоренностей).

Глубоко ошибочно и распространенное среди сторонников деканонизации Вестфальского мира мнение о том, что само понятие суверенитета было сформулировано только в XVIII веке Эмером де Ваттелем в книге, изданной в 1758 году [Ваттель 1960], и по этой причине было неизвестно авторам Вестфальских договоров. Основоположителем концепции государственного суверенитета был вовсе не Э. Ваттель, а французский политик и ученый XVI века Жан Боден (1530—1596), который этому вопросу уделил много внимания в своей работе «Шесть книг о государстве», вышедшей в свет в 1576 году. Он, в частности, писал: «Суверенитет — это абсолютная и постоянная власть государства („La souverainete est la puissance absolue et perpetuelle d’une Republique...“)», а «первый признак суверенитета» — создание законов, «не подвергаясь команды или попечительства» со стороны кого бы то ни было [Bodin 1986]¹.

Мало того, в 1625 году был опубликован труд Г. Гроция «О праве войны и мира: три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права» [Гроций 1994]. Хотя он и не использует термин «суверенитет», но много рассуждает о верховной власти, осуществляемой сувереном². Гуго Гроций, например, пишет: «Верховной же властью называется такая власть, действия которой не подчинены иной власти и не могут быть отменены чужой властью по ее усмотрению... Такова сущность верховной власти; а теперь следует выяснить, кто же является ее но-

¹ Ж. Боден упоминает и о суверенном равенстве: «маленький король столь же суверенен, как и величайший монарх на земле».

² Правда, такая верховная власть им понималась, прежде всего, как недопущение распространения на нее внешнего влияния.

сителем. Носитель может быть или в общем, или же в собственном смысле; подобно тому, как общий носитель зрения есть тело, собственный же есть глаз, так общим носителем верховной власти является государство, названное выше „совершенным союзом“» [Гроций 1994: 127].

К этому следует добавить, что в ранее уже упоминавшемся Мюнстерском договоре, заключенном в январе 1648 года (то есть до Вестфальского мира) между Испанией и Республикой Соединенных провинций, неоднократно использовался термин *souverain*¹. Так что участникам Вестфальского конгресса понятие «суверенитет» просто не могло быть неизвестно.

Уже после заключения Вестфальского мира, но еще до Э. Ваттеля вопросы суверенитета исследовали английский философ Томас Гоббс (1588–1679), немецкий юрист-международник Самуэль фон Пуфендорф (1632–1694), английский мыслитель Джон Локк (1632–1704) и многие другие, кто своими научными трудами существенно изменил общественное правосознание по отношению к государственному и национальному суверенитету и в значительной степени повлиял на формирование содержания этих понятий. Да и после Э. Ваттеля работ о суверенитете было немало.

Если вернуться к Э. Ваттелю, то он дал следующее определение понятия «суверенитет»: «Ей (нации. — *Б. Н.*) необходимо установить публичную власть, чтобы распоряжаться и указывать, что каждый должен делать для осуществления целей общества. Эта политическая власть общества есть суверенитет, и тот, кто обладает ею, является сувереном» [Ваттель 1960: 39]. И далее: «Всякая нация, которая сама управляет собою, в какой бы форме это ни осуществлялось, без какой-либо иностранной зависимости, представляет собой суверенное государство» [Ваттель 1960: 40].

При этом он считал, что «нации, или суверенные государства, должны рассматриваться как свободные личности, которые живут в естественном состоянии» [Ваттель 1960: 26]. И далее: «Для того чтобы нация имела право непосредственно состоять в этом великом обществе, достаточно, чтобы она была действительно суверенной и независимой, то есть чтобы она сама управляла собою посредством собственной власти и своих законов» [Ваттель 1960: 40–41]. В то же время, по мнению Э. Ваттеля, «дань, выплачиваемая какой-либо иностранной державе, хоть и задевает несколько достоинство этих государств, являясь признанием их слабости, но оставляет полностью нетронутым их суверенитет» [Ваттель 1960: 41]. Получается,

¹ См. ст. 1, 3, 49 Мюнстерского мирного договора между Республикой Соединенных провинций Нидерландов и Королевством Испания 1648 года // URL: https://nl.wikisource.org/wiki/Vredevan_M%C3%BCnster (дата обращения: 25.12.2021).

представление о том, что Э. Ваттель дал определение понятия суверенитета, близкое по содержанию современному, вытекает только *из толкования того*, что он написал, а не непосредственно из текста его работы¹.

* * *

Низведение Вестфальского мира до уровня малозначительного локального международного договора не соответствует его фактическому статусу среди событий прошлого человечества. Он выступает не только в роли документа, завершившего Тридцатилетнюю войну, но и в качестве значительной ступени как формирования современной системы международных отношений, так и создания (классического) международного права как соответствующей правовой системы.

Непосредственно в тексте Вестфальского мирного договора действительно не нашли закрепления такие принципы регулирования международных отношений как суверенное равенство государств, закрепление именно за ними, а не за их монархами, международной правосубъектности, не было сформулировано понятие суверенитета государства. Давая его характеристику, исследователи слишком часто вынуждены говорить о том, что он «был истоком», «положил основу», «создал базу для становления», «ознаменовал начало коренных изменений». Тем не менее это не умаляет его достоинств. Отмечу главные из них.

Именно Вестфальский конгресс стал первым в мировой истории общеевропейским конгрессом. Его представительный характер, длительность проведения, содержание подписанных в ходе него договоров и обязательность их положений для всех участников, а также протокольные правила позволяют говорить об осознании государствами Европы себя как единого (общеевропейского) международного сообщества. Кроме того, в ходе работы Вестфальского конгресса в относительно короткие сроки были созданы не только договорные, но и общие международно-правовые обычные нормы, имевшие принципиальное значение для формирования новой системы международных отношений.

¹ Когда читаешь то, что написано о трудах Э. Ваттеля в специальной литературе по политологии, истории международных отношений и международному праву, а потом обращаешься к работам самого Э. Ваттеля, постоянно возникает ощущение, что все выводы о том, что именно он написал, покоятся исключительно на толковании его трудов и на дальнейшей интерпретации этих толкований. Невольно возникает мысль, что скоро кто-нибудь обязательно займется (по примеру Вестфальского мира) развенчанием «мифологизации» этого автора. Впрочем, это справедливо не только по отношению к трудам Э. Ваттеля.

Несмотря на то что большая часть положений Вестфальского мира 1648 года действительно носит прикладной характер, он представляет собой образец первого в мировой истории общеевропейского международного договора, в котором был сформулирован ряд норм, обязательных для всех государств Европы. В результате был совершен прорыв в вопросе создания договорных норм общего международного права. Отсюда Вестфальский мир следует рассматривать как отправную веху в формировании международного права как правовой системы.

Список литературы

1. *Алексеев В. А.* Тридцатилетняя война. Л.: Учпедгиз, 1961. С. 237.
2. *Алексеев С. С.* Теория государства и права. М.: Юрид. лит., 1985. С. 480.
3. *Анцилотти Д.* Курс международного права: Введение — общая часть. Т. 1. М.: Иностр. лит., 1961. С. 447.
4. *Беляев М. П.* Французская и имперская дипломатия в поисках мира: из истории Вестфальского мирного конгресса. М.: ИВИ РАН, 2000. С. 111.
5. *Блунчли И. К.* Основы международного права // О значении и успехах новейшего международного права. Пг.: Изд. Н. И. Ламанского, 1867. С. 90.
6. *Ваттель Э.* Право народов или принципы естественного права, применяемые к поведению и делам наций и суверенов. М.: Госюриздат, 1960. С. 720.
7. *Гроций Г.* О праве войны и мира: три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права. М.: Ладомир, 1994. С. 868.
8. *Ильинская О. И.* Вопросы применения международных обычно-правовых норм // Журнал российского права. 2012. № 11. С. 114–125.
9. *Камаровский Л. А.* Основные вопросы науки международного права. М.: Унив. Типография, 1892. С. 92.
10. *Киссинджер Г.* Мировой порядок. М.: АСТ, 2014. С. 512.
11. *Козлова Е. И., Кутафин О. Е.* Конституционное право Российской Федерации. М.: Юристъ, 1996. С. 480.
12. *Колосов Ю. М.* Виды международно-правовых обычных норм в международном гуманитарном праве // Российский ежегодник международного права. Специальный выпуск. 2005. СПб.: Социально-коммерческая фирма «Россия-Нева», 2006. С. 17–21.
13. *Куприянов А. В.* «Вестфальский миф»: история и критика // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2019. № 3. С. 37–50.
14. *Куприянов А. В.* «Вестфальский миф» и «вестфальский» суверенитет // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2019. № 4. С. 11–23.

15. Курс международного права: Понятие и сущность современного международного права: в 6 т. Т. 1. М.: Наука, 1967. С. 284.
16. *Левин Д. Б.* История международного права. М.: Изд-во ИМО, 1962. С. 136.
17. *Лукашук И. И.* Нормы международного права в международной нормативной системе. М.: Спарк, 1997. С. 322.
18. *Мартенс Ф. Ф.* Современное международное право цивилизованных народов: в 2 т. Т. 1. М.: Зерцало, 2008. С. 368.
19. Международное право в 2 ч. / под ред. А. Н. Вылегжанина, Е. Т. Загайнова, А. Я. Капустина, Б. И. Нефедова. Ч. 1. М.: Юрайт, 2021. С. 329.
20. *Оппенгейм Л.* Международное право. Т. 1. Полутом 1 / пер. с англ. М.: Иностранная литература, 1948. С. 407.
21. *Поршнев Б. Ф.* Франция, Английская революция и европейская политика в середине XVII в. М.: Наука, 1970. С. 436.
22. *Прокопьев А. Ю.* Германия в эпоху религиозного раскола. 1555–1648. СПб.: ИЦ Гуманитарная Академия, 2002. С. 384.
23. *Ревякин А. В., Васильева Н. Ю.* История международных отношений: в 3 т. Т. 1: От Вестфальского мира до окончания Первой мировой войны / под ред. А. В. Торкунова, М. М. Наринского. 3-е изд. М.: Аспект Прогресс, 2018. С. 400.
24. *Сафонов В. Е.* Вестфальский трактат 1648 года и его влияние на формирование принципов международного права // Гражданин. Выборы. Власть. 2021. № 2. С. 110–117.
25. *Саямов Ю. Н.* Вестфальский мир и его принципы вчера и сегодня // Век глобализации. 2018. № 3 (27). С. 95–105.
26. *Синякин И. И., Скуратова А. Ю.* Нормы *jus cogens*: исторический аспект и современное значение для международного права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. Вып. 41. С. 526–545.
27. *Таубе М.* История зарождения современного международного права (Средние века). Т. 1: Введение и Часть Общая. СПб.: Типо-Литография П. И. Шмидта, 1894. С. 370.
28. Теория и методология истории / под ред. В. В. Алексеева, Н. Н. Крадина, А. В. Коротаева, Л. Е. Гринина. Волгоград: Учитель, 2014. С. 504.
29. *Тешке Б.* Миф о 1648 годе: класс, геополитика и создание современных международных отношений. М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2011. С. 416.
30. *Тункин Г. И.* Особенности создания обычных норм международного права // *Баскин Ю. А., Крылов Н. Б., Левин Д. Б. и др.* Курс международного права: в 7 т. Т. 1. М.: Наука, 1989. С. 189–220.
31. *Фархутдинов И. З.* Утрехтский мирный договор: начало или конец Вестфалья? Опыт доктринального исследования проблем формирования современной модели международных отношений в контексте

- развития международного права // Евразийский юридический журнал. 2019. № 7 (134). С. 23–39.
32. *Фархутдинов И. З.* Доктрина о вестфальской мирной системе: мифы и реалии // Евразийский юридический журнал. 2019. № 6 (133). С. 21–31.
 33. *Фельдман Д., Барабанов О.* Если Вестфаль и болен, то этот больной скорее жив, чем мертв... // Международные процессы. 2007. Т. 5. № 3. С. 104–113.
 34. *Фолькер Р.* История Швейцарии. М.: Весь мир, 2013. С. 144.
 35. *Barkin J. S., Cronin B.* The state and the nation: changing norms and the rules of sovereignty in international relations // International organization. 1994. Vol. 48. № 1. P. 107–130.
 36. *Bartelson J.* A genealogy of sovereignty. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. P. 317.
 37. *Bodin J.* Les six livres de la Republique. Liv. I–III. Paris: Fayard, 1986. P. 861.
 38. *Cassese A.* International Law in a Divided World. Oxford: Clarendon Press, 1986. P. 429.
 39. *Condorelli L.* Custom // International Law: Achievements and Prospects / ed. by *Bedjaoui M.* Dordrecht: Nijhoff, 1991. P. 179–212.
 40. *Croxton D.* Westphalia: The Last Christian Peace. New York: Palgrave Macmillan, 2013. P. 452.
 41. *Croxton D.* The Peace of Westphalia of 1648 and the Origins of Sovereignty // The International History Review. 1999. Vol. 21. No. 3. P. 569–591.
 42. *Gross L.* The Peace of Westphalia, 1648–1948 // The American Journal of International Law. 1948. Vol. 42. № 1. P. 20–41.
 43. *Kelsen H.* Principles of international law / Rev. and ed. by R. Tucker. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1966. P. 602.
 44. *Kolb R.* The formal source of jus cogens in public international law // Zeitschrift für öffentliches Recht. 1998. Vol. 53. P. 69–105.
 45. *Krasner S. D.* Westphalia and All That // Ideas and Foreign Policy: Beliefs, Institutions and Political Change / ed. by J. Goldstein, R. Keohane. Series: Cornell Studies in Political Economy. London: Cornell University Press, 1993. P. 235–264.
 46. *Krasner S. D.* Sovereignty: organized hypocrisy. Princeton: Princeton University Press, 1999. P. 248.
 47. *Lesaffer R.* Peace treaties from Lodi to Westphalia // Peace Treaties and International Law in European History: From the Late Middle Ages to World War One / ed. by R. Lesaffer. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 9–44.
 48. *Lesaffer R.* The non-Westphalian Peace. Oxford Public International Law (OPIL), 2014 // URL: <https://opil.ouplaw.com/page/non-westphalian-peace/the-nonwest-phalian-peace> (accessed 25.12.2021).

49. *Morgenthau H.J.* Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace. New York: Alfred Knopf, 1948. P. 489.
50. *O'Connell D.P.* International Law: Two vol. Vol. I. London: Stevens and Sons Ltd., 1965. P. 651.
51. *Osiander A.* Sovereignty, International Relations, and the Westphalian Myth // International Organization. 2001. Vol. 55. № 2. P. 251–287.
52. *Patton S.* The Peace of Westphalia and its Effects on International Relations, Diplomacy and Foreign Policy // The Histories. 2019. Vol. 10. № 1. Article 5. P. 91–99.
53. *Rembault A.* Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France: depuis les traités de Westphalie jusqu'à la Révolution française, v. Russie, livre premier. Paris: Felix Alcan Editeur, 1890. P. 576.
54. *Schwarzenberger G.* International Law as Applied by International Courts and Tribunals. London: Stevens & Sons Ltd, 1968. P. 881.
55. *Thierry H.* L'évolution du droit international: cours général de droit international public // Collected Courses of the Hague Academy of International Law. Vol. 222. Boston, 1990. P. 9–186.
56. *Thirlway H.W.* International Customary Law and Codification. Leiden: Brill, 1972. P. 170.
57. *Weber C.* Simulating Sovereignty: Intervention, the State, and Symbolic Exchange. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. XIV. 147 p.
58. *Whaley J.* Germany and the Holy Roman Empire. Vol. I: Maximilian I to the Peace of Westphalia 1493–1648. New York: Oxford University Press, 2012. P. 637.

Criticism of the Ideas about the Westphalian World

HSE University, Moscow, 101000, Russia MGIMO University,
Moscow, 119454, Russia

Abstract. The article studies perceptions of the Peace of Westphalia that were formed in the fields of international relations history and the general theory of international law as a result of conflicting doctrines, with some claiming the Westphalian treaties of 1648 are of universal significance for these scientific fields, and others, conversely, denying that these treaties had any sort of influence on the formation of a modern system of international relations and the formation of international law as a legal system. The article concludes that the treaties of the Peace of Westphalia does not actually contain many of the provisions attributed to them. These norms often arise only from their interpretation. However, the critics of the treaties' significance for the history of international relations and their international legal regulation who focused their attention only on the verbatim text of these documents while ignoring the historical conditions surrounding their development and adoption, failed to properly assess their impact. The Westphalian Congress was the first congress in world history that was pan-European in character. Its widely representative nature, the lengthy period

of time during which it was held, the content of the treaties and the universally binding nature of their provisions, as well as the protocol rules, allow us to claim that the states of this world region started to identify themselves as part of a single pan-European international community. Moreover, the Congress also saw the creation, in a relatively short time, not only of treaties, but also of customary norms of general international law that were of fundamental importance for the formation of a new system of international relations. Despite the fact that most of the provisions of the Peace Treaty of Westphalia of 1648 have an applied nature, it is by no means an insignificant medieval treaty, the only virtue of which lies in it ending the Thirty Years' War. The Peace of Westphalia is an example of the first pan-European international treaty in world history which formulated a number of binding norms for all states of this part of the world. To sum up, the Westphalian Peace Treaty was, a historic breakthrough the creation of treaty norms of general international law, and therefore the it should be deemed a historical milestone in the creation of international law as a legal system.

Keywords: The Peace of Westphalia; the Congress of Westphalia; general international law; sources of general international law; interpretation of international treaties.

References

1. *Alekseev S. S.* (1985). *Teoriya gosudarstva i prava*. [Theory of State and law]. Moscow: Yurid. Lit. P. 480.
2. *Alekseev V. A.* (1961). *Tridtsatiletnyaya vojna*. [The Thirty Years' War] Leningrad: Uchpedgiz. P. 237.
3. *Alekseev V. V., Kradin N. N., Korotaev A. V., Grinin L. E. (eds)* (2014). *Teoriya i metodologiya istorii*. [Theory and methodology of history]. Volgograd: Uchitel. P. 504.
4. *Ancilotti D.* (1961). *Kurs mezhdunarodnogo prava: Vvedenie — obshchaya chast'*. [Course in international law: an Introduction—General part]. Vol. 1. Moscow: Inostrannaya literatura. P. 447.
5. *Barkin J. S., Cronin B.* (1994). *The state and the nation: changing norms and the rules of sovereignty in international relations // International organization*. Vol. 48. No. 1. P. 107–130.
6. *Bartelso J.* (1995). *A genealogy of sovereignty*. Cambridge: Cambridge University Press, P. 317.
7. *Beljaev M. P.* (2000). *Frantsuzskaja i imperskaja diplomatija v poiskah mira: iz istorii Vestfal'skogo mirnogo kongressa* [The French and Imperial Diplomacy in Search of Peace: from the History of the Westphalia Congress]. Moscow: IVI RAN. P. 111.
8. *Blunckli I. K.* (1867). *O znachenii i uspechax novejshego mezhdunarodnogo prava* [On the Significance and Successes of Modern International Law]. Petersburg: Izd. N. I. Lamanskogo. P. 90.
9. *Bodin J.* (1986). *Les six livres de la Republique. Liv. I—III*. [The six books of the Republic, books I—III.] Paris: Fayard. P. 861.

10. *Cassese A.* (1986). *International Law in a Divided World*. Oxford: Clarendon Press. P. 429.
11. *Condorelli L.* (1991). Custom // *International Law: Achievements and Prospects* / ed. M. Bedjaoui. Dordrecht: Nijhoff. P. 179–212.
12. *Croxton D.* (2013). *Westphalia: The Last Christian Peace*. New York: Palgrave Macmillan. P. 452.
13. *Croxton D.* (1999). The Peace of Westphalia of 1648 and the Origins of Sovereignty. *The International History Review*. Vol. 21. No. 3. P. 569–591.
14. *Farkhutdinov I.Z.* (2019). Utrekhtskij mirnyj dogovor: nachalo ili konec Vestfalya? Opyt doktrinalnogo issledovaniya problem formirovaniya sovremennoj modeli mezhdunarodnykh otnoshenij v kontekste razvitiya mezhdunarodnogo prava [The Treaty of Utrecht: the beginning or the end of Westphalia? The experience of doctrinal study of the problems of the formation of a modern model of international relations in the context of the development of international law] // *Evrazijskij juridicheskij zhurnal*. No. 7 (134). P. 23–39.
15. *Farkhutdinov I.Z.* (2019). Doktrina o vestfal'skoj mirnoj sisteme: mify i realii. [The doctrine of the Westphalian peace system: Myths and realities] // *Evrazijskij juridicheskij zhurnal*. No. 6 (133). P. 21–31.
16. *Feldman D., Barabanov O.* (2007). Esli Vestfal' bolen, to etot bolnoj skoree zhiv, chem mertv... [If Westphal is ill, then this patient is more alive than dead...] // *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 5. No. 3. P. 104–113.
17. *Folker R.* (2013). *Istoriya Shvejtsarii*. [The history of Switzerland]. Moscow: Ves mir. P. 144.
18. *Grotsij G.* (1994). O prave vojny' i mira: Tri knigi v kotorykh ob`yasnyayutsya estestvennoe pravo i pravo narodov, a takzhe principy publichnogo prava [On the Law of War and Peace: Three books explaining the natural law and the law of nations, as well as the principles of public law.]. Moscow: Ladomir. P. 868.
19. *Gross L.* (1948). The Peace of Westphalia, 1648–1948 // *The American Journal of International Law*. Vol. 42. No. 1. P. 20–41.
20. *Ilyinskaya O.I.* (2012). Voprosy` primeneniya mezhdunarodnykh obychno-pravovykh norm [Issues of application of international customary law norms] // *Zhurnal rossijskogo prava*. No. 11. P. 114–125.
21. *Kamarovskij L.A.* (1892). *Osnovnyye voprosy nauki mezhdunarodnogo prava* [The main issues of the science of international law]. Moscow: Univ. Tipografiya. P. 92.
22. *Kelsen H., Tucker R.* (ed.) (1966). *Principles of international law*. New York: Holt, Rinehart and Winston. P. 602.
23. *Kissindzher G.* (2014). *Mirovoj poryadok*. [World order]. Moscow: AST. P. 512.
24. *Kolb R.* (1998). The formal source of jus cogens in public international law. *Zeitschrift für öffentliches Recht*. Vol. 53. P. 69–105.

25. *Kolosov Yu. M.* (2006). Vidy mezhdunarodno-pravovykh obychnykh norm v mezhdunarodnom gumanitarnom prave. [Types of customary international law norms in international humanitarian law] // Rossijskij ezhegodnik mezhdunarodnogo prava. Specialnyj vypusk. 2005. Saint Petersburg: Rossiya-Neva. P. 17–21.
26. *Kozlova E. I., Kutafin O. E.* (1996). Konstitucionnoe pravo Rossijskoj Federatsii [Constitutional Law of the Russian Federation]. Moscow: Yurist. P. 480.
27. *Krasner S. D.* (1993). Westphalia and All That // Ideas and Foreign Policy: Beliefs, Institutions and Political Change / eds. J. Goldstein, R. Keohane. London: Cornell University Press. P. 235–264.
28. *Krasner S. D.* (1999) Sovereignty: organized hypocrisy. Princeton: Princeton University Press. P. 248.
29. *Kupriyanov A. V.* (2019a). «Vestfal'skij mif» i «vestfal'skij» suverenitet. [The «Westphalian myth» and «Westphalian» sovereignty] // Analiz i prognozirovanie. Zhurnal IMEMO. No. 4. P. 11–23.
30. *Kupriyanov A. V.* (2019b). «Vestfal'skij mif»: istoriya i kritika. [«The Westphalian Myth»: history and criticism] // Analiz i prognozirovanie. Zhurnal IMEMO. No. 3. P. 37–50.
31. Kurs mezhdunarodnogo prava (1967): Ponyatie i sushhnost sovremen-nogo mezhdunarodnogo prava. [International Law Course: The concept and essence of modern international law]: v 6 t. Vol. 1. Moscow: Nauka. P. 284.
32. *Lesaffer R.* (2004). Peace treaties from Lodi to Westphalia // Peace Treaties and International Law in European History: From the Late Middle Ages to World War One / ed. R. Lesaffer. Cambridge: Cambridge University Press. P. 9–44.
33. *Lesaffer R.* (2014). The non-Westphalian Peace. Oxford Public International Law (OPIL) // URL: <https://opil.oup.com/page/non-westphalian-peace/the-nonwest-phalian-peace> (accessed 25.12.2021).
34. *Levin D. B.* (1962). Istoriya mezhdunarodnogo prava [History of international law]. Moscow: IMO. P. 136.
35. *Lukashuk I. I.* (1997). Normy mezhdunarodnogo prava v mezhdunarodnoj normativnoj sisteme [Norms of international law in the international regulatory system]. Moscow: Spark. P. 322.
36. *Martens F. F.* (2008). Sovremennoe mezhdunarodnoe pravo civilizovannykh narodov [Modern international law of civilized peoples]: v 2 t. Vol. 1. Moscow: Zertsalo. P. 368.
37. *Morgenthau H. J.* (1948). Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace. New York: Alfred Knopf. P. 489.
38. *O'Connell D. P.* (1965). International Law: Two vol. Vol. I. London: Stevens and Sons Ltd. P. 651.

39. *Oppenheim L.* (1948). *Mezhdunarodnoe pravo*. T. 1. Polutom 1. Perevod s anglijskogo [International Law. Vol. 1. Semi-half 1. Translated from English]. Moscow: Inostrannaya literatura. P. 407.
40. *Osiander A.* (2001). Sovereignty, International Relations, and the Westphalian Myth // *International Organization*. Vol. 55. No. 2. P. 251–287.
41. *Patton S.* (2019). The Peace of Westphalia and it Affects on International Relations, Diplomacy and Foreign Policy // *The Histories*. Vol. 10. No. 1. P. 91–99.
42. *Porshnev B. F.* (1970). Frantsiya, Anglijskaja revoljutsija i evropejskaja politika v seredine XVII v. [France, the English Revolution and European Politics in the Middle of the XVIIth Century]. Moscow: Nauka. P. 436.
43. *Prokopjev A. Ju.* (2002). Germanija v epokhu religioznogo raskola. 1555–1648 [Germany in the Age of the Religious Divisions. 1555–1648]. St. Petersburg: IC Gumanitarnaja Akademija. P. 384.
44. *Rembault A.* (1890). *Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France: depuis les traités de Westphalie jusqu'à la Révolution française, v. Russie, livre premier*. Paris: Felix Alcan Editeur. P. 576.
45. *Revyakin A. V., Vasil'eva N. Yu.* (2018). Istoriya mezhdunarodny'x otnoshenij: v 3 tomah. T. 1: Ot Vestfal'skogo mira do okonchaniya Pervoj mirovoj vojny'. [History of International Relations: in 3 volumes. Vol. 1: From the Peace of Westphalia to the end of the First World War] / Pod red. A. V. Torkunova, M. M. Narinskogo. 3-e izdanie. M.: Aspekt Progress. P. 400.
46. *Safonov V. E.* (2021). Vestfalskij traktat 1648 goda i ego vliyanie na formirovanie printsipov mezhdunarodnogo prava [The Treaty of Westphalia of 1648 and its influence on the formation of the principles of international law] // *Grazhdanin. Vybory. Vlast'*. Vol. 2. P. 110–117.
47. *Sayamov Yu. N.* (2018). Vestfalskij mir i ego principy vchera i segodnya [The Peace of Westphalia and its principles yesterday and today] // *Vek globalizatsii*. No. 3 (27). P. 95–105.
48. *Schwarzenberger G.* (1968). *International Law as Applied by International Courts and Tribunals*. London: Stevens & Sons Ltd. P. 881.
49. *Sinyakin I. I., Skuratova A. Yu.* (2018). Normy jus cogens: istoricheskiy aspekt i sovremennoe znachenie dlya mezhdunarodnogo prava [Jus Cogens: The Historical Aspect and Contemporary Value for International Law] // *Vestnik Permskogo Universiteta: Yuridicheskie nauki*. No. 41. P. 526–545.
50. *Taube M.* (1894). Istoriya zarozhdeniya sovremennogo mezhdunarodnogo prava. (srednie veka). T. 1: Vvedenie i Chast Obshhaya [The history of the origin of modern international law (Middle Ages). Vol. 1: Introduction and General Part]. Saint Petersburg: Tipo-Litografiya P. I. Shmidta. P. 370.
51. *Teshke B.* (2011). Mif o 1648 gode: klass, geopolitika i sozdanie sovremennykh mezhdunarodnykh otnoshenij [The Myth of 1648: Class, Geopolitics and the Creation of Modern International Relations]. Moscow: Izd. dom Gos. un-ta — Vyshej shkoly ekonomiki. P. 416.

52. *Thierry H.* (1990). L'évolution du droit international: cours général de droit international public // Collected Courses of the Hague Academy of International Law. Vol. 222. Boston. P. 9–186.
53. *Thirlway H. W.* (1972). International Customary Law and Codification. Leiden: Brill. P. 170.
54. *Tunkin G. I.* (1989). Osobennosti sozdaniya obychnykh norm mezhdunarodnogo prava [Features of the creation of customary norms of international law] // *Baskin Yu. A., Krylov N. B., Levin D. B., Movchan A. P., Mul- lerson R. A., Tunkin G. I., Usenko E. T., Ushakov N. A., Feldman D. I.* Kurs mezhdunarodnogo prava: v 7 tomakh. T. 1. Moscow: Nauka. P. 189–220.
55. *Vattel E.* (1960). Pravo narodov ili principy' estestvennogo prava, primen- yaemy'e k povedeniyu i delam natsij i suverenov [The law of peoples or the principles of natural law applied to the conduct and affairs of nations and sovereigns]. Moscow: Gosyurizdat. P. 720.
56. *Vylegzhanin A. N., Zagajnov E. T., Kapustin A. Ya., Nefedov B. I.* (eds.) (2021). Mezhdunarodnoe pravo v 2 ch. Chast 1 [International law in two parts. Part 1]. Moscow: Yurajt. P. 329.
57. *Weber C.* (1995). Simulating Sovereignty: Intervention, the State and Sym- bolic Exchange. Cambridge: Cambridge University Press. XIV. 147 p.
58. *Whaley J.* (2012). Germany and the Holy Roman Empire. Volume I: Max- imilian I to the Peace of Westphalia 1493–1648. New York: Oxford Uni- versity Press. P. 637.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора.....	3
Глава 1. Мировой порядок и его виды	4
Глава 2. Доктрины международного порядка, основанного на правилах, и международного порядка, основанного на праве	34
Глава 3. Виды глобальных правопорядков и их соотношение с понятием мироустройства	72
Библиография	117
Приложение.....	143
Критика значения Вестфальского мира	143
Список литературы	167